

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

947.005

RUSK

1909

no. 2

Long

БИБЛИОТЕКА
СОБРАНІЯ ИНЖЕНЕРОВЪ
ПУТЕИ СООБЩЕНІЯ.

Шкода

№ 7050

Return this book on or before the
Latest Date stamped below.

Theft, mutilation, and underlining of books
are reasons for disciplinary action and may
result in dismissal from the University.
University of Illinois Library

ТЕКА

MAY - 13 1966

252

177
mm

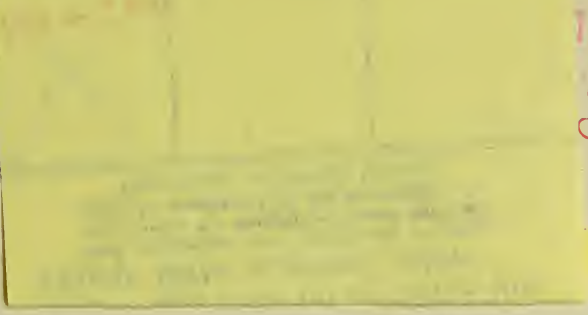

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

947.005
RUSK
1909
no. 2

9

ПОЧТА
ИНЖЕНЕРОВЪ
СООБЩЕНІЯ.

№ 7050

БИБ ПОЧТА

Иркутск

Година . . . № 252

mm

177

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXX-й.

ФЕВРАЛЬ.

1909 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя. А. Ѳ. Конн. 233—255
- II. Записки сенатора Есиповича 259—278.
- III. Дипломатическія депеши датскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, Вестфалена, о воцареніи императрицы Анны Іоанновны. В. Корсаковой. 279—298
- IV. Власти предержащія. У Чернышева моста. П. М. Ковалева. 299—312
- V. Въ походѣ и бою на броненосцѣ «Адмиралъ Ушаковъ». И. А. Дятлова. 313—319
- VI. Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ „Горю отъ ума“. Сообщ. Н. В. Шаломытовъ. 320—348
- VII. Записки И. А. Мельникова. 349—364
- VIII. Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ. Н. Овсянго. . 365—376
- IX. Петръ Великій въ Парижѣ въ 1717 году. 377—386
М. И. Драгомировъ передъ войной 1877—78 гг. Изъ воспоминаній. А. Е. К. . 391—398
- XI. Изъ воспоминаній о крепостномъ правѣ. Вл. Орrockина. 399—423
- XII. Къ масонской дѣятельности князя Баратаева. Сообщ. Т. Соколовская. 424—431
- XIII. Отъ Нагасаки до Владивостока и Сингапура. (Изъ воспоминаній о плаванні на крейсере „Африка“). В. Руднева. . . . 432—447
- XIV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:
а) Изъ военнаго быта. Сообщ. Д. 256—258
б) Побѣдна въ Грузино въ 1867 г. Сообщ. Н. П. Хитрово. 387—390
в) Окладной, контрибуціонный, листъ Наполеона въ Митавѣ въ 1812 г. Н—чь. 448—449
- XV. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Портретъ Николая Авксентьевича Манассеина.
2) Окладной, контрибуціонный, листъ Наполеона въ Митавѣ въ 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1909 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.
Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.
1909.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1909 года.

Библиографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Томъ 126-й. Юрьевъ. 1907.—Томъ 127. Спб. 1908.

126-й томъ Сборника представляетъ собою IX-ю часть собранія бумагъ комитета министровъ императрицы Анны Иоанновны, издаваемыхъ подъ редакціей профессора А. Н. Филиппова. Въ новомъ томъ помѣщены бумаги первой половины 1739 года. „Высочайшее повелѣніе, вводившее у насъ контрасигнированіе министрами актовъ, подносимыхъ къ высочайшему подписанію, стало примѣняться съ начала 1739 г., и въ настоящемъ томѣ, впервые въ печати, отмѣчаются именныя указы и высочайшія резолюціи, контрасигнированныя кабинетъ-министрами и снабженныя подписью государыни“. Кабинетъ министровъ просуществовалъ недолго и былъ поглощенъ приказнымъ строемъ; дѣятельность его была до хаотичности разнообразна, и въ ней всегда смѣшивались законодательство съ администраціей. Бюджетный вопросъ очень озабочивалъ кабинетъ. Весьма любопытна резолюція его 14 марта 1739 г. о заведеніи государственной „окладной книги“, которое сенатъ откладываетъ въ долгій ящикъ. Въ этой резолюціи сказано: „а понеже сенату довольно извѣстно, что первое государства основаніе и самое нужнѣйшее дѣло, дабы знать, сколько въ годъ какихъ доходовъ собрано быть можетъ, и на какия именно дачи употреблены быть имѣютъ, и что за тѣмъ изъ году въ годъ оставаться будетъ. Но, когда въ томъ прямого основанія нѣтъ, то въ сборѣ доходовъ, тако жъ и въ расходахъ, ни малѣйшаго порядка быть не можетъ, да и взыскивать ни на комъ ничего невозможно. И тако сіе важное и нужное дѣло продолжается, повидимому, не отъ затрудненія какого, но отъ нерадѣнія... Въ послѣдніе наикрѣпчайше подтверждаемъ и повелѣваемъ о сочиненіи такой окладной книги, и ставовъ, и прочихъ тому подобныхъ нужнѣйшихъ и государству нашему полезнѣйшихъ учрежденіевъ, нашему сенату имѣть крайнѣйшее стараніе и радѣніе“... Но и высочайшая воля не смогла ничего сдѣлать съ финансовымъ произволомъ бюрократіи. Историкъ нашей общественности или русскаго государственнаго хозяйства найдетъ въ бумагахъ кабинета Анны Иоанновны много полезнаго.

Въ 127 томѣ продолжаются издаваемыя подъ ред. А. А. Половцова донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Значеніе ихъ очень высоко; для исторіи царствованія Александра I это матеріалъ первостепенной важности. Для насъ особенно интересны письма графа де-ла-Фероннэ къ барону Пакье; одно изъ нихъ, 30 марта 1820 г., подробно рисуетъ тогдашнее положеніе Россіи. Въ немъ говорится о гибельномъ для Россіи учрежденіи военныхъ поселеній, о чрезвычайной опасности для престола преслѣдованія старообрядцевъ и открытаго покровительства протестантизму, о невѣжествѣ народа, въ головѣ котораго еще не шевелятся мысли о независимости и свободѣ. За то „онѣ занимаютъ и волнуютъ уже много головъ въ высшемъ классѣ. Вся молодежь, преимущественно офицеры, насквозь пропиталась либеральными ученіями. Больше всего ее плѣняютъ самыя смѣлыя теоріи; нѣтъ въ гвардіи офицера, который бы не читалъ и не перечитывалъ сочиненій Бенжамена Констана. Наши парламентскіе дебаты такъ занимаютъ ихъ, какъ будто тамъ обсуждаются ихъ собственныя дѣла. Больше всего поклонниковъ среди этой молодежи находятъ самыя горячія рѣчи либеральной партіи. Они уже начинаютъ одобрять тѣ выступленія, которыя вызываются любовью къ свободѣ. Да, баронъ, можетъ быть, эта страна, какъ и всякая другая, доступна бурямъ, которыя теперь угрожаютъ европейскимъ государствамъ, и есть основанія опасаться, не зрѣютъ ли въ ней, какъ и въ другихъ, зерна броженія“... За этими словами слѣдуетъ прекрасная характеристика „къ противочувствіямъ привычнаго“ государя. Понятно, съ какимъ интересомъ читается это собраніе бумагъ.

Н. Л.

Десять лѣтъ собранія. Каталогъ коллекціи гравюръ Н. Д. Чечулина, съ очеркомъ исторіи гравированія и съ 35 снимками Спб., 1908 г.

Достойна удивленія энергія Н. Д. Чечулина, успѣвшаго за такой недолгой срокъ собрать коллекцію, состоящую почти изъ 3000 лѣтъ, среди которыхъ есть много шедевровъ и образцовъ изъ всѣхъ моментовъ исторіи гравюры.

Николай Авксентьевичъ
Манассейнъ.
† 1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1909 годъ.

Вступая въ 1909 году на сороковую годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1909 году:

А. Ѳ. Кони—«Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля»,—«Житійскія встрѣчи. Изъ архива А. Ѳ. Кони.»—«Письма А. М. Чупрова съ предисловіемъ и др.» П. Ѳ. Пирлинга—«Папскій представитель при русскомъ дворѣ Lorenzo Litta 1797—1799». Князя Д. А. Оболенскаго—«Мои воспоминанія о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ». Воспоминанія Н. И. Янжула «О пережитомъ и видѣнномъ» 1894—1909 гг. П. М. Новалевскаго—«Встрѣча на жизненномъ пути», «Николай Алексѣевичъ Некрасовъ», «Власти предрекающія», «У Чернышова моста», «Въ Главномъ Адмиралтействѣ», «На Мойкѣ». Г. К. Градовскаго—«Изъ минувшаго». Записки сенатора Есиповича. Изъ бумагъ Ал. Н. Попова—«Генераль Моро въ русскихъ войскахъ». М. В. Безобразовой—«Дневникъ академика В. П. Везобразова». П. Д. Паренсова. Изъ прошлаго: «Русскія войска передъ Константинополемъ въ 1878 г.» Н. Р. Овсянаго—«Устроители Болгаріи: Кн. Черкасскій, Кн. Дондуковъ-Корсаковъ, ген. Столыпинъ».—«Записки основателя «Русской Старины»—М. И. Семевского. Д. А. Скалона—«На службѣ при Е. И. В. Главнокомандующемъ В. К. Николаѣ Николаевичѣ 1864—1876 гг.». В. А. Шопулева—«Изъ записокъ стараго помѣщика». Ѳ. Г. Тернера «Воспоминанія жизни» П. Д. Зотова—«Война за независимость славянъ 1877—1878 г.». А. Ф. Петрушевскаго—«Первые годы службы». Бѣлмора—«Крейсерская дѣятельность въ русско-японскую войну». В. Ф. Руднева—«На крейсерахъ «Африка». В. Д. Корсаковой—«Дипломатическія депеши датскаго посланника Вестфалена о воцареніи Императрицы Анны Іоанновны». Л. Л. Драке—«Въ Финляндіи». Н.—«Изъ манджурской арміи въ нѣдра чинтской революціи». А. Воронова—«Воспоминаніе о гр. Ѳ. И. Тотлебевѣ».—Записки артиста Петербургской оперной группы, Солиста Е. В., И. А. Мельникова». И. И. Оноре—«11 лѣтъ въ театрѣ».—Письма П. И. Чайковскаго И. А. Мельникову. Дилова—«Въ походѣ и въ бою на «Адмиралѣ Ушаковѣ». Крылова—«Какъ бѣднѣла деревня». А. М. Лебедева—«Митрополитъ Филаретъ».—Воспоминанія Тургенева, Де-Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Тихѣва, Юдина, Семенова и др.: воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

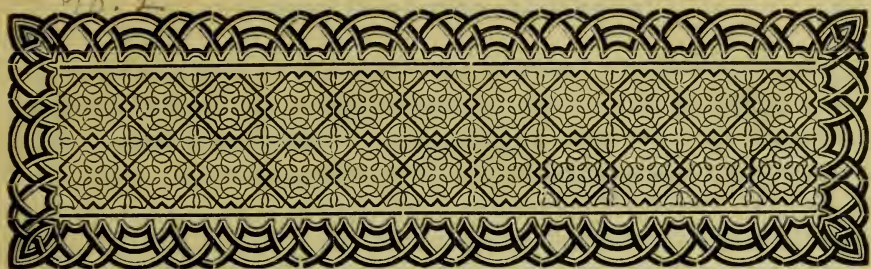
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣателя ¹⁾.

VIII.

Во время пребыванія моего въ рядахъ „дѣйствующей арміи“ судебнаго вѣдомства—въ должностяхъ прокурора и предсѣдателя окружного суда—мнѣ почти не приходилось встрѣчать въ своей практикѣ дѣлъ о преступленіяхъ противъ вѣры. Сравнительно съ послѣдующими годами, ихъ въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ возникало вообще мало—и они касались почти исключительно тѣхъ сектъ, которыя нашъ уголовный законъ (улож. о нак. ст. 203) характеризуетъ, какъ соединенныя съ свирѣпымъ изувѣрствомъ и фанатическимъ посягательствомъ на жизнь свою или другихъ, либо съ противунравственными гнусными дѣйствіями. Но съ переходомъ на постъ оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента Сената, въ половинѣ восьмидесятихъ годовъ, мнѣ пришлось ознакомиться съ весьма большимъ числомъ дѣлъ о религіозныхъ преступленіяхъ, поступавшихъ въ Сенатъ со всѣхъ концовъ Россіи. Весь раздѣлъ второй нашего уложенія—„о преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограждающихъ оную постановленій“—прошелъ предо мною во множествѣ разнородныхъ случаевъ, удостовѣренныхъ слѣдственными актами и закрѣпленныхъ приговорами, вызывавшими кассационные протесты прокурорскаго надзора и жалобы осужденныхъ. Тутъ были—независимо отъ дѣлъ о богохуленіи и порицаніи вѣры,—дѣла о штундистахъ, уніатахъ, разнаго рода сектантахъ и люте-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, февраль, октябрь, декабрь 1907 г., мартъ, ноябрь и декабрь 1908 г., январь 1909 г.

ранскихъ пасторахъ. Длинною вереницею проходятъ они въ моихъ, иногда довольно тягостныхъ воспоминаніяхъ, въ концѣ которыхъ примирительно звучатъ возвышенныя слова Высочайшаго указа Сенату отъ 17-го апрѣля 1905 года о вѣротерпимости.

Въ свѣтлые дни оживленія общественной жизни и мысли, наступившіе вслѣдъ за воцареніемъ императора Александра II,—въ пользовавшемся, въ первые годы своего существованія, большимъ нравственнымъ вліяніемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ появился рядъ статей, обратившихъ на себя общее вниманіе, какъ новизною и смѣлостью содержанія, такъ и личностью автора. Онѣ назывались „О полиціи внѣ полиціи“ и принадлежали перу полковника корпуса жандармовъ С. С. Громеки. Теперь, по прошествіи почти пятидесяти лѣтъ, статьи эти представляются упражненіями малосодержательнаго, но бойкаго пера по поводу истинъ, которыя можно назвать азбучными. Но тогда онѣ казались многимъ чуть не гражданскимъ подвигомъ, высота и глубина котораго усиливались недавнимъ служебнымъ положеніемъ автора. Всѣми читавшими эти статьи ожидалось, что мысли о законотѣрной свободѣ и достоинствѣ человѣческой личности, мелькавшія въ нихъ, найдутъ себѣ дальнѣйшее и широкое развитіе въ трудахъ и дѣятельности автора. Казалось, что не напрасно Добролюбовъ, въ шутовскомъ подражаніи извѣстной Лермонтовской передѣлкѣ стихотворенія Гёте, предсказывалъ въ „Свисткѣ“: „погоди, Громека, свистнешь, братъ, и ты!“

Громека дѣйствительно и свистнулъ, но только совсѣмъ въ другомъ направленіи, чѣмъ это предполагалъ Добролюбовъ. Въ разгаръ польскаго возстанія онъ перешелъ изъ центральнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ на службу въ Царство Польское и здѣсь, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, оказался сѣдлецкимъ губернаторомъ и самъ явился представителемъ „полиціи внѣ полиціи“ и при томъ въ области свободы совѣсти.

Сѣдлецкая губернія была образована изъ части Люблинской въ 1866 году. Населенная трудолюбивымъ, хотя и бѣднымъ по условіямъ почвы населеніемъ, чуждымъ всякихъ безпокойствъ въ тревожное время 1863 года, преданнымъ вѣрѣ отцовъ,—эта губернія, безъ земства и городского самоуправленія, не могла давать поводовъ для особыхъ безпокойствъ или затрудненій мѣстному губернатору, если только онъ самъ „мятежный не искалъ бури“ и не сѣялъ производящій ее вѣтеръ. Три уѣзда этой губерніи—Сокольскій, Радинскій и Бѣльскій—были довольно густо населены униа-

тами, уцѣлѣвшими въ качествѣ официально признаваемыхъ греко-уніатовъ при рѣшительномъ и широкомъ воссоединеніи въ 1839 г. православнаго духовенства съ греко-уніатскимъ. Это были по большей части люди малосообщительнаго и медлительнаго нрава, угрюмые на видъ, твердо держащіеся старины и цѣнившіе въ ней особенно обряды исповѣданія, въ которомъ родились и умирали ихъ отцы и дѣды. Въ 1873 и 1874 годахъ, сначала спорадически, а потомъ, такъ сказать, эпидемически—уніаты начали обнаруживать настойчивое желаніе присоединиться къ православію, такъ что гминные войты стали представлять губернскому начальству массу приговоровъ о сознательномъ желаніи обитателей гминъ оставить унію. Всемѣрно способствуя поступленію такихъ приговоровъ, Громека энергически содѣйствовалъ возбужденію вопроса о воссоединеніи уніатскаго населенія трехъ упомянутыхъ уѣздовъ съ православной церковью. Представленія его въ этомъ отношеніи нашли себѣ благодарную почву въ Петербургѣ, гдѣ вліятельный союзникъ сѣдлецкаго губернатора, правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и будущій министръ Маковъ началъ горячо ратовать за осуществленіе этихъ предположеній. Такимъ образомъ произошло въ 1875 году воссоединеніе, отпразднованное съ особою торжественностью молебствіями, краснорѣчивыми реляціями въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и наградами разнымъ лицамъ за усердіе въ этомъ благомъ дѣлѣ. Казалось, что перемѣна вѣроисповѣдныхъ симпатій мѣстнаго населенія прошла не только благополучно, но и съ блестящимъ успѣхомъ, при чемъ въ этомъ церковномъ вопросѣ энергія гражданскихъ властей и неожиданный взрывъ душевной потребности мѣстнаго населенія, гармонически слились воедино *ad maiorem ecclesiae gloriam*. Уніатскія церкви были обращены въ православныя,—Маковъ вскорѣ сдѣланъ товарищемъ министра, а Громека произведенъ въ тайные совѣтники.

Около этого же самаго времени, съ половины 1876 года, въ Царствѣ Польскомъ была введена судебная реформа. Однако еще въ концѣ 1875 года изъ объясненій старшаго предсѣдателя Варшавской судебной палаты Н. Н. Герарда и прокурора той же палаты Трахимовскаго стало обнаруживаться, что все это блестящее воссоединеніе уніатовъ есть не что иное, какъ созданный довольно беззащѣтными руками административный миражъ, — одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые такъ долго извращали и жизнь и нравственный смыслъ русскаго общества: Оба высшіе представителя судебнаго вѣдомства въ краѣ начали выражать серьезное сомнѣніе въ возможности избѣжать—при публичномъ разбирательствѣ дѣлъ о сопротивленіи бывшихъ уніатовъ властямъ—разоблаченій крайне

грустныхъ подробностей возникновенія и дальнѣйшаго укрѣпленія добровольнаго воссоединенія уніатовъ съ господствующею церковью. Они находили, что открывать дѣятельность новаго суда въ Сѣдлецкой губерніи длиннымъ рядомъ такихъ процессовъ значило бы подорвать, не только въ глазахъ мѣстнаго общества, но и за границей и безъ того невысокій нравственный авторитетъ мѣстныхъ правительственныхъ властей, показавъ воочію, какимъ недостойнымъ и незаконнымъ путемъ была вспахана и засѣяна та почва, на которой выросли эти сопротивленія. Слушать этого рода дѣла при закрытыхъ дверяхъ по закону было невозможно... Тогда министру юстиціи еще не было предоставлено права по собственному усмотрѣнію (Уставъ Угол. Судопр. ст. 621¹) уничтожать публичность, и закрытіе дверей не могло практиковаться съ тою—иногда основанною на личныхъ просьбахъ „великихъ міра сего“—развязностью, съ какою это совершалось на моей памяти, какъ видно было изъ доходившихъ до Сената дѣлъ, до начала текущаго десятилѣтія. А съ мнѣніемъ „гнилого Запада“ въ то время у насъ въ обществѣ еще считались, не начавъ еще относиться къ нему съ самодовлѣющимъ высокоуміемъ.

По распоряженію министра юстиціи графа К. И. Палена, дѣла о сопротивленіи властямъ уніатовъ были выребованы въ Петербургъ, и мнѣ, какъ вице-директору департамента министерства юстиціи, выпало на долю всѣ ихъ подробно разсмотрѣть и составить изъ нихъ общій сводъ. Изъ этихъ дѣлъ оказалось, что гминные приговоры были составлены не только не добровольно, но явились результатомъ настойчиваго давленія и всяческаго воздѣйствія, до угрозъ включительно, со стороны ближайшаго полицейскаго начальства, руководимаго въ іерархическомъ порядкѣ приказаніями и настояніями высшей губернской власти. Старое ироническое выраженіе „честью просить!“ было примѣнено и здѣсь. Населеніе было смущенно и встревожено, а когда уніатскіе храмы стали передѣлывать подъ русскія церкви и за недостаткомъ православныхъ священниковъ, могущихъ быть переведенными изъ Россіи, стали выписывать таковыхъ изъ Галиціи, смущеніе перешло въ явное недовольство, и воссоединенные перестали посѣщать церковь. Но у нихъ рождались дѣти, а смерть дѣлала свое дѣло. Дѣтей слѣдовало крестить, а мертвыхъ хоронить по обрядамъ той церкви, къ которой они офіціально принадлежали. Однако, бывшіе уніаты не хотѣли къ ней принадлежать и играть пассивно—услужливую роль въ той комедіи лицемѣрія и честолубія, которая надъ ними была разыграна: они желали оставаться уніатами. И вотъ началось уклоненіе отъ крещенія дѣтей по новому обряду и въ нѣкоторыхъ

случаяхъ отказъ хоронить по нему своихъ покойниковъ. Казалось бы, что это одно уже должно было показать не въ мѣру усерднымъ ревнителямъ воссоединенія весь лживый характеръ тѣхъ условій, въ которыхъ оно совершалось. Для простаго человѣка—крестины, свадьба и похороны представляютъ торжественныя событія, выдѣляющіяся изъ однообразія ежедневности, а между тѣмъ отъ двухъ изъ этихъ торжествъ, населеніе добровольно и конечно съ болью начало отказываться. Но, какъ это часто у насъ встрѣчалось, вмѣсто изслѣдованія причинъ такого необычнаго въ сельской средѣ явленія, его „ничто же сумняся“ начали искоренять суровыми мѣрами принужденія и наказанія.

Пользуясь широкимъ правомъ изданія обязательныхъ постановленій, губернаторъ Громека выработалъ и преподалъ подчиненнымъ властямъ цѣлую систему взысканій, замѣнявшихъ собою тѣ увѣщанія, къ которымъ, казалось бы, всего умѣстнѣе было прибѣгать представителямъ господствующей церкви, на лоно которой еще такъ недавно, будто бы, усиленно стремились уніаты. За каждый случай *неокрещенія дѣтей* въ теченіе недѣли, начальникъ уѣзда обязанъ былъ подвергать каждаго изъ виновныхъ родителей штрафу не менѣе одного рубля и не свыше семи рублей. Взысканіе штрафовъ было возложено на гминныхъ войтовъ, которые, получивъ свѣдѣніе о рожденіи младенца, обязаны были требовать отъ родителей представленія выписи изъ метрическихъ книгъ приходской православной церкви и при отсутствіи такой выписи взыскивать штрафъ соотвѣтственно времени, прошедшему со дня рожденія младенца. Каждую недѣлю штрафъ повторялся въ томъ же размѣрѣ впредь до предъявленія метрической выписи. Такимъ образомъ при упорствѣ бывшаго уніата штрафъ все возрасталъ и иногда доходилъ до такого размѣра, что всего имущества крестьянина не хватило бы на его уплату, тѣмъ болѣе, что штрафы въ *пять, шесть* или даже *семь рублей* въ недѣлю съ каждаго изъ супруговъ были далеко не рѣдкимъ явленіемъ, и, кромѣ того, при наложеніи перваго штрафа съ упорствующихъ требовалось еще внесеніе особаго обезпеченія въ исправности уплаты будущихъ штрафовъ, такъ называемаго „фанта“. За *самовольное* погребеніе бывшихъ уніатовъ не по обряду православной церкви, штрафъ назначался единовременно и былъ опредѣленъ Громекою въ *десять* рублей.

Наложеніе этихъ штрафовъ не оказывало однако ожидаемаго дѣйствія. Только самые бѣдные крестьяне подчинялись требованію гминныхъ войтовъ. Всѣ же, имѣвшіе хоть какой-либо достатокъ, безусловно отказывались платить и предпочитали полное разореніе своего хозяйства крещенію дѣтей не по вѣрѣ своихъ отцовъ. Ра-

зореніе это осуществлялось въ видѣ публичной продажи движимаго имущества упорствующихъ для уплаты накопившихся на нихъ штрафовъ, въ число которыхъ поступали и отобранные у нихъ въ видѣ залоговъ „фанты“. Преимущественно продавался скоть, а если вырученная сумма превышала сумму слѣдуемаго по штрафу взысканія, то излишекъ все-таки не выдавался хозяину проданнаго, а хранился въ гминной конторѣ „на пополненіе будущихъ штрафовъ“. Покупателями являлись исключительно мѣстные скупщики, давашіе по соглашенію между собою крайне низкія цѣны, что было особенно удобно потому, что гминное начальство не было заинтересовано въ соблюденіи при продажѣ интересовъ „упорствующаго“, а самихъ владѣльцевъ продаваемыхъ предметовъ, по распоряженію нѣкоторыхъ ретивыхъ уѣздныхъ начальниковъ, воспрещено было допускать къ личной продажѣ своего имущества.

Послѣдствія этой системы сказались немедленно. Подвергая мѣстныхъ крестьянъ разоренію и насилию ихъ совѣсть, она вызвала цѣлый рядъ противодѣйствій властямъ и ожесточеніе противъ администраціи, которое было тѣмъ сильнѣе, что „добровольное присоединеніе“ сопровождалось высылкою многихъ „упорствующихъ“ въ сѣверо-восточныя губерніи Россіи, гдѣ они—вдали отъ родины и отъ семействъ, подъ строжайшимъ надзоромъ урядниковъ—прозябали въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова. Эти высылки не помѣшали проявленію въ мѣстномъ населеніи сначала глухого, а потомъ и открытаго протеста противъ неожиданныхъ фискальныхъ послѣдствій неприсоединенія.—Стали, какъ грибы, расти дѣла о сопротивленіяхъ полиціи, объ оскорбленіяхъ стражниковъ, и неожиданная *эволюція* въ дѣятельности почтеннаго автора „Полиціи вѣѣ полиціи“ привела къ не менѣе неожиданной *революціи* въ вѣроисповѣдной жизни мѣстнаго населенія. Уже черезъ годъ послѣ торжественнаго объявленія „*urbi et orbi*“ о воссоединеніи уніатовъ, населеніе *четвертой части* бывшихъ уніатскихъ приходовъ въ Сѣдлецкой губерніи, въ количествѣ около 120.000 человекъ, стало въ явно враждебное отношеніе къ обрядамъ православной вѣры, а во всѣхъ остальныхъ приходахъ начало открыто уклоняться отъ ихъ исполненія.

Всѣ возникавшія въ этихъ приходахъ дѣла имѣли одинаковый характеръ. Начиналось съ неокрещенія младенца или съ тайныхъ похоронъ покойника, за что налагался штрафъ. Младенецъ продолжалъ оставаться неокрещеннымъ, покойникъ лежалъ спокойно въ землѣ, свободный отъ всякихъ посягательствъ на свои религіозныя убѣжденія, но такъ какъ младенецъ не слѣдовалъ его примѣру, то штрафъ росъ да росъ... Каждая недѣля

упорства и желанія оставаться въ вѣрѣ отцовъ — невидимо, но неизбѣжно, какъ скрытая болѣзнь, подтачивала хозяйство... Въ одинъ прекрасный день въ деревню являлись войтъ, солтысы и стражники. Чаша терпѣнія мѣстнаго начальства оказывалась переполненною — и начинался выводъ скота изъ хлѣбовъ, выносъ одежды и хозяйственныхъ продуктовъ изъ домовъ, среди мрачнаго молчанія мужчинъ, подъ слезы и вопли женщинъ. Иногда вещами нагружались цѣлые возы и, въ сопровожденіи забранныхъ воловъ и овецъ, торжественно отправлялись на ближайшій базаръ. Тамъ, на глазахъ взволнованныхъ владѣльцевъ, все продавалось за безцѣнокъ при содѣйствіи мѣстнаго фактора, котораго сельскія власти иногда даже нанимали для устройства продажи и указаній въ домахъ крестьянъ вещей, которыя скорѣе могутъ быть сбыты съ рукъ. Но продажа удавалась не всегда... Причитанія и жалобы женщинъ, — у иныхъ изъ которыхъ мужья, послѣ тѣлеснаго увѣщанія и долгаго пребыванія въ острогѣ, были сосланы внутрь Россіи, — рѣзкія дѣйствія сельской полиціи и, наконецъ, внезапно прорвавшееся, долго накипавшее негодованіе въ томъ или другомъ изъ воссоединенныхъ — вдругъ совершенно измѣняли картину. Начиналось наступленіе на стражниковъ, возы и скотъ отнимались, вещи разбирались по домамъ, и на время наступало торжество оштрафованныхъ. Но только на время... Вскорѣ въ помощь стражникамъ являлась вооруженная сила, а въ защиту ихъ начиналось уголовное дѣло.

Не было почти ни одной гмины, гдѣ совершилось воссоединеніе, въ которой не произошло бы какой-нибудь печальной исторіи въ этомъ родѣ. Такъ, въ 1876 г. въ гминѣ Любенкахъ (Бѣльскаго уѣзда) произошла драка между стражниками, увозившими на возу имущество, и толпою крестьянокъ, при чемъ пущены были въ дѣло палки, кочерги и даже помазокъ съ горячимъ дегтемъ. Главное участіе въ этомъ столкновеніи приняли три крестьянки, мужья которыхъ были высланы передъ тѣмъ въ сѣверныя губерніи Россіи, оставивъ безъ призора хозяйство и четырнадцать человѣкъ дѣтей. Такія же столкновенія произошли въ деревняхъ Рагозницы и Савки (Радинскаго уѣзда), гдѣ толпа приступила къ явному сопротивленію, въ особенности раздраженная участіемъ въ отобраніи вещей мѣстнаго скупщика и ростовщика. Многія слѣдственные производства рисовали грустную картину столкновенія чрезмѣрнаго штрафа и настойчиваго его требованія съ одной стороны, — бѣдности и отчаянія съ другой. То крестьянинъ, у котораго хотятъ отобрать сундукъ съ приданнымъ жены, хватаетъ за грудь солтыса, — то берутъ корову и вмѣстѣ съ нею недопускавшаго ее взять крестьянина и оставляютъ

обоихъ лишь потому, что пришедшая въ изступленіе жена его грозитъ лишить себя жизни,—то въ уѣздной больницѣ лежитъ семидесятилѣтній крестьянинъ, избитый стражникомъ за то, что не хотѣлъ отдавать корову, назначенную въ продажу на возмѣщеніе штрафа наложеннаго на его *совершеннолѣтняго* сына,—то, наконецъ, *крестьянинъ—вдовецъ* наноситъ стражнику побои, отнимая корову, описанную за 6-рублевый штрафъ, и объясняя, что ему лучше умереть, чѣмъ лишиться кормилицы своихъ троихъ малолѣтнихъ дѣтей. И такихъ случаевъ было очень много... Мирное, спокойное населеніе начало смотрѣть мрачно и озлобленно;—полиція, жившая въ добрыхъ отношеніяхъ съ этимъ населеніемъ, стала подвергаться оскорбленіямъ;—начали быстро возникать уголовныя дѣла и наполняться остроги.

Въ такомъ положеніи застала Сѣдлецкую губернію судебная реформа. Несмотря на свою односторонность и урѣзанность, она несла съ собою струю свѣжаго воздуха. Новые судебные дѣятели, независимые отъ администраціи, пріѣхавшіе со введеніемъ реформы въ тотъ край, не могли не обратить вниманія на истинное положеніе уніатскихъ дѣлъ. Стоило посѣтить тюремный замокъ, чтобы увидѣть, къ какимъ результатамъ привело многихъ то возсоединеніе, которое въ Петербургѣ изображали какъ мирное, безобидное и свободное религіозное торжество.

Къ половинѣ 1876 года въ Сѣдлецкой губерніи, подъ вліяніемъ описаннаго порядка вещей, въ тюремныхъ помѣщеніяхъ, по распоряженію мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей содержалось около 200 арестантовъ, возсоединенныхъ изъ бывшихъ уніатовъ, а въ производствѣ общихъ судовъ находилось 43 дѣла о сопротивленіяхъ власти и о насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ чиновъ полиціи.

Статьи уложенія о наказаніяхъ, по коимъ въ этихъ дѣлахъ бывшіе уніаты обвинялись, грозили наказаніемъ, доходящимъ до лишенія всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы, на время отъ четырехъ до шести лѣтъ. Всего по этимъ дѣламъ было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 52 человѣка (27 мужчинъ и 25 женщинъ). Изъ нихъ одна четвертая часть тоже содержалась подъ стражей въ виду важности упавшаго на нихъ обвиненія. Изъ этихъ 52 человѣкъ—51 прежде никогда ни къ какой отвѣтственности не привлекались, а 32 человѣка изъ нихъ имѣли въ совокупности *то одною малолѣтняго ребенка*.

Всѣ эти обстоятельства побудили министра юстиціи графа Палена представить рядъ всеподданнѣйшихъ докладовъ съ изложеніемъ наиболѣе выдающихся случаевъ преслѣдованія возсоединенныхъ уніатовъ

и съ ходатайствомъ о помилованіи послѣднихъ и о прекращеніи уголовнаго о нихъ производства. По Высочайшему повелѣнію всѣ эти лица были освобождены отъ суда и слѣдствія, а для подробнаго разсмотрѣнія возбужденнаго графомъ Паленомъ вопроса, было образовано особое совѣщаніе, въ которое, кромѣ гр. Палена, пошли шефъ жандармовъ генераль-адъютантъ Потаповъ и министръ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ Тимашевъ. 23 апрѣля 1876 года состоялось засѣданіе этого совѣщанія, при чемъ участники его объединились во взглядѣ на то, что къ бывшему греко-уніатскому населенію должны быть примѣнены начала вѣротерпимости на широкихъ основаніяхъ, вслѣдствіе чего преслѣдованіе ихъ не должно имѣть мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе находило нужнымъ представить министру внутреннихъ дѣлъ снестись съ варшавскимъ генераль-губернаторомъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ считалъ бы нужнымъ принять, для побужденія бывшихъ уніатовъ, *не подвергая ихъ преслѣдованію*, къ исполненію обрядовъ православной церкви. Мнѣніе совѣщанія было Высочайше утверждено. Такимъ образомъ, казалось бы, тѣмъ преслѣдованіямъ за привязанность къ вѣрѣ отцовъ, которыя вызвали столько горя и слезъ у обитателей Сѣдлецкой губерніи, былъ положенъ конецъ. Варшавскому генераль-губернатору оставалось лишь обсудить, какими мѣрами, исключая карательныхъ, можетъ административная власть помочь мирному исходу, лишеннаго фактическаго и нравственнаго основанія предпріятія воссоединенія.

Но на дѣлѣ вышло иначе. Въ маѣ 1876 года генераль-адъютантъ Тимашевъ препроводилъ министру юстиціи выработанныя графомъ Коцебу правила о „мѣрахъ побужденія“, приведшія министерство юстиціи въ крайнее изумленіе. Графъ Коцебу соглашался на изыятіе дѣлъ о бывшихъ уніатахъ изъ вѣдѣнія судебныхъ учреждений, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ вооружить карательною властью — по отношенію къ упорствующимъ и уклоняющимся отъ окрещенія дѣтей — войтовъ гминь, бургомистровъ городовъ, уѣздныхъ начальниковъ и губернаторовъ, въ порядкѣ постепенности, по мѣрѣ упорства виновныхъ, при чемъ взысканія должны были состоять изъ штрафовъ въ размѣрѣ отъ 1 до 10 рублей, въ арестѣ на 5 дней, въ заключеніи въ тюрьму на болѣе продолжительное время, сопровождаемомъ духовными увѣщаніями, и наконецъ въ удаленіи „совершенно безнадежныхъ“ съ мѣста жительства въ Имперію, подъ надзоръ полиціи. Графъ Палень, разсмотрѣвъ эти правила, сообщилъ Тимашеву, что мѣры, въ нихъ содержащіяся, не соотвѣтствуя началамъ вѣротерпимости, принятымъ особымъ совѣщаніемъ, и передавая каратель-

ную власть такимъ лицамъ, которыя ни по существу своихъ правъ, ни по свойству своихъ обязанностей имѣть ее не могутъ, ни въ какомъ случаѣ не приведутъ „упорствующихъ“ къ православію, а лишь дадутъ имъ поводъ считать себя страдальцами за религіозныя убѣжденія. Однако генераль Тимашевъ сообщилъ министру юстиціи, что, по его мнѣнію, мѣры эти вполне цѣлесообразны и не противорѣчатъ мнѣнію особаго совѣщанія. Тогда графъ Паленъ въ официальномъ сообщеніи заявилъ ему, что не считаетъ возможнымъ въ чемъ-либо измѣнить уже высказанное мнѣніе и, будучи глубоко убѣжденъ, что въ дѣлахъ вѣры принудительныя и насильственныя мѣры достигаютъ всегда обратнаго результата, находить, что лишеніе греко-уніатовъ средствъ судебной защиты, изытіемъ ихъ дѣлъ изъ судовъ на-ряду съ наложеніемъ на нихъ строгихъ административныхъ взысканій, не только противорѣчитъ политическимъ видамъ правительства, но и совершенно не соотвѣтствуетъ общимъ началамъ справедливости. Но министръ внутреннихъ дѣлъ остался при своемъ. Онъ не раздѣлялъ, очевидно, мнѣнія московскаго митрополита Филарета, писавшаго еще въ пятидесятыхъ годахъ: „надобно, чтобы обращеніе иновѣрныхъ созрѣвало подъ дѣйствіемъ силы слова и духа, а не тогда, когда рукою плоти совершается“. Такимъ образомъ, благодаря генералу Тимашеву, очевидно, имѣвшему болѣе ясное понятіе объ искусствѣ дѣлать статуетки, которымъ онъ, въ свободное отъ занятій внутренними дѣлами Россіи время, плѣнялъ петербургскіе салоны, чѣмъ о смыслѣ слова „вѣротерпимость“, — принципиально вопросъ разрѣшенъ не былъ.

Начало новаго царствованія ознаменовалось образованіемъ новаго совѣщанія министровъ, которое должно было *устранить* вмѣшательство административной власти въ дѣло неисполненія бывшими уніатами уставовъ церкви и возстановить порядокъ въ составленіи актовъ о рожденіи у нихъ дѣтей. Результатомъ этого совѣщанія было. Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго за необъявленіе мѣстному православному священнику о рожденіи дѣтяти для составленія надлежащаго акта, согласно правиламъ гражданскаго уложенія, виновные должны подвергаться единовременному штрафу въ рубль серебромъ, а за погребеніе умершихъ безъ надлежащаго разрѣшенія—штрафу или аресту. Что же касается до уклоненія греко-уніатовъ отъ совершенія надъ ихъ дѣтьми таинства крещенія или отъ совершенія погребенія умершихъ при участіи православнаго священника, а равно за другіе собственно-религіозныя проступки, какъ-то нарушеніе праздничныхъ дней, не хожденіе въ православную церковь, не бытіе у исповѣди и тому подоб-

ное уклоненіе отъ исполненія уставовъ православной церкви—никакихъ взысканій не допускалось. Этимъ положенъ былъ, казалось бы, наконецъ предѣлъ всякимъ преслѣдованіямъ „упорствующихъ“ уніатовъ тѣмъ болѣе, что проектируемыя маловажныя взысканія за неисполненіе обязанности по отношенію къ актамъ гражданскаго состоянія и къ обще-полицейскимъ правиламъ о погребеніи умершихъ, особенно оттѣняли ненаказуемость уклоненій въ области оффиціальнаго вѣроисповѣданія, не раздѣляемаго убѣжденіемъ совѣсти и семейными традиціями. Участіе въ совѣщаніи такихъ вліятельныхъ въ то время лицъ, какъ графъ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдовосцевъ, служило, повидимому, твердымъ ручательствомъ того, что основная умиротворительная мысль Высочайшаго повелѣнія будетъ проведена въ жизнь настойчиво и неуклонно. И дѣйствительно вопросъ объ уніатахъ замолкъ,—но, къ сожалѣнію, только на время. Тѣ, кто думалъ найти въ прекращеніи преслѣдованія уніатовъ нѣкоторое нравственное успокоеніе и увидѣть въ немъ зарю вѣротерпимости, весьма ошибались. Извѣстно, что въ одну изъ минутъ горькаго разочарованія императоръ Николай I сказалъ, что Россія „управляется столоначальниками“... Повидимому, и въ данномъ случаѣ нужно было, чтобы г.г. столоначальники въ разныхъ видахъ и на разныхъ ступеняхъ служебной лѣстницы признали возможнымъ и желательнымъ для себя осуществленіе Высочайшаго повелѣнія по уніатскимъ дѣламъ. На мѣстѣ, въ Сѣдлецкой губерніи, у нихъ явился и энергическій союзникъ въ лицѣ архіепископа Леонтія, въ узкомъ, одностороннемъ и постепенно потухающемъ умѣ котораго свило себѣ гнѣздо нѣкоторое церковно-юридическое крючкотворство.

Осенью 1887 года въ Правительствующій Сенатъ, по уголовному кассационному департаменту, поступило нѣсколько кассационныхъ жалобъ на приговоры Сѣдleckаго мирового съѣзда второго округа, въ который входятъ Радинскій, Сокольскій и Бѣльскій уѣзды. Этими приговорами крестьяне, считающіе себя состоящими въ бракѣ, были приговорены гминнымъ судомъ и мировымъ съѣздомъ къ 50 рублямъ штрафа каждый или къ аресту на два мѣсяца. Это были дѣла о такъ называемыхъ *краковскихъ бракахъ*. Изъ нихъ было видно, что мѣстныя судебныя власти не только не отказались, согласно духу и смыслу Высочайшаго повелѣнія 1882 года, отъ вмѣшательства въ вѣроисповѣдныя отношенія уніатовъ, но съ услужливой готовностью отдали себя въ распоряженіе инициаторовъ воссоединенія и ихъ сотрудниковъ, осуществляя ихъ виды и рабски слѣдуя ихъ толкованіямъ. Оказалось, что бывшіе уніаты и третій видъ упомянутыхъ выше церковныхъ обрядовъ—

бракосочетаніе продолжали совершать въ формахъ близкихъ ихъ душѣ, а не чуждыхъ ей дотолѣ. Близорукое въ политическомъ отношеніи предпріятіе *добровольнаго* воссоединенія создало, какъ и слѣдовало ожидать, благопріятную почву для религіозно-политической пропаганды со стороны воинствующаго католицизма, который, давая способы удовлетворять душевныя потребности мѣстнаго населенія, въ то же время возбуждалъ въ немъ и обострялъ національное чувство указаніемъ на притѣснительный въ дѣлахъ вѣры образъ дѣйствій русскихъ властей. Въ Сѣдлецкой и части Люблинской губерніи появились бродячіе католическіе священники-миссіонеры и стали тайно крестить младенцевъ и вѣнчать взрослыхъ. Чтобы поддержать ихъ дѣятельность, въ Краковѣ была учреждена особая миссія съ цѣлью противодѣйствія оставленію народомъ уніи. Для удостовѣренія состоявшагося обряда, эти тайные миссіонеры выдавали особые метрическіе акты на бланкахъ, подписанныхъ лицами краковского духовенства. Съ теченіемъ времени устройство этихъ *краковскихъ браковъ* перешло и въ руки частныхъ лицъ, которые поднимали плату за формальное содѣйствіе такому браку — при посредствѣ заранѣе приготовленнаго бланка—до довольно большихъ размѣровъ. Состояніе въ такомъ бракѣ нельзя было скрыть ни отъ мѣстнаго духовенства, ни отъ гминнаго начальства,—и представители того и другого стали составлять списки считающихъ себя состоящими въ краковскомъ бракѣ лицъ, препровождаемые засимъ Холмско-Варшавскому епархіальному начальству. По распоряженію послѣдняго, духовная консисторія начала признавать браки по католическому обряду заключенные лицами, исповѣдующими (?) православную вѣру, *незаконными*, а потому и *недѣйствительными* и стала входить съ мѣстной администраціей на основаніи 39 ст. уст. о пред. и прес. прест., въ сношенія о принятіи „надлежащихъ“ мѣръ. А эти *надлежащія* мѣры должны были, согласно буквѣ закона, состоять въ распоряженіи о раздѣленіи лицъ, состоящихъ въ незаконномъ и недѣйствительномъ бракѣ, отъ совмѣстнаго сожителства. Если эти лица отказывались разойтись и не жить вмѣстѣ или, давши подписку съ обязательствомъ разойтись, въ дѣйствительности продолжали свое сожителство, то противъ нихъ возбуждалось уголовное преслѣдованіе по 29 ст. мирового устава, говорящей о неисполненіи законныхъ требованій полицейской власти. Гминный судъ присуждалъ изъ нихъ cadaго къ штрафу въ 25 рублей или къ аресту на мѣсяць, а когда, отбывъ наказаніе, они продолжали „упорствовать“ въ своемъ сожитіи, то объ этомъ составлялся протоколъ, и они вновь подвергались суду, назначавшему уже высшую мѣру наказанія въ размѣрѣ 50 рублей штрафа съ cadaго

или двухъ мѣсяцевъ ареста, при чемъ этотъ приговоръ безусловно утверждался мировымъ съѣздомъ.

Первая жалоба была принесена крестьяниномъ Степаномъ Панасюкомъ и крестьянкой Маріей Казачукъ и представляла характерный образчикъ всѣхъ подобныхъ дѣлъ. Оно начиналось съ описанія начальника Радинскаго уѣзда войту гмины о томъ, что Холмско-Варшавская духовная консисторія проситъ сдѣлать распоряженіе брачавшихся по римско-католическому обряду разлучить отъ „купножительства“, вслѣдствіе чего на войта возлагается обязанность взять съ Панасюка и Казачукъ подписку, что они обязуются не жить болѣе купно, и имѣть строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы они не сходились въ „купножительствѣ“, а въ случаѣ нарушенія этого—привлечь ихъ къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ. нал. мир. суд. —Подписку эту они отказались дать и были осуждены гминнымъ судомъ, но и затѣмъ—имѣя уже двухъ дѣтей—не разстались и продолжали жить вмѣстѣ, считая себя состоящими въ бракѣ, почему гминный судъ осудилъ ихъ вторично—за повтореніе преступленія—и назначилъ имъ высшую мѣру наказанія, что составило съ прежде взысканными по 75 рублей штрафа на человѣка. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ съѣздомъ мировыхъ судей. Въ подробно мотивированномъ приговорѣ съѣзда были приведены длинныя разсужденія о томъ, что преступное дѣяніе обвиняемыхъ составляетъ нарушеніе порядка управленія (!?), подлежащее пресѣченію со стороны полиціи, согласно закону 1875 года о воссоединеніи бывшихъ греко-уніатовъ, при чемъ *полиція не входитъ въ сферу религіозныхъ вѣрованій, а также не вступаетъ и въ сферу нравственности, ибо никого не обязываетъ заключать брачныя узы.* Разсужденія съѣзда заключались признаніемъ неуважительными указаній жалобщиковъ на то, что они даже и при признаніи ихъ брака незаконнымъ могутъ быть признаны только сожителемъ, а не женой, какъ неженатый съ незамужней. Разсужденія эти въ существѣ своемъ указывали прежде всего, что и съѣздъ нѣсколько чуждался „сферы нравственности“. „Таковыми подсудимые могли бы быть признаны—говорилъ его приговоръ, — лишь тогда, когда, исполнивъ требованіе полиціи о разлукѣ, они потомъ уже сошлись бы на внѣбрачное сожительство „на иномъ основаніи“.

Этотъ приговоръ, какъ и всѣ по послѣдующимъ 22 дѣламъ о „краковскихъ“ бракахъ, поступившимъ въ Сенатъ, былъ изложенъ совершенно однообразно и, даже, если память мнѣ не измѣняетъ, литографированъ, съ оставленіемъ пустыхъ мѣстъ для вписанія именъ обвиняемыхъ. Прокуроръ варшавской палаты, одновременно съ поступленіемъ первыхъ дѣлъ о „краковскихъ“ бракахъ, сообщилъ мнѣ

официально о томъ, что ихъ въ производствѣ ихъ имѣется еще довольно много и что по вошедшимъ въ силу приговорамъ большая часть осужденныхъ, вслѣдствіе несостоятельности, подвергнута лишенію свободы на срокъ двухъ мѣсяцевъ, а также, что мѣстные власти и мѣстное населеніе съ одинаковымъ нетерпѣніемъ, хотя и по разнымъ основаніямъ, ожидаютъ рѣшенія Правительствующаго Сената. Къ сообщенію прокурора было приложено отношеніе благочиннаго Радинскаго округа къ председателю мирового съѣзда втораго округа, въ которомъ онъ, препровождая вѣдомость о незаконныхъ бракахъ бывшихъ уніатовъ, заявлялъ, что „судебное преслѣдованіе въ данномъ случаѣ производитъ самое благое вліяніе на „упорствующихъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ приноситъ большую пользу, уменьшая число этихъ браковъ и побуждая „упорствующихъ“, за малымъ исключеніемъ, начинать праздновать православные праздники, такъ что все духовенство Радинскаго округа изъявляетъ свою искреннюю благодарность судамъ за ихъ дѣятельность и молить Господа, чтобы благотворное дѣйствіе суда продолжалось и на будущее время, пока не искоренится упорство заблуждающихся несчастныхъ православныхъ прихожанъ, которые, благодаря непостоянству распоряженій администраціи, коснѣютъ въ убѣжденіи, что начальство не имѣетъ надъ ними ни власти, ни права“.

Не нужно было особыхъ усилій воображенія, чтобы представить себѣ картину этого трогательнаго воссоединенія мирового съѣзда съ духовной консисторіей во всѣхъ ея характерныхъ и смущающихъ душу подробностяхъ. Не трудно было и задаться вопросомъ: что же дѣлается съ дѣтьми насильственно разлученныхъ родителей? куда дѣваются они? на чьемъ попеченіи они находятся, если „упорствующие“ не стануть бросать другъ друга въ угоду духовному и уѣздному начальству и—разоренные штрафами—будутъ постоянно, чрезъ небольшіе промежутки, водворяемы въ тюремный замокъ, за повтореніе своего злодѣянія? Самъ собою возникалъ и другой вопросъ: дѣйствительно ли, въ случаѣ признанія такихъ браковъ незаконными, на свѣтской власти лежитъ обязанность по первому требованію консисторіи *разлучать* считающихъ себя супругами и авторитетнымъ словомъ суда рекомендовать, вмѣсто брака, блудное сожитіе, но только на какомъ-то „иномъ основаніи“? Статья 37 I ч. X тома свода законовъ несомнѣнно относится къ бракамъ (въ томъ числѣ и смѣшаннымъ), *заключеннымъ по обрядамъ того вѣроисповѣданія*, къ которымъ принадлежатъ брачующіеся. Всѣ семь пунктовъ этой статьи совершенно ясно указываютъ, что такой бракъ—законный и дѣйствительный самъ по себѣ—становится незаконнымъ и недѣйствительнымъ, только вслѣд-

ствіе свойствъ, заключающихся не въ вѣроисповѣданіи, а въ личности одного или обоихъ брачующихся—въ ихъ сумасшествіи, родствѣ или свойствѣ, состояніи уже въ бракѣ, нахожденіи подъ запрещеніемъ вступать въ бракъ, недостиженіи брачнаго возраста или переходѣ за предѣлы его и т. п. Поэтому и 38 ст. I ч. X тома, предписывающая немедленное разлученіе такихъ брачующихся—вслѣдствіе соображеній нравственнаго порядка или требованій народнаго здравія—отъ дальнѣйшаго сожительства, относится исключительно къ бракамъ, заключеннымъ по обрядамъ официальнаго вѣроисповѣданія разлучаемыхъ. Поэтому два лица православнаго вѣроисповѣданія могутъ вступить между собою *въ бракъ* только по обрядамъ православнаго вѣроисповѣданія, всякое же другое ихъ сожитіе, хотя бы и имѣющее видъ и атрибуты брачнаго, есть конкубинатъ съ точки зрѣнія закона гражданскаго, не говоря уже о правилахъ церковныхъ. Въ виду этого Панасюкъ и Казачукъ и всѣ пострадавшіе за то же—„имена ихъ ты, Господи, вѣси“—ни въ какомъ случаѣ не могли считаться состоящими въ незаконномъ бракѣ. Поэтому требованіе о разлученіи ихъ оказывалось совершенно произвольнымъ и лишеннымъ всякаго основанія. Сожитіе неженатаго съ незамужней влечетъ въ Россіи уголовное преслѣдованіе, лишь при требованіи матерью ребенка, родившагося отъ этой связи, обезпеченія себѣ и ему, согласно 994 ст. улож. о наказ. Въ Царствѣ же Польскомъ виновные въ блудѣ преслѣдуются прокурорскимъ надзоромъ предъ окружнымъ судомъ и наказываются церковнымъ покаяніемъ, независимо отъ рожденія ребенка. Поэтому, разсматривая приговоръ гминнаго суда, мировой сѣзды былъ обязанъ отмѣнить и этотъ приговоръ и все производство по дѣлу, признавъ, что требованіе консисторіи и уѣзднаго начальника, идущее въ разрѣзъ съ точнымъ смысломъ 37 статьи X тома, незаконно и что подсудимые могли бы подвергнуться лишь обвиненію въ незаконномъ сожитіи, если бы прокурорскій надзоръ нашелъ возбужденіе такого обвиненія цѣлесообразнымъ и разумнымъ по бытовымъ условіямъ жизни.

Оставленіе въ силѣ подобныхъ приговоровъ сѣзда было бы равносильно упроченію въ Сѣдлецкой губерніи явнаго неправосудія, и я счелъ себя обязаннымъ высказать предъ Сенатомъ по дѣлу Панасюкъ—Казачукъ мнѣніе о необходимости отмѣны состоявшагося приговора со всѣми послѣдствіями, за неправильнымъ примѣненіемъ 29 ст. уст. о наказ., и съ разъясненіемъ неосновательности толкованія, даннаго мѣстными властями статей гражданскихъ законовъ о недѣйствительныхъ и незаконныхъ бракахъ.

Предвидя, что въ случаѣ, если Сенатъ раздѣлитъ—какъ я имѣлъ основаніе предполагать—мой взглядъ, въ правящихъ кругахъ Сѣдлецкой губерніи и въ самой Варшавѣ поднимется нѣкоторый шумъ и въ Петербургъ полетятъ нареканія на Сенатъ за то, что рѣшенія его колеблуть и разрушаютъ дѣло воссоединенія, я словесно предупредилъ министра юстиціи Манасеина объ этихъ весьма возможныхъ и вѣроятныхъ послѣдствіяхъ будущаго сенатскаго разясненія.

Николай Авксентьевичъ Манасеинъ,—нервный и впечатлительный человѣкъ, не могъ считаться вполне соотвѣтствующимъ званію министра юстиціи въ трудное время восьмидесятыхъ годовъ, когда на судебное вѣдомство установился у многихъ вліятельныхъ высшихъ сановниковъ взглядъ, полный недоброжелательства и недовѣрія. Кропотливый въ работѣ и входившій во всякія мелочи,—страстный и подчасъ рѣзкій,—то слишкомъ замкнутый, то черезчуръ и не безопасно для себя откровенный,—неровный и нерѣшительный,—способный приниматься за какой-нибудь вопросъ съ чрезвычайной энергіей и совершенно утрачивать ее на полпути, Манасеинъ, какъ министр юстиціи, далъ поводъ ко многимъ довольно справедливымъ упрекамъ и нажилъ себѣ много враговъ. Онъ былъ гораздо болѣе намѣстѣ, какъ прокуроръ Московской судебной палаты,—въ должности, гдѣ нужно было лишь честное и горячее служеніе Судебнымъ Уставамъ и гдѣ не требовалось широкихъ государственныхъ взглядовъ. Уже во время ревизіи имъ, въ качествѣ сенатора, губерніи Прибалтійскаго края, отсутствіе этой широты, въ связи съ большою страстностью, сказалось въ рядѣ дѣйствій, поселившихъ много напраснаго раздраженія и обострившихъ мѣстную племенную рознь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ несомнѣнной доброты и благородства,—чуждый интригъ и лукавства,—прямодушный въ выраженіи своихъ симпатій и антипатій,—понимавшій цѣну труда, способный сознавать и даже оплакивать свои ошибки, далекій отъ суетнаго честолюбія и смотрѣвшій на свое званіе не какъ на ступеньку къ матеріальному или властному возвышенію, а какъ на тяжкое служеніе, которое и поглотило всѣ его духовныя и физическія силы. Въ душевномъ складѣ и вкусахъ его жилъ мировой посредникъ перваго призыва, и этимъ, конечно, объясняется та смѣлая оппозиція, которую онъ проявилъ при возникновеніи закона о земскихъ начальникахъ, пока нервное отсутствіе стойкаго напряженія воли не толкнуло его на уступки, обрадовавшія его враговъ и недоувѣрчиво принятые тѣми, въ согласіи съ кѣмъ онъ ихъ сдѣлалъ. Одинокій въ общественномъ смыслѣ, многими оставленный и позабытый, сошелъ онъ въ тяжкихъ физическихъ страданіяхъ въ

могилу, вскорѣ послѣ давно желаннаго имъ увольненія отъ должности министра.

Личныя наши отношенія были довольно холодны и официальны, но я считалъ нужнымъ предупредить его заранѣе о предвидимыхъ мною поводахъ къ несправедливому раздраженію на судебное вѣдомство или на Сенатъ для того, чтобы онъ могъ своевременно приготовиться къ отклоненію нападеній и къ разясненію недоумѣній. Съ удовольствіемъ вспоминаю я нѣкоторыя изъ нашихъ бесѣдъ по этимъ поводамъ, и какъ сейчасъ вижу его оживленное, красивое лицо и прекрасные глаза. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось вопросовъ о свободѣ совѣсти, Манасеинъ обнаруживалъ ясность мысли и отсутствіе душевной черствости, проявляя не разъ смѣлость рѣшеній, не совсѣмъ обычную въ то время уклончивости и компромиссовъ. Онъ искренно возмущился представленными ему мною данными дѣла и вполнѣ согласился съ тѣмъ, что приговоры Сѣдлецкаго сѣзда не могутъ оставаться въ силѣ, несмотря на то, что незадолго передъ тѣмъ, этотъ сѣздъ получилъ общее одобреніе своей, особо отпѣненной въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора, усердной дѣятельности. Я просилъ Манасеина вызвать председателя сѣзда и предложить ему представить подробныя свѣдѣнія о всѣхъ другихъ преслѣдованіяхъ, возбужденныхъ противъ уніатовъ. Манасеинъ согласился на это, прибавивъ, что вызоветъ и прокурора судебной палаты. Дня черезъ три я получилъ отъ него записку, въ которой онъ сообщалъ мнѣ, что говорилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода о томъ заключеніи, которое будетъ мною дано по дѣламъ о „краковскихъ“ бракахъ, и что К. П. Побѣдоносцовъ очень проситъ меня повидаться съ нимъ, надѣясь разяснить мнѣ неправильность моего взгляда.

„Помилуйте, что вы хотите сдѣлать!—сказалъ мнѣ при свиданіи Побѣдоносцевъ—мы съ такимъ трудомъ налаживаемъ церковное дѣло въ Польшѣ, а вашъ Сенатъ собирается намъ въ колеса палки вставлять... Тутъ вѣдь не одно нарушеніе церковныхъ правилъ. Эти бывшіе уніаты вызываютъ путаницу въ актахъ состоянія и, не желая звать православнаго священника, хоронятъ мертвыхъ кое-какъ и раньше срока. Судебные приговоры произвели на нихъ отличное дѣйствіе: мнѣ писали объ этомъ и председатель сѣзда и мѣстный преосвященный, а у васъ все это собирается испортить“... Онъ ходилъ большими шагами по кабинету и, видимо, все болѣе и болѣе раздражался. Я далъ ему все высказать и, зная, что въ немъ формальный ревнитель интересовъ духовнаго вѣдомства не могъ совершенно заставить замолчать тонкій и логическій умъ свѣдущаго и извѣстнаго цивилиста, спокойно изло-

жилъ ему, какое явное искаженіе нашихъ *гражданскихъ* законовъ представляютъ собою рѣшенія сѣзда, указавъ ему на то, что самъ же онъ вмѣстѣ съ двумя другими министрами выработалъ Высочайшее повелѣніе 1882 года, въ силу котораго незаписаніе новорожденныхъ дѣтей въ акты состоянія и погребеніе съ нарушеніемъ полицейскихъ правилъ наказываются въ административномъ порядкѣ маленькимъ единовременнымъ штрафомъ. Но между такимъ штрафомъ, если бы онъ назначался за занесеніе рожденія ребенка въ акты гражданского состоянія, и насильственнымъ разлученіемъ людей, считающихъ себя супругами и не желающихъ жить въ блудной связи, есть огромная разница. Сенатъ не можетъ покрывать своимъ авторитетомъ приговоры, въ которыхъ законность дѣйствій полиціи доказывается съ вопіющими натяжками и съ рекомендаціей искренно вѣрующимъ людямъ вступать въ внѣбрачную связь „на другомъ основаніи“, какъ выразился сѣздъ. Эти доводы подѣйствовали, и въ концѣ концовъ К. П. Побѣдоносцевъ сказалъ, что онъ не будетъ протестовать противъ рѣшенія Сената въ указанномъ мною смыслѣ, но думаетъ, что такой протестъ неминуемо послѣдуетъ со стороны варшавскаго генераль-губернатора, такъ что если Сенатъ не желаетъ, чтобы это рѣшеніе вызвало, по жалобамъ послѣдняго, какія-нибудь крутыя общія распоряженія или неожиданныя законодательныя мѣры противъ бывшихъ уніатовъ, которыя еще болѣе ухудшатъ ихъ положеніе, то мнѣ слѣдовало бы переговорить съ генераль-губернаторомъ, который кстати находится въ Петербургѣ. „И что это они тамъ дѣлаютъ!—прибавилъ онъ тоже довольно неожиданно,—и чего они путаютъ? Вотъ ужъ усердіе не по разуму! Ахъ Боже мой, Боже мой!“

Желая исчерпать вопросъ въ смыслѣ наибольшей законченности для достаточно настрадавшихся воссоединенныхъ, я отправился къ генераль-адъютанту Гурко и, вопреки предположенію Побѣдоносцева, встрѣтилъ въ немъ человѣка, глубоко не сочувствующаго уніатской эпопее. Онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько случаевъ злоупотребленія военной силой для принужденія бывшихъ уніатовъ подчиниться исполненію обрядовъ господствующей церкви, въ родѣ, напримѣръ, испрошенія приходскимъ священникомъ—подъ предлогомъ опасенія насилій при напутствованіи умирающаго—команды нижнихъ чиновъ и обхода съ ними цѣлой деревни, съ цѣлью окрещенія, подъ ихъ прикрытіемъ, всѣхъ младенцевъ у бывшихъ уніатовъ по православному обряду. Поэтому онъ пріѣхствовалъ могущее состояться рѣшеніе Сената, но выразилъ сомнѣніе, чтобы оно не вызвало самаго горячаго протестующаго представленія со стороны оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, вслѣдствіе несо-

мнѣнныхъ будущихъ жалобъ варшавскаго архіепископа. Я передалъ ему мой разговоръ съ Побѣдоносцевымъ, и генераль-адъютантъ Гурко сказалъ мнѣ, что при докладѣ о положеніи уніатскихъ дѣлъ онъ выскажется противъ практикуемыхъ судебныхъ преслѣдованій. Дня черезъ два, онъ объяснилъ мнѣ, что заявленіе его относительно судебныхъ преслѣдованій встрѣчено было вполнѣ сочувственно. Одновременно съ этимъ дѣло Панасюкъ-Казачукъ было доложено въ Сенатѣ и въ резолюціи всѣ основанія для отмѣны приговора съѣзда были изложены съ особой ясностью и опредѣленностью. Такая же участь постигла и всѣ остальные дѣла этого рода.

Я присутствовалъ при докладѣ министру вызваннымъ въ Петербургъ предсѣдателемъ съѣзда о характерѣ и свойствахъ уголовныхъ преслѣдованій уніатовъ, при чемъ оказалось, что работа бывшихъ уніатовъ въ полѣ или на дорогѣ въ православные праздники преслѣдовалась, какъ ослушаніе полиціи (ст. 30 уст. о наказ.), или какъ соединенное съ соблазномъ дѣйствіе (ст. 43 уст. о наказ.), или, наконецъ, какъ неисполненіе законныхъ требованій власти (ст. 29 уст. о наказ.), выражающіяся въ несоблюденіи отобранной подписки съ обязательствомъ святить православные праздники;—что по 38 ст. уст. о наказ. (нарушеніе общественнаго спокойствія и тишины) преслѣдовалось *колядованіе* въ Рождественскіе праздники—не вообще согласно ст. 30 устава о преступленіи и пресѣченіи преступленій, нигдѣ впрочемъ не примѣняемой,—а лишь *по новому стилю* и что по той же статьѣ, вопреки разъясненіямъ Сената, преслѣдовался отказъ отъ принятія свидѣтельской присяги по православному обряду, а также несоблюденіе отобранной полиціей подписки *не посѣщать католическія церкви для молитвъ*. Выслушавъ подробный разборъ и оцѣнку юридическихъ основаній для такихъ преслѣдованій и справку изъ практики Правительствующаго Сената по аналогичнымъ дѣламъ, Н. А. Манасеинъ далъ соотвѣтствующія указанія предсѣдателю съѣзда и поручилъ принять мѣры, чтобы впредь преслѣдованія, роняющія достоинство судебной власти и лишенныя законнаго основанія, не возбуждались. Такимъ образомъ, казалось, что послѣдній актъ искусственнаго воссоединенія, совершеннаго въ 1875 году, былъ доигранъ, и что на этихъ печальныхъ страницахъ можно было закрыть книгу, содержащую въ себѣ поучительную повѣсть о томъ, къ какимъ уродливымъ послѣдствіямъ приводитъ не стѣсняющееся въ дѣйствіяхъ усердіе въ дѣлахъ вѣры, въ особенности, когда къ нему примѣшивается устройство административныхъ миражей. Министръ, юстиціи, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода и варшавскій генераль-губернаторъ—каждый въ отдѣльности со-

гласились съ необходимостью прекратить уголовное преслѣдованіе бывшихъ уніатовъ по вѣроисповѣднымъ дѣламъ; Сенатъ авторитетно и рѣшительно указалъ на юридическую тѣсноту подобныхъ преслѣдованій,—и, наконецъ, этотъ взглядъ не встрѣтилъ повелительнаго возраженія.

Чего же больше?

Но неувольнимый „столоначальникъ“ не дремалъ. *Онъ* находилъ, что оставлять уніатовъ свободными отъ преслѣдованія невозможно, что если нельзя „поражать ихъ ранами“, то можно „поразить ихъ скорпіонами“. *Его* духъ виталъ надъ тремя злополучными уѣздами Сѣдлецкой губерніи и вскорѣ далъ себя почувствовать. Въ 1890 году въ уголовный кассационный департаментъ поступило нѣсколько дѣлъ изъ Сѣдлецкаго сѣзда второго округа, наминавшихъ недавно, но, какъ къ сожалѣнію оказалось, не прошедшее время. У лицъ, вступившихъ въ „краковскіе“ браки, рождались дѣти. Не считая себя православными, родители крестили дѣтей у католическихъ миссіонеровъ. Тогда должностныя лица, ведущія акты гражданского состоянія,—бургомистры и равнозначіе имъ чины въ гминахъ, получивъ списки такихъ родителей, стали вызывать послѣднихъ къ себѣ и требовалъ метрическихъ свидѣтельствъ дѣтей, удостоверяющихъ о крещеніи ихъ по православному обряду для отмѣтки ихъ въ графѣ документовъ, подтверждающихъ свѣдѣнія, помѣщенные въ записи актовъ состоянія. Метрики, конечно, не оказывалось, и тогда отъ вызванныхъ отбиралась подписка о томъ, что они въ трехдневный срокъ ее представляютъ. Одни давали такую подписку и не представляли метрики, другіе прямо отказывались давать подписку. О томъ и о другомъ составлялся протоколъ, направлялся въ гминный судъ по 29 ст. уст. о наказ., и начиналась старая процедура съ разорительными штрафами и лишеніемъ свободы. И на этотъ разъ Сенатъ, не усматривая въ положеніи о веденіи актовъ гражданского состоянія законныхъ основаній для предъявленія подобныхъ требованій, отмѣнилъ со всѣми послѣдствіями всѣ дошедшіе до него приговоры, составлявшіе лишь часть изъ слишкомъ дѣлъ, накопившихся по Сѣдлецкой губерніи къ марту 1890 года. Сенатъ согласился съ заключеніемъ оберъ-прокурора, что недоставленіе частными лицами метрическихъ свидѣтельствъ для провѣрки правильности книгъ народонаселенія не составляетъ ни преступленія, ни проступка, караемаго уголовными законами, такъ какъ такое доставленіе никому въ обязанность не вмѣнено, а въ примѣчаніяхъ къ инструкціи 1861 года въ точности указанъ порядокъ, который долженъ быть соблюдаемъ при отсутствіи или недостаткѣ метрикъ. Такъ окончились судебныя преслѣдованія уніа-

товъ. И снова были освобождены изъ тюремъ и изъ-подъ угрозы разореніемъ хозяйства многія семейства *добровольно* присоединившихся.

На этомъ прекратились *судебныя* дѣла объ упорствующихъ изъ воссоединенныхъ. Продолжались ли административныя мѣропріятія въ этомъ отношеніи—мнѣ неизвѣстно. Но единственно правильная и согласная съ назначеніемъ и достоинствомъ церкви борьба съ отпаденіями отъ православія оружіемъ духовнымъ, очевидно, не стояла на первомъ планѣ, такъ какъ еще въ 1904 году въ Комитетѣ Министровъ было сдѣлано заявленіе, что „принадлежность колеблющихся къ православію, являющаяся благомъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для Церкви, *при нѣкоторыхъ, уже начатыхъ теперь, усиліяхъ просвѣтительнаго характера* со стороны духовенства, могла бы быть современемъ обезпечена“. Такимъ образомъ оказывалось, что черезъ двадцать девять лѣтъ послѣ воссоединенія только-что начались усилія „просвѣтительнаго характера“, т. е. что взялись, наконецъ, за мечъ духовный послѣ того, какъ мечъ свѣтскій, иногда даже въ рукахъ военныхъ властей, зазубрился и притупился совершенно безплодно. Отчеты оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода въ концѣ девятинастныхъ и въ началѣ девятисотыхъ годовъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ въ Холмской епархіи въ 1895 году было *упорствующихъ*—73.000, а въ 1897 году уже 83.000; такъ на общее число воссоединенныхъ по одной Сѣдлецкой губерніи въ числѣ 15.3000 человекъ (въ 1897 году)—въ 1899 г. было *упорствующихъ* свыше 62.000 и *колеблющихся* болѣе 55.000 человекъ; они имѣли 26.000 некрещеныхъ дѣтей и между ними было 9.800 паръ находящихся, за желаніемъ совершить бракъ по православному обряду, въ блудномъ сожитіи. Съ 1896 года по 1897 число упорствующихъ въ Холмской епархіи вообще увеличилось на 6.000 человекъ, а колеблющихся на 1.350,—число некрещеныхъ дѣтей на 6.000 и незаконныхъ сожительствъ на 770 паръ. Въ отчетѣ Синодальнаго оберъ-прокурора за 1897 годъ обрисованы результаты этого безплоднаго воздѣйствія на людей, которые хотѣли жить по вѣрѣ своихъ предковъ. „Состояніе упорствующихъ бывшихъ греко-уніатовъ — говорится въ отчетѣ—до крайности печально. У исповѣди они не бываютъ, дѣтей не крестятъ, браковъ не вѣнчаютъ, умершихъ погребаютъ самовольно. Забывши всѣ обязанности, налагаемыя на христіанъ религіей, они совершенно очерствѣли душой. Отъ незаконныхъ, некрещенныхъ родителей родились дѣти, тоже остающіяся некрещенными. Къ православію упорствующіе относятся съ озлобленіемъ, съ духовенствомъ избѣгаютъ встрѣчъ и бесѣдъ, къ умершимъ пра-

вославленнымъ священниковъ вовсе не допускають; на убѣжденія крестить дѣтей многіе отвѣчаютъ: „скорѣе утопимъ, чѣмъ окрестимъ въ вашей Церкви“. Среди нихъ не прекращается пропаганда католическихъ ксендзовъ, тайное совершеніе ими требъ и исповѣди“.

Этотъ отчетъ подписанъ человѣкомъ большого ума... Невольно спрашиваешь себя, какъ нелогичность всего высказаннаго не бросилась прежде всего ему самому въ глаза? Какимъ образомъ люди, ищущіе,—съ ущербомъ для своихъ гражданскихъ правъ,—утѣшенія въ трудахъ и жаждущіе покаянія по обрядамъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ, могутъ считаться: „совершенно очерствѣлыми душою и забывшими всѣ обязанности христіанина“?! Какъ было не задуматься надъ дѣйствительно „крайне печальнымъ состояніемъ“ 83.000 человѣкъ, лишенныхъ послѣ десятка лѣтъ всякаго рода стѣсненій, разореній, административныхъ и судебныхъ преслѣдованій, радости открыто исповѣдывать за себя и за 26.000 дѣтей своихъ свою выстраданную вѣру, не прибѣгая къ тайнѣ и къ укрывательству?—Какъ было не остановиться мыслью на исканіи изъ такого положенія достойнаго христіанской любви выхода?—Вмѣсто такого исканія—столь естественнаго самого по себѣ, а съ точки зрѣнія элементарной предусмотрительности даже обязательнаго для государственныхъ людей—было признано возможнымъ лишь пересмотрѣть правила для рѣшенія вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о воссоединенныхъ и во главу этихъ правилъ, закрѣпляя горестное нравственное и общественное положеніе бывшихъ уніатовъ, поставить указанія на то, что *во-первыхъ*, всѣ бывшіе греко-уніаты, въ силу акта воссоединенія ихъ съ православною церковью въ 1875 году, считаются православными, и *во-вторыхъ*,—лица, происходящія отъ родителей, бывшихъ греко-уніатовъ, признаются православными, хотя бы и были крещены до 1875 г. въ костелѣ...

Такъ шло дѣло до 1905 года, когда, къ великому облегченію всѣхъ, кому дороги святыя права человѣческаго духа, Комитетъ Министровъ призналъ наконецъ, что въ области вѣры принужденіе не должно быть допускаемо и насильственное удержаніе кого-либо въ томъ или другомъ вѣроисповѣданіи не можетъ почитаться явленіемъ нормальнымъ, ни съ точки зрѣнія православной церкви, ни съ точки зрѣнія государственной. По мнѣнію Комитета, однимъ изъ самыхъ нежелательныхъ элементовъ въ государствѣ являются подданные безъ религіи, какъ главнаго устоя нравственности, а отсутствіе законной семьи, нарушая правильное отношеніе между родителями и дѣтьми, затрудняетъ нравственное воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Насажденіемъ этого *нежелательнаго элемента* и препятство-

ваніемъ возникновенію законной семьи можетъ быть по справедливости названо преслѣдованіе воссоединившихся въ Сѣдлецкой губерніи, продолжавшееся съ разными измѣненіями, то усиливаясь, то ослабѣвая, около тридцати лѣтъ, пока Высочайшій указъ Сенату отъ 17 апрѣля 1905 года не явился торжественнымъ призваніемъ, что „вѣра порождается исключительно благодатію Господнею, поученіемъ, кротостью и добрыми примѣрами...“

1908 г.

А. Ө. Кони.

Изъ военного быта.

Въ 18 ** году командиромъ N—скаго армейскаго корпуса назначенъ былъ генералъ N. Еще за долго до прибытія, курсировалъ рядъ разсказовъ о его чудачествѣ, мелочности и странномъ пристрастіи къ окрашиванію, преимущественно подъ одинъ цвѣтъ, разнаго рода казарменной мебели, не исключая даже и собственныхъ солдатскихъ сундучковъ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, между прочимъ, весь, такъ называемый расходный (не штатный) обозъ въ одной изъ дивизій, квартировавшей въ мѣстѣ расположенія штаба названнаго корпуса, былъ спѣшно перекрашенъ по цвѣту полковъ, очевидно въ расчетѣ, такъ сказать съ мѣста, угодить новому начальнику. Къ слову сказать, упомянутый генералъ, при его странностяхъ, оригинальныхъ выходкахъ, педантизмѣ и мелочности, обладалъ твердымъ, прямымъ и честнымъ характеромъ, былъ всецѣло преданъ военному дѣлу, хладнокровенъ, справедливъ и при томъ весьма не прихотливъ и не общителенъ.

Прибывъ къ мѣсту службы, генералъ N сразу зарекомендовалъ себя какъ требовательный строевой начальникъ, въ полной мѣрѣ знакомый съ дѣломъ, но въ то же время не замедлилъ заявить себя и разнаго рода мелочными требованіями, не только иногда странными и бесполезными, но подъ часъ и курьезными. Не проходило почти дня, чтобы онъ не заходилъ въ штабъ корпуса, гдѣ обыкновенно и давалъ волю своей богатой фантазіи, по части придумыванія разныхъ нововведеній, въ большинствѣ мелочныхъ и мало существенныхъ, но, по его личному мнѣнію, необходимыхъ и высоко полезныхъ, при чемъ въ части его проектовъ—однообразіе и симметрія играли обыкновенно первенствующую роль.

Являясь въ штабъ, онъ, послѣ обычнаго привѣтствія, проходилъ по комнатамъ, гдѣ находились офицеры и писаря, и входя

въ кабинетъ начальника штаба, обыкновенно говорилъ: „пожалуй-ста занимайтесь и курите, а я посижу“; не проходило однако и пяти минутъ, какъ генераль уже приступалъ къ изложенію придуманныхъ имъ новшествъ.

Напримѣръ.—„Вотъ я вижу у васъ всѣ эти черныя ручки для перьевъ; по-моему это неудобно. Я пишу свои резолюціи на бумагахъ всегда красными чернилами, и поэтому хорошо было бы, чтобы для красныхъ чернилъ были красныя ручки, а для черныхъ— черныя; тогда по крайней мѣрѣ сразу знаешь, какую ручку взять. Вы заведите это и сейчасъ же отдайте приказаніе адъютанту, чтобы распорядился купить“. Проходитъ нѣкоторое время, и генераль N выступаетъ съ слѣдующимъ проектомъ: „когда я командовалъ N—скою дивизіею, у меня, знаете, для порядка и однообразія утвержденъ былъ особый транспарантъ для полковыхъ канцелярій и штаба дивизіи. Я вамъ пришлю сегодня экземпляръ такого транспаранта; прикажите отпечатать по числу частей корпуса и разошлите при приказаніи къ руководству“.

Принесъ какъ-то генераль N небольшую книжку въ переплетѣ и, передавая ее, сказалъ: „Это приказанія по бывшей моей N—ской дивизіи; я тутъ заложилъ нѣсколько приказаній и между ними одно съ подробнымъ рецептомъ составленія краски (вохры) для окрашиванія въ одинъ цвѣтъ разной казарменной мебели, а также и собственныхъ солдатскихъ сундучковъ; это, знаете, необходимо въ казарменныхъ помѣщеніяхъ для однообразія и вообще порядка. Объявите сейчасъ же этотъ рецептъ въ приказаніи по корпусу къ исполненію“.

Далѣе слѣдовалъ еще цѣлый рядъ проектовъ, зачастую или непрактичныхъ или непримѣнимыхъ, въ родѣ, напримѣръ, записыванія во входящій журналъ бумагъ по хозяйственной части красными чернилами, а по строевой—черными; этотъ проектъ, однако, послѣ доклада о затруднительности примѣнить его къ дѣлу, былъ отложенъ. Рекомендовано было также генераломъ N писарямъ и наряжавшимся въ штабъ отъ полковъ очереднымъ вѣстовымъ выдавать ежедневно, кромѣ каши, на второе блюдо „котлеты“, составленныя изъ половины мясной порціи, смѣшанной съ мятымъ картофелемъ; нововведеніе это продолжалось лишь нѣсколько недѣль и было отмѣнено, такъ какъ писарямъ эти „котлеты“ просто напросто надоѣли, а вѣстовые называли ихъ даже блинчиками ¹⁾.

¹⁾ Такъ именно отвѣтилъ генералу N одинъ изъ вѣстовыхъ, на вопросъ—что ему выдано было въ обѣдъ.

Затѣмъ былъ еще слѣдующій эпизодъ. Сидя какъ-то въ штабѣ, генералъ N, послѣ доклада и подписи бумагъ, неожиданно замѣтилъ: „вотъ я все смотрю и нахожу, что всю вашу штабную мебель можно было бы гораздо лучше и удобнѣе разставить, начиная, напримѣръ, съ стола, за которымъ сидитъ Карлъ Ивановичъ ¹⁾); посмотрите, онъ совсѣмъ не на мѣстѣ! вотъ что, дайте-ка мнѣ двухъ свободныхъ писарей и двухъ вѣстовыхъ, я вамъ сейчасъ все переставлю, а вы продолжайте себѣ заниматься и адъютантамъ скажите, чтобы сидѣли и не прерывали занятій!“ Началась полная перестановка мебели въ трехъ большихъ комнатахъ штабнаго помѣщенія и когда она закончилась, генералъ N, позвавъ начальника штаба, сказалъ ему: „ну, вотъ посмотрите сами; моему теперь гораздо лучше; не правда ли? затѣмъ, въ полголоса еще добавилъ: „а класснаго медицинскаго фельдшера я посадилъ, знаете, отдѣльно, закрывъ картою Россіи; такъ лучше будетъ; не нужно, чтобы онъ былъ на виду и мозолилъ глаза“.

Сообщилъ Д.

¹⁾ Корпусный врачъ.

Записки сехатора Есиповича ¹⁾.

ругой изъ членовъ В. У. суда принималъ самое горячее участіе въ дѣлѣ В. У. Суда. Для этого дѣла онъ остался на лѣто 1866 г. въ Россіи, хотя его семейство находилось за границую. Какъ членъ суда, онъ не пропускалъ ни одного засѣданія, не только судебного, но и распорядительнаго. Онъ пріѣзжалъ въ крѣпость даже часто въ такіе дни, когда засѣданій суда не было, и посвящалъ по нѣсколько часовъ сряду для совѣщаній по этому очень безпокоившему его дѣлу.

Въ этихъ совѣщаніяхъ онъ преимущественно выражалъ свое негодованіе противъ преступниковъ и пріискивалъ имъ самыя строгія наказанія, заключавшіяся почти всегда въ смертной казни и въ каторжныхъ работахъ. Раздѣляя вполне негодованіе противъ преступниковъ, я считалъ однако же своею обязанностью представлять возраженія противъ придуманныхъ имъ наказаній, въ чемъ по большей части встрѣчалъ противорѣчіе въ Н. поддерживавшемъ конечно обвинительные акты, въ составленіи которыхъ онъ участвовалъ и которые почти противъ всѣхъ подсудимыхъ предлагали или смерть или каторжную работу. Въ то время, когда В. У. судъ, окончивъ судебное слѣдствіе, находился въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ совѣщательной комнатѣ для постановленія резолюціи о 34 подсудимыхъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ въ составленіи обвинительныхъ актовъ, спросилъ Н. Н. Селифонтова, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ въ послѣдствіи: „Вы не знаете, Николай Николаевичъ, какой приговоръ будетъ постановленъ объ этихъ подсудимыхъ“?

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1909 г.

„Нѣтъ, не знаю“.

„Я полагаю, что ихъ, вѣроятно, приговорять“ и затѣмъ составитель обвинительныхъ актовъ указалъ почти тѣ самыя наказанія, которыя были присуждены судомъ.

„Значить, вы считаете эти наказанія правильными“? спросилъ Селифонтовъ.

„Конечно“, отвѣтилъ тотъ.

„Зачѣмъ же вы въ обвинительныхъ актахъ предлагали совсѣмъ другое“?

„Ну, помилуйте, какъ же министру юстиціи можно было написать въ обвинительныхъ актахъ то, что можетъ написать В. У. судъ? Какъ же министръ явится къ государю“?

Это прискорбно, очень прискорбно! Правда, обвинители, предлагавшіе смертныя казни противъ подсудимыхъ, того не заслужившихъ, могли, конечно, надѣяться, что государь помилуетъ ихъ и послѣ осужденія, но рисковать чьею-либо жизнію въ надеждѣ на помилованіе значитъ, по моему мнѣнію, рисковать не только человѣческою жизнію, не только правосудіемъ, но и государственнымъ достоинствомъ и историческою будущностью своего отечества.

Во время судебныхъ засѣданій этотъ членъ В. У. суда не только предлагалъ подсудимымъ вопросы, относившіеся преимущественно къ тому, гдѣ они учились, кто были ихъ учителя и родители, но и записывалъ тѣ фразы и выраженія въ отвѣтахъ подсудимыхъ, которыя его особенно поражали. Фразы эти онъ непременно требовалъ вносить въ протоколы: вотъ почему будущій историкъ увидитъ протоколы В. У. суда, испещренные моими переписками, которыя всѣ сдѣланы по требованію членовъ суда. Всѣ эти переписки оговорены до подписанія протоколовъ членами.

Теперь слѣдовало бы сказать что-нибудь объ адмиралѣ Николаѣ Ѳедоровичѣ, но онъ такъ скромно держалъ себя, что сказать о немъ нечего. Я не могъ даже уяснить себѣ понятія о томъ, что онъ за человѣкъ—добрый или злой? Кажется, впрочемъ, добрый. Не совсѣмъ я понимаю, какъ онъ могъ управлять морскимъ министерствомъ.

Затѣмъ изъ членовъ В. У. суда остаются два первоприсутствующихъ въ кассационныхъ департаментахъ Александръ Даниловичъ Башуцкій и Матвѣй Михайловичъ Корніолинъ-Пинскій. Первоприсутствующіе кассационныхъ департаментовъ Сената должны бы, кажется, въ В. У. судѣ быть представителями юридическаго элемента, но А. Д. Башуцкій никогда представителемъ никакого важнаго и серьезнаго начала не былъ и быть не могъ; онъ былъ и. д. статсъ-секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ въ то время, когда госу-

дарственнымъ секретаремъ былъ баронъ М. А. Корфъ, и кажется, соблазнился отъ него обожаніемъ редакціи, при которомъ остался на всю свою жизнь и послѣ того, какъ суровый Н. И. Бахтинъ, занявшій мѣсто барона Корфа, препроводилъ его, страстнаго пуриста, въ члены консультаціи при министерствѣ юстиціи. Въ В. У. судѣ Александръ Даниловичъ нерѣдко возмущался небрежностью редакціи протоколовъ этого суда, такъ что я долженъ былъ объяснить ему, что, составляя протоколы о судебныхъ слѣдствіяхъ, производимыхъ В. У. судомъ, я забочусь не о красотѣ слога, а о томъ, чтобы какъ можно вѣрнѣе и ближе, даже по формѣ, передать отвѣты подсудимыхъ. Первоприсутствовавшій въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ и въ общемъ собраніи кассационныхъ департаментовъ, кажется, не удовлетворился моимъ отвѣтомъ, но уже болѣе мнѣ не надоѣдалъ, а, не входя въ пренія по существу дѣла, приставалъ безмолвно къ тѣмъ членамъ, которые предлагали болѣе строгія наказанія.

М. М. Корніолинъ-Пинскій считался однимъ изъ первыхъ криминалистовъ въ русской имперіи, но въ В. У. судѣ онъ поступилъ уже полуживымъ, такъ что не могъ даже доходить отъ кареты до своего кресла, а былъ вносимъ въ залу суда на носилкахъ. Репутація его извѣстна: человѣкъ желчный, суровый, безпощадный. Въ В. У. судѣ онъ оставался вѣренъ себѣ. Увидѣвъ въ первый разъ 11 главныхъ подсудимыхъ, онъ сказалъ мнѣ, что все это добыча висѣлицы (*gibier de potence*). Графъ Панинъ былъ особенно любезенъ и внимателенъ къ нему и всегда обращался къ М. М., когда желалъ найти поддержку какому-либо изъ своихъ особенно суровыхъ приговоровъ—и я могу засвидѣтельствовать—эту поддержку онъ находилъ въ немъ почти всегда, точно такъ же, какъ и въ А. Д. Башуцкомъ. Первое, или одно изъ первыхъ распорядительныхъ засѣданій Матвѣй Михайловичъ Корніолинъ-Пинскій ознаменовалъ чтеніемъ своего общаго взгляда на предстоявшее суду дѣло. Записка его присоединена къ дѣлу В. У. суда. Эта записка не имѣла никакихъ послѣдствій, но сохранена мною для исторіи.

Наконецъ къ составу В. У. суда принадлежалъ и генералъ-прокуроръ, министръ юстиціи Д. Н. Замятинъ. Его обыкновенно всѣ считали человѣкомъ неспособнымъ, но прежде всего и болѣе всего онъ былъ человѣкомъ индифферентнымъ, который, кажется, никогда не имѣлъ своихъ личныхъ твердыхъ убѣжденій и никогда ихъ не отстаивалъ, по той, можетъ быть, простой причинѣ, что отстаивать было нечего. По своей натурѣ онъ, кажется, человѣкъ добрый, но ужъ во всякомъ случаѣ онъ не былъ въ уровень ни своему высокому званію, ни своему критическому положенію въ

данную минуту. Минута была такова, что на его мѣстѣ требовался великій юристъ, тонкій политикъ и высокій твердый характеръ. Ни того, ни другого, ни третьяго въ Дмитріѣ Николаевичѣ не было, и подписывалъ онъ, несмотря на свою доброту, жестокіе обвинительные акты, которые приготавлила ему коммиссія, состоявшая изъ барона Врангеля, Чемодурова, Бѣлостоцкаго и Постельникова. Коммиссія эта сопровождала его и въ судебныя засѣданія В. У. суда, сидѣла возлѣ него и передавала ему записочки о тѣхъ вопросахъ, которые слѣдовало ему предлагать при производствѣ судебныхъ слѣдствій. Особенно затруднительно было положеніе Дмитрія Николаевича, когда возникалъ въ засѣданіи какой-нибудь вопросъ врасплохъ, неожиданно для него. Примѣръ: Каракозовъ подалъ прошеніе о вызовѣ изъ Москвы указанныхъ имъ докторовъ. Прошеніе это разсматривалось въ распорядительномъ засѣданіи В. У. суда. Я доложилъ прошеніе Каракозова. Предсѣдатель суда обратился къ Замятину: „Г. Генераль-прокуроръ, не угодно ли Вамъ дать заключеніе?“

Генераль-прокуроръ этого не ожидалъ и потому всталъ въ большомъ замѣшательствѣ. „Я этого прошенія не видалъ. Не угодно ли Вашему Сіятельству поручить г. секретарю представить намъ его соображенія?“

Князь Гагаринъ обратился ко мнѣ. Представлять соображенія по вопросамъ, возникавшимъ въ судѣ, я не имѣлъ оффиціально никакого права (да едва-ли и вообще имѣлъ право присутствовать при совѣщаніяхъ членовъ суда при постановленіи ими рѣшеній, такъ какъ судебными уставами секретари судовъ на это не уполномочены, въ видахъ устраненія вліянія канцеляріи на мнѣнія членовъ), но если мнѣ дѣлали честь спрашивать моего мнѣнія, то я всегда готовъ былъ сказать его. Мое мнѣніе было такое, что нѣтъ никакого препятствія вызвать просимыхъ Каракозовымъ докторовъ потому, что въ такомъ важномъ дѣлѣ необходимо представить каждому то средство защиты или оправданія, на которое онъ ссылается, при томъ же и замедленія тутъ важнаго не будетъ, ибо можно потребовать докторовъ по телеграфу.

Выслушавъ это мнѣніе, генераль-прокуроръ сказалъ, что такъ какъ докторовъ Каракозовъ проситъ вызвать для опроверженія его обвинительнаго акта, то онъ, генераль-прокуроръ, на вызовъ ихъ согласиться не можетъ.

Судъ отказалъ въ этомъ вызовѣ, но по другимъ основаніямъ, которыя въ дѣлѣ записаны.

Пора мнѣ однако жъ возвратиться къ описанію самого дѣла по порядку.

16-го августа (1866) было при мнѣ первое распорядительное засѣданіе Верх. Уголов. суда. Всѣ члены суда были въ мундирахъ и лентахъ. Министръ юстиціи съ сопровождавшею его комиссіею также, кромѣ того секретарь суда съ своими двумя помощниками и архивариусомъ тоже въ мундирахъ, наконецъ, комендантъ крѣпости генералъ Сорокинъ тоже въ мундирѣ и въ лентѣ.

Это засѣданіе было назначено для выдачи 11 главнымъ подсудимымъ копій съ обвинительныхъ актовъ и для объявленія имъ, что они имѣютъ право въ семидневный срокъ выбрать защитниковъ и дополнить списокъ свидѣтелей (557 ст. Уст. Уголовн. суд.).

Передъ открытіемъ засѣданія князь Гагаринъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ говорить Каракозову „ты“, потому, что такому злодѣю нѣтъ возможности говорить „вы“.

Мнѣ удалось однако же убѣдить князя, какъ человѣка въ высшей степени разумнаго, что выражать такимъ образомъ негодованіе противъ подсудимаго, каково бы преступленіе его ни было, для судьи совершенно не прилично и что въ настоящемъ случаѣ существенно необходимо подавить въ себѣ естественное негодованіе къ преступнику и говорить съ нимъ, не нарушая обычныхъ формъ. Я вовсе не поклонникъ того обычая, который усвоенъ мировыми судьями, каждому оборванцу, во всю жизнь свою не слышавшему ни отъ кого „вы“, говорить это непривычное ему „вы“, но я легко объясняю себѣ и оправдываю это обыкновеніе со стороны мировыхъ судей безъ всякаго для нихъ предосужденія, съ другой стороны я не вижу никакого оправданія для тѣхъ изъ нихъ, которые, увидѣвъ предъ собою лицо высшаго званія или сословія, стараются выказать ему совершенно незаслуженное имъ и непривычное ему пренебреженіе и высокомеріе. Это очевидно показываетъ уже по меньшей мѣрѣ дурное воспитаніе господина мирового судьи, принадлежность его самого къ площадной лакейской компаніи, или, что еще хуже, какія-то темныя противообщественныя тенденціи. Лакею свойственно желать выказать чѣмъ-нибудь свой хотя мишурный перевѣсъ надъ бариномъ,—ему надо это простить, но мировому судѣ этого прощать не слѣдуетъ — онъ не лакей и не баринъ, онъ господинъ мировой судья, т. е. представитель общественной судебной власти, безъ всякихъ пристрастій и тенденцій. Если я стою передъ нимъ, то пусть онъ не услаждается и не огорчается этимъ, потому, что я стою не передъ Иваномъ Петровичемъ или Петромъ Ивановичемъ, а передъ судомъ; до него лично это не касается, пусть же онъ выработаетъ свои манеры такъ, чтобы не было замѣтно пристрастіе ни къ лакеямъ, ни къ господамъ.

Убѣдивъ князя Гагарина говорить всѣмъ подсудимымъ „вы“, я

сказалъ ему также, что они приводятся не для допроса, и потому онъ объявилъ имъ, что допроса имъ не дѣлается въ настоящую минуту, но если они сами желаютъ сдѣлать показаніе, то это показаніе будетъ принято.

Первымъ былъ введенъ Каракозовъ. Въ залу суда вошелъ высокій блѣлокурый молодой человѣкъ, видимо смущенный и не знавшій ни куда ему идти, ни гдѣ ему стать. За нимъ вошли два солдата съ обнаженными тесаками.

„Каракозовъ, подойдите сюда“, сказалъ предсѣдатель нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ.

Каракозовъ подошелъ къ столу и сталъ противъ предсѣдателя, не смотря впрочемъ ни на него, ни на кого другого прямо. Такъ онъ себя держалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, подергивая кромѣ того свои усики и говоря обыкновенно сквозь зубы.

„Вы вызваны въ судъ, сказалъ ему предсѣдатель, для выдачи вамъ обвинительнаго акта о томъ страшномъ преступленіи, въ которомъ вы обвиняетесь. Допроса вамъ теперь не дѣлается, но если вы сами желаете сдѣлать показаніе, то оно будетъ принято“.

Каракозовъ: „Преступленіе мое такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился въ то время“.

Затѣмъ ему была выдана копія съ обвинительнаго акта и объявлено о правѣ его избрать себѣ защитника и т. п... То же самое сдѣлано было въ отношеніи Худякова, Ишутина, Ермолова, Страндена, Юрасова, Загибалова, Моткова, Шагалова, Николаева и Кобылина, которые были вводимы одинъ за другимъ, по одиночкѣ. Все это были молодые люди отъ 19 до 26 лѣтъ, и надъ всѣми ими тяготѣло обвиненіе въ страшныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Особенное сожалѣніе возбудилъ въ членахъ суда Ермоловъ, юноша 30 лѣтъ, который со слезами объявилъ, что онъ глубоко раскаявается и если бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ общество съ такими людьми, то никогда съ ними не сошелся бы. А меня особенно тронулъ Юрасовъ, молодой человѣкъ 23 лѣтъ, который показалъ, что онъ не ожидалъ, чтобы увлеченіе могло вести къ такимъ послѣдствіямъ, но думалъ, что все это на словахъ и кончится одними разговорами. Членамъ суда особенно нравилось раскаяніе Ермолова, выражавшееся въ дрожащемъ едва слышномъ голосѣ и въ слезахъ, мнѣ же въ Юрасовѣ нравилась та неподдѣльная искренность, которая видѣлась во всей его прекрасной фигурѣ и слышалась въ его гармоническомъ голосѣ, безъ оправданія себя виною своихъ товарищей, подобно Ермолову. Ермоловъ съ плачемъ говорилъ, что не сошелся бы съ такими людьми, если

бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ общество съ ними— слѣдовательно, онъ обвинялъ этихъ людей и обвинялъ конечно справедливо. Юрасовъ жаловался не на общество своихъ товарищей, не ихъ обвинялъ, а обвинялъ свое собственное увлеченіе, свое собственное заблужденіе, заключавшееся въ дѣтской мысли, что все можетъ ограничиться одними разговорами. Во всякомъ случаѣ положеніе обоихъ этихъ молодыхъ людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, могло быть поучительно для всѣхъ тѣхъ юношей, которые, вмѣсто занятій лекціями, услаждаютъ себя планами о преобразованіи своего отечества, когда еще не въ состояніи составить для себя самихъ плана своихъ учебныхъ занятій, хотя на полгода.

Жалки эти юноши и—смѣшны, готовъ бы я сказать, если бы не приходилось имъ иногда, за ихъ нелѣпныя дѣйствія, но опасныя, какъ безразсудная игра съ огнемъ, сумасбродства дорого расплачиваться всею своею жизнію, всею своею будущностью, но зато безъ всякаго сожалѣнія можно назвать гнусными и омерзительными тѣхъ взрослыхъ господъ, которые орудіемъ своихъ гадкихъ фантазій избираютъ учащуюся, безсознательную молодежь; да будутъ прокляты эти преступные вожди, за которыми юноши, какъ бараны за козломъ, зажмуривши глаза, кидаются въ пучину, не видя даже того, что козелъ, подведшій ихъ къ этой пучинѣ, самъ преспокойно и небезопасно пріютился гдѣ-нибудь въ укромномъ уголку и вовсе не помышляетъ жертвовать собою для чего бы то ни было. Не меньшаго презрѣнія достойны и тѣ недобросовѣстные учителя и профессора, которые, даже и безъ возмутительныхъ цѣлей, изъ одного только популярничанья, смущаютъ воображеніе и разсудокъ ввѣренныхъ имъ молодыхъ людей и, сами того не понимая, ведутъ ихъ на висѣлицу или на каторгу изъ одного только желанія, чтобы эти же несчастныя жертвы ихъ безумія похлопали имъ на лекціяхъ.

Но отвернемся отъ этихъ примѣровъ человѣческой глупости и подлости, мысль о которыхъ не можетъ не отравлять жизни каждаго честнаго человѣка.

Теперь я долженъ упомянуть о попыткѣ гр. Муравьева вмѣшаться въ дѣло Верховнаго Уголовнаго суда, но попытка эта была энергически отвергнута кн. Гагаринымъ по собственной его инициативѣ.

До 10 августа 1866 г. министръ юстиціи внесъ въ Верховный Уголовный судъ обвинительные акты только противъ 11 подсудимыхъ въ тѣхъ же преступленіяхъ. Министръ юстиціи сказалъ кн. Гагарину, что онъ не вноситъ обвинительныхъ актовъ противъ

последнихъ подсудимыхъ потому, что о нихъ производится еще слѣдствіе; гр. Муравьевъ объявилъ кн. Гагарину, что слѣдствіе о нихъ кончено, а потому въ распорядительномъ засѣданіи Верховнаго Уголовнаго суда 10 августа было предоставлено министру юстиціи внести обвинительные акты и противъ остальныхъ лицъ, подлежащихъ сужденію Верховнаго Уголовнаго суда.

11 августа гр. Муравьевъ увѣдомилъ кн. Гагарина, что онъ докладывалъ Государю Императору о своемъ отзывѣ князю, что всѣ дѣла Спб. и Московской слѣдственныхъ комиссій о лицахъ бывшихъ въ составѣ кружка „Адъ“ и общества „Организація“ уже окончены и переданы министру юстиціи, и что за симъ дѣло о последнихъ не можетъ быть отложено. Государь изволилъ написать: „вполнѣ раздѣляю мнѣніе гр. Муравьева“.

Въ отвѣтъ на это кн. Гагаринъ написалъ 12 августа гр. Муравьеву, что не считалъ необходимымъ утруждать Государя Императора по такому обстоятельству, которое зависѣло отъ собственнаго разсмотрѣнія Верховнаго Уголовнаго суда и окончательно имъ рѣшено 10 числа утромъ, т. е. прежде доклада гр. Муравьева.

Копія съ этого отвѣта послана и министру юстиціи.

11 августа Каракозовъ подалъ объявленіе, что просить назначить ему защитника и вызвать докторовъ, лечившихъ его въ Москвѣ, въ доказательство его тяжелаго нервнаго раздражительнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во время болѣзни въ Москвѣ.

Каракозову защитникомъ назначенъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ адвокатовъ Остриковъ, а въ вызовѣ докторовъ отказано, какъ объ этомъ сказано выше.

Худяковъ избралъ себѣ защитникомъ Гаевского, Загibalовъ Добролюбова, Ишутинъ Стасова, Юрасовъ Лыжина, который однакожъ отъ этого отказался подъ предлогомъ незнанія уголовного производства, почему Юрасову защитникомъ назначенъ Тимротъ. Мошковъ заявилъ, что самъ желаетъ защищать себя, но председатель, не возбравъ ему этого, назначилъ однакожъ защитникомъ ему Турчанинова, Николаеву назначенъ защитникомъ Краузолъдъ, Ермолону Петренко, Страндену Принтцъ, Шаганову Самарскій-Выходецъ, Кобылину Серебряный.

12 августа сдѣлано распоряженіе о допущеніи защитниковъ къ свиданію съ подсудимыми наединѣ, что въ высшей степени удивило и разстроило коменданта крѣпости, генерала Сорокина, въ сущности добрыйшаго человѣка, уважаемаго всѣми арестантами. Въ самомъ дѣлѣ не должно ли было казаться страннымъ коменданту крѣпости дозволить арестанту, сидящему въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ который доступъ былъ возможенъ только для комен-

данта и императора, имѣть свиданіе наединѣ съ человѣкомъ постороннимъ? Офицеръ, которому поручалось завѣдываніе этимъ страшнымъ рavelиномъ, долженъ былъ жить тамъ одинъ безъ семьи, и жена и дѣти не могли даже входить въ это укрѣпленіе. а должны были жить въ крѣпости. (Впрочемъ въ то время завѣдывалъ рavelиномъ офицеръ неженатый, котораго фамилію я забылъ, но помню, что онъ былъ большой оригиналъ. Если у него спрашивали, гдѣ Алексѣевскій рavelинъ, то онъ тотчасъ становится глухимъ — отвѣчалъ что-нибудь, совсѣмъ неподходящее къ дѣлу. Жилъ онъ, говорятъ, въ рavelинѣ, окруженный кошками и собаками, одинъ одиноконекъ. Имѣлъ онъ видъ какого-то дикаря; но былъ, говорятъ, предобрый человѣкъ и отлично содержалъ своихъ арестантовъ, изъ которыхъ на каждого отпускалось по 50 коп. въ сутки, тогда какъ крѣпостнымъ арестантамъ отпускалось по 30 коп.). Если никто не могъ входить даже въ рavelинъ, то тѣмъ болѣе никто не имѣлъ права входить въ какія бы то ни было сношенія съ заключенными въ немъ и вдругъ требуютъ допустить защитниковъ для свиданія съ глазу на глазъ съ Каракозовымъ, Худяковымъ и Ишутинымъ. Когда я сказалъ объ этомъ генералу Сорокину, онъ, казалось, ушамъ своимъ не вѣрилъ; но я однакожь убѣдилъ его въ необходимости такихъ свиданій. Я прочелъ ему статьи устава уголов. судопроизводства 1864 г., я написалъ ему формальную бумагу, и, наконецъ, онъ сдался; онъ объявилъ, что велитъ для такихъ свиданій приводить Алексѣевскихъ арестантовъ на гауптвахту крѣпости. На этомъ мы съ нимъ и помирились.

18 августа было первое судебное засѣданіе Верховнаго Уголовнаго суда.

Князь Гагаринъ пріѣхалъ раньше всѣхъ членовъ и былъ разстроенъ и смущенъ. Для него это было дѣло новое, дѣло, которое могло испортить репутацію всей его блестящей и долгой карьеры. Тутъ уже недостаточно было держаться на недосыгаемой высотѣ неприступнаго государственнаго человѣка, для котораго и за котораго все сдѣлаетъ канцелярія. Здѣсь надо было дѣйствовать самому, непосредственно—надо предлагать вопросы, надо соблюдать формы уголовного судопроизводства, надо руководить преніями. Онъ мнѣ сказалъ, что никогда ни къ какому дѣлу не приступалъ онъ съ такимъ сомнѣніемъ, я ему отвѣтилъ, что все пойдетъ отлично, только надо твердо держаться уставовъ. И дѣйствительно и уставы, и предсѣдатель Верховнаго Уголовнаго суда пробу выдержали превосходно.

18 августа произведено судебное слѣдствіе о Каракозовѣ и Худяковѣ. Я не буду излагать ихъ въ подробности: историкъ найдетъ

отчетъ о нихъ и въ протоколахъ, которые я съ своими помощниками составлялъ съ величайшею точностію, и въ запискахъ стенографиста, который нарочно нанять былъ нами для того, чтобы сохранить самыя мельчайшія подробности этой страшной юридической драмы. За 12 отчетовъ мы заплатили стенографу 345 руб. сер. изъ тѣхъ 500 руб., которые были отпущены на расходы по дѣлопроизводству Верховнаго Уголовнаго суда. Слѣдовательно, это былъ главный нашъ расходъ, но я долженъ предупредить того, кто захочетъ заняться изученіемъ этого дѣла, что въ то время стенографія была еще въ довольно плохомъ состояніи и потому ему необходимо повѣрять стенографическіе отчеты нашими протоколами. Вотъ напримѣръ какъ записанъ въ отчетѣ и протоколѣ одинъ изъ эпизодовъ, случившихся при первомъ судебномъ слѣдствіи. Для отобранія показаній при слѣдствіи о Каракозовѣ были вызваны Комисаровъ Костромской, предполагаемый спаситель Государя и солдаты Заболотинъ и Слѣсарчукъ, схватившіе преступника послѣ выстрѣла. Когда отъ нихъ отобраны были показанія, то (какъ написано въ протоколѣ въ дѣлѣ Верховнаго Уголовнаго суда т. 1. стр. 381) „предсѣдатель, отъ имени Верховнаго Уголовнаго суда поблагодарилъ всѣхъ трехъ свидѣтелей за ту безмѣрную услугу, которую они оказали отечеству, Комисаровъ спасеніемъ драгоценной жизни Государя Императора, а Слѣсарчукъ и Заболотный задержаніемъ бѣжавшаго съ мѣста преступленія подсудимаго, объявилъ имъ, что въ нихъ болѣе не встрѣчается надобности“. А въ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіи 18 августа на стр. 11 обор. написано, что предсѣдатель, обращаясь къ Комисарову Костромскому, сказалъ: „вамъ, Осипъ Ивановичъ, вся Россія выразила свою признательность. То же заявите и нижнимъ чинамъ, которые были свидѣтелями страшнаго преступленія, благодарность за ихъ содѣйствіе“.—И коротко и невѣрно: незачѣмъ было предсѣдателю поручать Комисарову заявить благодарность тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые сами были налицо, и которые сами слышали благодарность себѣ изъ устъ предсѣдателя.

Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ высшихъ сферахъ и тогда почти никто не вѣрилъ дѣйствительности сказки, сочиненной Тотлебенѣмъ, будто бы Комисаровъ спасъ Государя; но тогда всѣ старались выказывать этому субъекту величайшее уваженіе. Вслѣдствіе сего по отобраніи допросовъ, предсѣдатель В. У. суда и всѣ члены встали, и стоя предсѣдатель произнесъ упомянутую выше благодарность, и стоялъ В. У. судъ, пока Комисаровъ вышелъ.

Замѣчу еще одну черту, которая, кажется, не записана въ протоколѣ. На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежали пистолеты

Каракозова, шкатулка его и яды, у него найденные. Последніе могли бы надѣлать много хлопотъ В. У. суду, если бы подсудимый заблагодарасудилъ воспользоваться ими. Каракозовъ очень близко и внимательно присматривался къ нимъ, и стоило ему протянуть руку, чтобы не стало главного подсудимаго В. У. суда. Не поручусь, что въ немъ не мелькнула мысль объ этомъ, но я почувствовалъ нервическую дрожь, когда увидѣлъ его въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ядами и только-что хотѣлъ встать, чтобы положить ихъ въ болѣе безопасное мѣсто, какъ графъ Панинъ сказалъ о томъ же самомъ Н. И. Селифонтову, и такимъ образомъ миновала опасность большого скандала.

Но если этотъ скандалъ не случился, то я опасаюсь, что изъ нѣсколькихъ словъ въ отчетѣ (стенографическомъ) о засѣданіи 20 августа захотятъ впослѣдствіи сдѣлать скандалъ. 20 августа производилось судебное слѣдствіе о Ишутинѣ. Каракозовъ былъ допрашиваемъ, какъ свидѣтель. Вотъ какъ записанъ въ стенографическомъ отчетѣ конецъ его допроса, стр. 144.

Одинъ изъ членовъ В. У. суда предлагаетъ вопросъ Каракозову: „Какая партія, на которую вы указываете?“

Каракозовъ: „Я ему (Ишутину) говорилъ о той партіи, которую я называю Константиновскою партіею“.

Предсѣдатель: „Отпустите Каракозова“.

Въ протоколѣ эта сцена записана такъ (т. I стр. 411 на обор.) На вопросъ одного изъ членовъ В. У. суда: „какая партія? Каракозовъ сказалъ: я ему (Ишутину) говорилъ о Константиновской партіи“. Затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ изложеніе показанія Худякова.

„Я ему говорилъ о Константиновской партіи“.

„Отпустите Каракозова“.

Въ этихъ не многихъ словахъ какая богатая канва для будущихъ сплетниковъ! „Значить, была же Константиновская партія, значить, зналъ ее Каракозовъ, значить, могъ онъ о ней поразсказать—да не хотѣли спрашивать: только заикнулся онъ объ этой партіи—„отпустите Каракозова“ т. е. ведите его вонъ“... и т. д.

Все это однакожъ объясняется просто: Каракозовъ и слѣдственной комиссіи показавъ, что онъ говорилъ Ишутину о Константиновской партіи, но никакихъ свѣдѣній объ этой партіи отъ него добиться не могли, хотя нѣтъ сомнѣнія, что графъ Муравьевъ, ненавидѣвшій великаго князя Константина Николаевича, не упустилъ бы случая, если бы могъ что-нибудь открыть о такъ называемой его партіи, но открыть было нечего, потому ничего и не открылось. Вотъ почему и предсѣдатель В. У. суда не счелъ нужнымъ настаивать на дальнѣйшемъ разпросѣ Каракозова о той

воображаемой Константиновской партіи, о которой Каракозовъ и самъ вѣроятно слышалъ гдѣ-нибудь въ кабацкѣ отъ полупьянаго собутыльника. Предсѣдатель могъ быть увѣренъ, что изъ этого разспроса ничего не выйдетъ кромѣ сплетни о томъ, что онъ князь Гагаринъ подкапывается подъ великаго князя, а они уже и безъ того никогда не были хороши другъ съ другомъ. Князь Гагаринъ былъ слишкомъ опытный и тонкій придворный человѣкъ, чтобы дать придворной интригѣ такое легкое противъ себя самое оружіе, безъ всякой пользы для дѣла, потому, что не могло быть никакого сомнѣнія, что если бы у Каракозова были какія-нибудь связи съ такою партіею, которая имѣла во главѣ своей одного изъ членовъ императорской фамиліи, то онъ разсказалъ бы объ этихъ связяхъ хотя для собственнаго своего спасенія, но разсказывать ему было конечно нечего—вотъ причина его молчанія.

Но допустимъ однакожъ на минуту невозможное, допустимъ, что была эта партія и что не выдалъ ее Каракозовъ только потому, что быть можетъ надѣялся отъ нея, и что даже общала она ему спасеніе: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ называетъ эту партію? Будь онъ въ связяхъ съ такою партіею, онъ или ничего не сказалъ бы о ней или сказалъ бы все, что зналъ.

Вообще этому человѣку суждено было сдѣлать вредъ своему отечеству не только дѣломъ своимъ, но и словами. Дѣло его—выстрѣлъ 4 апрѣля—было причиною наступившей реакціи, которая продолжается и понынѣ, пишу 25 фѣвраля 1876 г. и когда кончится и чѣмъ кончится, не извѣстно; показаніе его о какой-то Константиновской партіи было безъ сомнѣнія поводомъ къ тому, чтобы производить судебное слѣдствіе о немъ и его сообщникахъ при закрытыхъ дверяхъ, а этимъ правительство лишило себя и Россію величайшаго торжества надъ всѣми такъ называемыми нигилистами, которые въ лицѣ своихъ представителей передъ публичнымъ судомъ тотчасъ сдѣлались бы смѣшными и презрѣнными въ глазахъ не только Россіи, но и всѣхъ серьезныхъ демократическихъ партій во всемъ мірѣ. Негласность производства В. У. суда есть одна изъ горькихъ ошибокъ во вредъ себѣ.

Если разсуждать безпристрастно и спокойно, то какая настоящая необходимость была производить судебное слѣдствіе по такому дѣлу, какое поручено было В. У. суду, непублично. Главное преступленіе было выстрѣлъ 4 апрѣля, покушеніе на жизнь Государя, въ которой Россія видѣла и свое счастье и свои надежды и свою свѣтлую будущность; какое же сомнѣніе можетъ быть, что къ преступнику, покусившемуся на эту безцѣнную жизнь, не только вся Россія, но и весь цивилизованный міръ отнесется съ ве-

личайшимъ негодованіемъ и омерзеніемъ. Слѣдовательно, тайное производство этого дѣла могло быть желательно только для преступника.

Второе преступленіе, образованіе кружка „Адъ“, который, какъ сколокъ съ какого-то революціоннаго комитета въ Женевѣ, дозволилъ себѣ разсуждать, не слѣдуетъ ли производить революцій посредствомъ убійствъ коронованныхъ особъ и государственныхъ людей? Мысль эта такъ безнравственна и преступна, что какъ бы ни было неразвито какое-нибудь общество, оно не можетъ встрѣтить ее безъ презрѣнія и рѣшительнаго противодѣйствія. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ вся польза отъ тайнаго производства дѣла могла быть только для подсудимыхъ.

Третье преступленіе — образованіе общества „Организація“, имѣвшаго цѣлю своею произвести социальный и государственный переворотъ въ Россіи насильственными мѣрами. Но кто же хотѣлъ его произвести? Люди, которые не понимали даже, что такое социализмъ, которые для уясненія себѣ этого непонятнаго имъ слова рѣшались на фантастическій подвигъ украсть себѣ учителя Чернышевскаго съ каторжныхъ работъ въ Сибири. А средства какія придумывали эти люди для достиженія непонятныхъ имъ цѣлей: обворовать купца чрезъ подставнаго служителя, ограбить почту, отравить помѣщика Федосѣева чрезъ его же родного сына. Что же въ этихъ цѣляхъ и средствахъ было такого, что могло бы угрожать обществу возбужденіемъ сочувствія хотя въ нѣкоторыхъ его членахъ, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста? Съ одной стороны ребяческая, граничащая съ безуміемъ, попытка осуществить силами полусотни разнаго недоучившагося сброда, въ такомъ громадномъ и устойчивомъ государствѣ, какъ Россія, социальный переворотъ, смысла и значенія котораго не понимали сами революціонеры, искавшіе еще себѣ учителя и руководителя въ лицѣ каторжника Чернышевскаго, съ другой стороны средства нелѣпыя по несоразмѣрности своей съ обширностію замысла и отвратительныя по своей безнравственности. Слѣдовательно, и въ отношеніи къ этому преступленію производить судебное слѣдствіе не публично можно было только для того, чтобы избавить подсудимыхъ отъ публичнаго стыда и вполнѣ заслуженнаго ими позора.

Наконецъ четвертое преступленіе—разные слѣды чисто польской интриги въ лицѣ Маевского, Люрига и имъ подобныхъ подвижниковъ польской sprawy—развѣ все это не просилось наружу? Развѣ русскому обществу не нужно ежечасно и ежеминутно быть насторожѣ отъ польскихъ хитростей и коварства? Развѣ раскрытіе ихъ, хоть немного, хоть на столько, насколько это успѣла сдѣлать Муравьевская коммиссія, особенно неудовлетворительная въ

этомъ отношеніи, могло быть опасно или бесполезно? Опасно оно могло быть только для польскихъ злоумышленниковъ и, слѣдовательно, для нихъ могла быть полезна тайна производства судебного слѣдствія о ихъ темныхъ, никогда не прекращающихся козняхъ.

Вотъ почему я не могу безъ горечи вспомнить о той страшной ошибкѣ, которая сдѣлана была обязаніемъ Верховнаго У. суда производить судебное слѣдствіе о его подсудимыхъ не публично. Но сокрушаясь объ этомъ какъ гражданинъ, я—какую откровенно—сожалѣю объ этомъ и какъ эгоистъ, какъ секретарь того суда: Верховный У. судъ 1866 года, смѣю думать, заслуживалъ того, чтобъ двери его стояли настежь, чтобъ видѣла его Россія со всеѣми его достоинствами и недостатками, чтобъ могла она оцѣнить, какую онъ ей службу сослужилъ, удержавшись при неодолимыхъ почти препятствіяхъ на высотѣ дѣйствительнаго современнаго суда, созданнаго уставами 1864 года, безъ прежнихъ увлеченій, пристрастій и внѣсудебныхъ вліяній, но пусть судить о немъ исторія, которой промолчать о немъ нельзя...

Къ концу августа судебное слѣдствіе объ 11 главныхъ подсудимыхъ было кончено. Между тѣмъ князю Гагарину было дано знать, кажется чрезъ графа Шувалова, что если казнь Каракозова не будетъ совершена до 26-го августа, то Государю Императору не угодно, чтобы она произошла между 26-мъ (днемъ коронаціи) и 30-мъ августа (днемъ тезоименитства Его Величества).

Князь Гагаринъ пригласилъ членовъ В. У. суда и меня пріѣхать къ нему на дачу, для частнаго совѣщанія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла. Я пріѣхалъ прежде всѣхъ и нашелъ князя въ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, но безъ звѣздъ. Скоро послѣ того вошелъ челоѣкъ и доложилъ громко: „Сенаторъ Пинскій“, прибавивъ шепотомъ: „въ звѣздахъ“.

Князь Гагаринъ тотчасъ разстегнулъ свой вицмундиръ, открылъ портретъ Государя, который былъ у него на вицмундирѣ закрытъ до того времени. При этомъ онъ взглянулъ на меня съ лукавою улыбкою. Я тоже не могъ не улыбнуться этой туалетной продѣлкѣ въ виду предстоявшаго столь важнаго совѣщанія.

Когда всѣ члены собрались, то князь Гагаринъ возбудилъ вопросъ, слѣдуетъ ли постановить приговоръ о Каракозовѣ теперь же, или вмѣстѣ съ приговоромъ о 36 подсудимыхъ. Члены находили, что казнь Каракозова неизбежна, что откладывать приговоръ повода нѣтъ, ибо судебное слѣдствіе о преступленіи Каракозова кончено, что преступленіе это имѣетъ самостоятельное значеніе и никакимъ дальнѣйшимъ производствомъ ни увеличено, ни уменьшено быть не можетъ, а потому и рѣшили постановить приговоръ

о немъ отдѣльно отъ другихъ. Нашли также необходимымъ постановить теперь же и приговоръ о Кобылинѣ, такъ какъ онъ обвинялся лишь въ знаніи о замыслѣ Каракозова, но вовсе не обвинялся въ участіи въ тайныхъ обществахъ, слѣдовательно, ничего общаго съ прочими обвиняемыми не имѣеть.

Когда во всемъ этомъ согласились, то князь Гагаринъ замѣтилъ, что послѣ постановленія приговора о Каракозовѣ отдѣльно отъ другихъ и послѣ казни его, уже не можетъ быть и рѣчи о смертной казни кого-либо еще изъ подсудимыхъ, такъ какъ было бы въ высшей степени неприлично ставить висѣлицу за висѣлицею.

Всѣ, казалось, съ этимъ согласились, и даже графъ Панинъ, который былъ въ очень веселомъ расположеніи, благосклонно замѣтилъ, что конечно двухъ казнить лучше, нежели одного, а трехъ лучше, нежели двухъ, но хорошо, что и одинъ главный преступникъ не избѣгнетъ кары, назначенной закономъ. При этомъ его сіятельство распространился въ похвалахъ покойному графу Блудову за такую широкую редакцію 241 и 242 ст. Улож. о Наказ. изд. 1866 г., по которой смертная казнь назначена за злоумышленіе противъ Государя Верховной Власти во всякомъ случаѣ, какъ бы оно ни выразилось: словесно ли, письменно ли, или инымъ образомъ.

Когда такимъ образомъ рѣшена уже была казнь Каракозова, то я напомнилъ министру юстиціи Замятину, какая грустная роль предстоитъ мнѣ и ему по 3-му пункту 963 ст. Уст. Угол. Судопр. 1864 г. мнѣ, какъ секретарю В. У. суда, обязанному на мѣстѣ казни прочесть приговоръ, а ему, какъ прокурору, распоряжаться исполненіемъ приговора. Напомнивъ ему объ этомъ, я его просилъ доложить Государю, угодно ли Его Величеству, чтобы мы исполнили бы эти обязанности, или угодно ихъ возложить на другія лица. Чрезъ нѣсколько дней министръ сказалъ мнѣ, что Государю угодно, чтобъ все было исполнено въ точности по закону. Итакъ намъ неизбѣжно было ѣхать на мѣсто казни...

31-го августа постановлено два приговора: одинъ о смертной казни Каракозова, другой объ освобожденіи Кобылина.

Когда В. У. Судъ изъ совѣщательной комнаты вышелъ въ залу суда и предсѣдатель сталъ объявлять краткую резолюцію, осуждающую Каракозова на смертную казнь, то предсѣдатель отъ слезъ едва могъ дочитать эти нѣсколько словъ, а Каракозовъ, подергивая свои усики, сказалъ только своимъ гробовымъ голосомъ: „а моя просьба о помилованіи?“

Предсѣдатель, обращаясь ко мнѣ, дрожащимъ голосомъ: „Г. Секретарь, прочтите ему законъ“.

Я тоже едва могъ взволнованнымъ голосомъ прочесть первую

половину 1060 статьи Уст. Уголов. судопр. „По окончательнымъ приговорамъ о государственныхъ преступленіяхъ допускаются, со стороны осужденныхъ, просьбы о помилованіи или облегченіи ихъ участи“.

Между тѣмъ предсѣдатель нѣсколько оправился и объявилъ Каракозову, что подробный приговоръ будетъ объявленъ завтра, и что завтра онъ долженъ, если желаетъ, подать и просьбу о помилованіи.

Но 31 августа было исполнено драматическаго эффе́кта.

Послѣ объявленія резолюціи о Каракозовѣ, судъ удалился въ совѣщательную комнату для сужденія о Кобылинѣ.

Не могло быть никакого сомнѣнія въ оправданіи Кобылина. Министръ юстиціи уже отказался отъ поддержанія своего обвинительнаго противъ него акта, который и представленъ былъ имъ только по настоянію членовъ В. У. суда, заявленному ими еще до моего приѣзда въ Петербургъ, а настояніе это происходило вслѣдствіе положительнаго обвиненія Кобылина Муравьевскою комиссіею. Но теперь и члены суда были убѣждены въ невинности этого подсудимаго, который въ трепетѣ ожидалъ или свободы или смерти, и смерти позорной—другого исхода быть не могло. Только графъ Панинъ сомнѣвался еще въ возможности и законности оправданія, но такъ какъ онъ не могъ указать никакихъ основательныхъ причинъ своему сомнѣнію, то долженъ былъ согласиться наконецъ съ прочими членами. Впрочемъ, и соглашаясь, онъ настаивалъ, чтобъ не объявлять тотчасъ резолюцію суда, а на основаніи 791 ст. Уст. Угол. судопр. 1864 г. отложить постановленіе резолюціи до слѣдующаго дня, но противъ этого возстали всѣ, и такъ дѣлать было нечего,—надо было согласиться. Тотчасъ же написали оправдательную резолюцію, и съ этою резолюціею вышелъ судъ изъ своей совѣщательной комнаты. Надо было проходить чрезъ небольшую комнату, гдѣ помѣщалась моя канцелярія. Впереди шелъ, разумѣется предсѣдатель, сзади всѣхъ я. Вдругъ шествіе остановилось, я увидѣлъ передъ княземъ Гагаринымъ коменданта крѣпости. Я быстро подошелъ къ князю съ комендантомъ. „Генераль спрашиваетъ, сказалъ мнѣ князь Гагаринъ, можно ли впустить отца и мать Кобылина для слушанія приговора о немъ“.

„Помилуйте, ваше высокопревосходительство, обратился я къ коменданту, вся зала полна народу, всѣмъ можно и всѣхъ должно пускать, отчего же не пустить отца и мать?“

„Такъ пустить?“ спросилъ добродушный комендантъ.

„Конечно, пустите“, отвѣтилъ князь Гагаринъ.

Комендантъ пошелъ впередъ.

Затѣмъ и судъ въ прежнемъ порядкѣ вошелъ въ залу. Зала, дѣйствительно, была полна народа, потому, что мы строго соблю-

дали правило 624 ст. Уст. Угол. судопр. 1864 г., по которому во всякомъ случаѣ, при объявленіи пресѣдателемъ суда преній прекращенными, двери засѣданія раскрываются. Подсудимый въ своемъ форменномъ платьѣ (онъ былъ ординаторъ академической клиники) безъ шпаги стоялъ между двумя часовыми съ тесаками наголо. Предсѣдатель началъ чтеніе резолюціи. Вдругъ вбѣгаетъ мать подсудимаго, кидается посреди залы, впереди всего народа, передъ судьями на колѣни и со слезами, голосомъ, раздирающимъ душу, кричить: „батюшки, пощадите“!

Но въ это время предсѣдатель уже дочиталъ оправдательную резолюцію и сказалъ часовымъ: „часовые, отойдите прочь“ и Кобылину: „Вы свободны“.

Кобылинъ однимъ прыжкомъ былъ въ объятіяхъ матери.

Такъ кончилось 31 августа.

1-го сентября въ два часа по полудни были объявлены подобные приговоры о Каракозовѣ и Кобылинѣ.

Кобылинъ къ слушанію проговора не явился, а Каракозова привели, при чемъ онъ подалъ и прошеніе о помилованіи. Прошеніе это онъ началъ было писать самъ, но никакъ не могъ кончить, исписавъ нѣсколько листовъ и все не кончалъ; наконецъ защитникъ его Остряковъ убѣдилъ написать коротенькое, но сильное прошеніе, которое и было представлено Государю, а другіе исписанные имъ листы приложили къ дѣлу.

Государь отказалъ въ помилованіи.

Министръ юстиціи говорилъ мнѣ, что онъ докладывалъ это прошеніе въ вагонѣ, ѣдучи изъ Петербурга въ Царское Село. Какое ангельское выраженіе было на лицѣ Государя, прибавилъ Дмитрій Николаевичъ, когда Онъ сказалъ мнѣ, что Онъ давно простилъ его какъ христіанинъ, но какъ Государь простить не считаетъ себя въ правѣ.

2-го сентября князь Гагаринъ пріѣхалъ въ крѣпость и вызвалъ меня въ залу засѣданія суда. „Яковъ Григорьевичъ, сказалъ онъ мнѣ, сейчасъ по моему приказанію приведутъ Каракозова, я желаю, чтобъ вы были при этомъ“.

„Очень хорошо, я сейчасъ надѣну вицмундиръ“. Я перемѣнилъ свой сюртукъ на вицмундиръ и вошелъ опять въ залу. Князь сидѣлъ за столомъ одинъ. „Я сейчасъ возвратился отъ Государя“, началъ было онъ, но въ это время ввели Каракозова.

Каракозовъ вошелъ съ такимъ свѣтлымъ лицомъ, что очевидно онъ ожидалъ услышать вѣсть о своемъ помилованіи.

„Каракозовъ, сказалъ князь Гагаринъ, Государь Императоръ повелѣлъ мнѣ объявить Вамъ, что Его Величество прощаетъ васъ, какъ христіанинъ, но какъ Государь простить не можетъ“.

Вдругъ, какъ молнія, весь свѣтъ съ лица несчастнаго преступника исчезъ; оно внезапно потемнѣло и приняло суровое и мрачное выраженіе.

„Вы должны готовиться къ смерти, продолжалъ князь Гагаринъ, подумайте о душѣ своей, покайтесь“.

Каракозовъ началъ говорить что-то безсвязное о видѣніяхъ, о голосахъ, но князь Гагаринъ опять напомнилъ ему о необходимости приготовиться къ смерти и велѣлъ его отвести.

Мнѣ очень было странно, зачѣмъ князь Гагаринъ призывалъ Каракозова? Объявить осужденному за нѣсколько дней, что онъ помилованъ не будетъ—не значитъ ли это усилить его мученія. Я не могъ удержаться и сказалъ князю:

„Ваше Сіятельство, зачѣмъ Вы объявили ему, что помилованія не будетъ“.

„Это было необходимо“, отвѣтилъ мнѣ князь и безъ дальнѣйшихъ объясненій уѣхалъ.

Я не помню, чтобы я когда-нибудь вставалъ такъ рано, а встать было необходимо по крайней мѣрѣ часа въ 4, но проспать я и этой ранней поры не могъ, потому, что не спалъ цѣлую ночь. Когда 3-го сентября я пріѣхалъ въ назначенный часъ къ министру юстиціи, то засталъ уже у него большое собраніе, здѣсь были товарищъ министра (Н. И. Стояновскій), директоръ департамента министерства (баронъ Врангель), вице-директоръ, нѣсколько оберъ-прокуроровъ, генераль-лейтенантъ Языковъ, директоръ училища Правовѣдѣнія, члены обвинительной комиссіи (Чемодуровъ и пр.), нѣсколько другихъ чиновниковъ министерства юстиціи и Сената, всѣ въ мундирахъ.

Хотя было очень рано, но у министра юстиціи всѣмъ подавали чай. Впрочемъ, здѣсь намъ пришлось оставаться не долго. Скоро мы всѣ размѣстились въ экипажи и поѣхали на Смоленское поле. Длинный рядъ каретъ, въ которыхъ мы ѣхали, не могъ не обратить вниманія встрѣчавшихся намъ людей на улицахъ. Несмотря на ранній часъ, улицы уже не были пустыя, а на Васильевскомъ островѣ сплошныя массы народа шли и ѣхали по тому же направленію, по которому ѣхали и мы. При видѣ нашихъ каретъ, пѣшеходы просто начинали бѣжать, вѣроятно, изъ опасенія опоздать. Смоленское поле буквально было залито несмѣтной толпою народа.

На Смоленскомъ полѣ, не знаю по чьему распоряженію, для насъ былъ отведенъ небольшой домикъ, гдѣ мы и ожидали минутъ двадцать привоза осужденнаго. Наконецъ, намъ дали знать, что по тому направленію, по которому должны были везти Каракозова, уже ѣдетъ оберъ-полицеймейстеръ Треповъ. Мы опять сѣли въ экипажи

и поѣхали къ мѣсту казни. Между необозримыми массами народа была оставлена широкая дорога, по которой мы и доѣхали до самаго каре, образованнаго изъ войскъ. Здѣсь мы вышли изъ экипажей и вошли въ каре. Въ центрѣ каре былъ воздвигнутъ эшафотъ, въ сторонѣ отъ него поставлена висѣлица, противъ висѣлицы устроена низкая деревянная площадка для министра юстиціи со свитою. Все было выкрашено черною краскою. На этой площадкѣ мы стали.

Скоро къ эшафоту подъѣхала позорная колесница, на которой спиною къ лошадямъ, прикованный къ высокому сидѣнью, сидѣлъ Каракозовъ. Лицо его было сине и мертвенно. Исполненный ужаса и нѣмого отчаянья, онъ взглянулъ на эшафотъ, потомъ началъ искать глазами еще чего-то, взоръ его на мгновенье остановился на висѣлицѣ, и вдругъ голова его конвульсивно и какъ бы непроизвольно отвернулась отъ этого страшнаго предмета.

А утро начиналось такое ясное, свѣтлое, солнечное!

Палачи отковали подсудимаго, взвели его на высокій эшафотъ и поставили къ позорному столбу въ глубинѣ эшафота. Съ одной стороны у самаго эшафота сидѣлъ верхомъ на лошади одинъ изъ полицеймейстеровъ, съ другой стороны стояли кучкою сѣверо-американцы съ той эскадры, которая была тогда въ Кронштадтѣ. Кругомъ войско, за войскомъ народъ.

Министръ юстиціи обратился ко мнѣ: „Г. Секретарь Верховнаго Уголовнаго суда, объявите приговоръ суда во всеуслышаніе“.

Съ того мѣста, гдѣ мы стояли, народъ не могъ видѣть ни министра юстиціи, ни меня, а потому оберъ-полицеймейстеръ еще прежде сказалъ мнѣ, что для того, чтобы народъ понялъ, что читается приговоръ, котораго конечно никто не услышитъ, необходимо, чтобы я взошелъ на эшафотъ, тогда по крайней мѣрѣ увидятъ мундиръ, генеральскую шляпу и бумагу въ рукахъ.

По ступенямъ эшафота я взошелъ на него, остановился у самыхъ перилъ и, обращаясь къ войску и народу, началъ читать: „По указу Его Императорскаго Величества“. Послѣ этихъ словъ забили барабаны, войско сдѣлало на караулъ, всѣ сняли шляпы. Когда барабаны затихли, я прочелъ приговоръ отъ слова до слова и затѣмъ опять возвратился на ту площадку, гдѣ стоялъ министр юстиціи со свитою.

Мнѣ говорили послѣ, что, читая приговоръ, я былъ очень блѣденъ; думаю, было отъ чего.

Когда я сошелъ съ эшафота, на него взошелъ протоіерей Полисадовъ, духовникъ Каракозова. Въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ онъ подошелъ къ осужденному, сказалъ ему послѣднее напутственное слово, далъ поцѣловать крестъ и удалился.

Палачи стали надѣвать на него саванъ, который совсѣмъ закрывалъ ему голову, но они не умѣли этого сдѣлать, какъ слѣдуетъ, ибо не вложили рукъ его въ рукава. Полицеймейстеръ, сидѣвшій верхомъ на лошади возлѣ эшафота, сказалъ объ этомъ. Они опять сняли саванъ и опять надѣли такъ, чтобы руки можно было связать длинными рукавами назадъ. Это тоже, конечно, прибавило одну лишнюю горькую минуту осужденному, ибо когда снимали съ него саванъ, не должна ли была мелькнуть въ немъ мысль о помилованіи? и опять надѣваютъ снова саванъ, теперь въ послѣдній разъ. Впрочемъ, онъ, повидимому, потерялъ всякое сознание и допускалъ распоряжаться собою, какъ вещь. Палачи свели его съ эшафота, подвели подъ висѣлицу, поставили на роковую скамейку, надѣли веревку...

Я отвернулся и простоялъ за министромъ юстиціи бокомъ къ висѣлицѣ всѣ 20 или 22 минуты, въ продолженіе которыхъ висѣлъ преступникъ. Я былъ въ такомъ состояніи духа, что не могу сказать, били ли барабаны послѣ того, какъ я прочелъ приговоръ, или нѣтъ. Мнѣ кажется, нѣтъ: я ничего не слыхалъ; другіе говорятъ: били. Извольте послѣ этого писать исторію по словамъ очевидцевъ. Къ счастью, они однакожъ не всегда теряютъ и слухъ и зрѣніе. Я по крайней мѣрѣ сознаюсь, когда не могу свидѣтельствовать что-нибудь навѣрно. Наконецъ, министръ юстиціи сказалъ мнѣ: „его положили въ гробъ“.

Я обернулся къ висѣлицѣ и увидѣлъ у подножія ея простой гробъ, который обвертывали веревкою. Тутъ же стояла телѣга въ одну лошадь. На телѣгу положили гробъ, и правосудіе человѣческое кончилось.

Съ Смоленскаго поля я опять долженъ былъ заѣхать къ министру юстиціи, чтобы составить протоколъ объ исполненіи приговора Верховнаго Уголовнаго суда. Протоколъ этотъ приложенъ къ дѣлу суда.

Министръ юстиціи, пожимая мнѣ руку, сказалъ: „трудная вамъ досталась роль“.

„Я думаю, ваша тоже была не легка“.

Но какъ ни тяжело было для меня это утро, я заѣхалъ домой только для того, чтобы скинуть мундиръ. Переодѣвшись, я въ 10 часовъ былъ уже въ Петропавловской крѣпости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дипломатическія депеши датскаго посланника при Русскомъ Дворѣ, Вестфалена, о воцареніи императ- рицы Анны Іоанновны ¹⁾.

№ 6

Москва 16/5 февраля 1730 г.

Ваше Величество! Въ моей послѣдней депешѣ я уже сообщилъ о приѣздѣ въ Москву курьера цесаря нѣмецкаго съ важными извѣстіями къ графу Вратиславу.

Потомъ я узналъ, что имперскій министръ отправился къ барону Остерману и прочимъ членамъ Верховнаго Совѣта Россіи, сообщилъ имъ о Севильскомъ договорѣ и объявилъ въ то же время, что достоинство римскаго императора никакъ не можетъ допустить такого вмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣла имперіи, которое бы предписывало императору, какъ онъ долженъ располагать своими ленными владѣніями. Французскій, Великобританскій и испанскій короли, а также голландскіе штаты поступили самымъ оскорбительнымъ образомъ, составивъ новый союзный договоръ; его императорское величество заключаетъ изъ такого неслыханнаго поведенія, что они намѣрены возжечь въ Европѣ огонь новой войны. Вслѣдствіе этого его императорское величество вынуждено отражать насиліе насиліемъ и считаетъ необходимымъ напомнить Верховному Совѣту существующія между нимъ и Россіею обязательства, особенно же союзный договоръ 1726 года, по которому Россія должна, въ случаѣ разрыва, выставить его императорскому величеству вспомогательный корпусъ изъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь, 1909 г.

20 тысячъ пѣхоты и 10 тысячъ драгунъ. Графъ Вратиславъ просилъ всѣхъ членовъ отъ имени своего императора не забыть объ этомъ и сдѣлать необходимыя распоряженія, чтобы упомянутый корпусъ былъ готовъ выступить въ походъ по первому требованію императора ¹⁾).

Все это было принято русскими министрами *ad referendum*, въ ожиданіи прибытія теперешней царицы въ Москву, что можетъ случиться около 25-го (14-го) февраля, такъ какъ она дѣйствительно выѣхала изъ Митавы 9-го (29-го января). Ваше Величество и Вашъ королевскій Совѣтъ своевременно узнаете о рѣшеніи русскаго двора относительно теперешней отправки арміи въ Германію.

Если бы дѣлами этой монархіи управляли одни Долгорукіе, императоръ не могъ бы рассчитывать на эту помощь, у нихъ были бы другіе виды, какъ я уже замѣтилъ въ одной изъ моихъ предъидущихъ депешъ. Конечно для этого нужно, чтобы дѣла Россіи были въ такомъ положеніи, какъ тогда.

На-дняхъ въ разговорѣ со мною, имперскій резидентъ при этомъ дворѣ выразилъ очень смѣлую мысль: по его мнѣнію, императоръ прекрасно бы сдѣлалъ, если бы должнымъ образомъ наказалъ Великобританскаго короля въ его германскихъ владѣніяхъ; принцъ Евгенийъ очень этого желаетъ, а прусскій король съ остальными членами имперіи отъ всего сердца будутъ тому содѣйствовать. Помоему однако это похоже на что-то вродѣ войны между Ганноверомъ и Пруссіей. Я допускаю, что императоръ очень недоволенъ

¹⁾ Священная Римско-Германская имперія находилась въ непріятныхъ отношеніяхъ съ Испаніей, со времени войны за Испанское наслѣдство. Эти отношенія прекратились съ апрѣля 1725 г. заключеніемъ мирнаго дружественнаго и торговаго трактата между Вѣнскимъ и Испанскимъ кабинетами. Къ этому союзу скорѣ присоединилась и Россія, а также Польша и большая часть имперскихъ князей и итальянскихъ государей. Русское правительство Екатерины I-й, кромѣ подтвержденія всѣхъ статей Ништадтскаго мира со Швеціей, получило со стороны нѣмецкаго императора Карла VI гарантію въ содѣйствіи герцогу Голтшинскому возвратить отъ Даніи Шлезвигъ. Въ противоположность указанному тройственному союзу, извѣстному подъ именемъ Вѣнскаго, въ исходѣ 1725 г. образовался другой, Ганноверскій союзъ, между Англіей, Франціей и Пруссіей. Къ Ганноверскому союзу присоединились Нидерландскіе штаты, Швеція и Данія и два небольшихъ нѣмецкихъ государства, Вольфенбюттель и Кассель. Въ слѣдующемъ 1726 г Швеція и Пруссія отпали отъ союза Ганноверскаго и присоединились къ Вѣнскому. Подробности см. у *Арсеньева*, «Царствованіе Екатерины I-й», Уч. Зап. второго отд. Импер. Ак. Наукъ, кн. II, в. I, стр. 205—211 и «Flassan Histoire générale de la diplomatie française, V, Paris, 1811.

Севильскимъ договоромъ, что онъ даже отзоветъ своего министра отъ испанскаго двора, но развѣ министръ, находящійся во Франціи, не можетъ начать переговоры и найти какой-нибудь способъ для одновременнаго удовлетворенія испанской королевы и императора: испанскія войска, которыя должны перейти въ Италію, еще могутъ быть обращены въ швейцарскія войска, кромѣ испанской стражи, состоящей приблизительно изъ 2 тысячъ человѣкъ. Словомъ, я бы весьма желалъ быть такъ же увѣреннымъ въ томъ, что четвертый пунктъ предварительнаго Суассонскаго договора никогда не возобновится въ отношеніи насъ, какъ увѣренъ, что война не будетъ въ другой разъ всеобщей ни въ Германіи, ни въ Нидерландахъ,—тогда я былъ бы гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ настоящую минуту.

Члены Верховнаго Совѣта Россіи, за исключеніемъ барона Остермана, который со времени кончины юнаго монарха, по нездоровью, не посѣщаетъ засѣданій, до сихъ поръ продолжаютъ неустанно работать надъ преобразованіемъ существующаго въ Россіи правленія; главная цѣль членовъ Верховнаго Совѣта заключается въ ограниченіи самовласти монарховъ этой страны, но такому плану сильно противодѣйствуетъ мелкое руссійское дворянство; усилія обѣихъ сторонъ дѣлаютъ исходъ этого вопроса весьма сомнительнымъ.

Между тѣмъ Ягушинской, кавалеръ нашего перваго ордена, оберъ-штабмейстеръ, командующій корпусомъ кавалергардовъ и зять великаго канцлера графа Головкина, арестованъ по приказанію Верховнаго Совѣта за то, что тайно отправилъ къ царицѣ преданнаго ему человѣка съ предупрежденіемъ о заговорѣ противъ ея власти и совѣтомъ не поддаваться Верховному Совѣту, а положить на его шпагу и на оружіе большинства націи, которой ненавистно поведеніе Верховнаго Совѣта. Ягушинскаго лишили знаковъ ордена и содержатъ подъ надзоромъ. Въ виду этой опасной конъюнктуры я рѣшилъ не выходить изъ дому и ни малѣйшимъ разсужденіемъ не вмѣшиваться въ то, что происходитъ въ Кремлѣ. Отъ глубины души сожалѣю старика великаго канцлера по случаю непріятности, поразившей его въ лицѣ зятя, и весьма опасаясь, какъ бы не случилось еще подобныхъ катастрофъ. Въ смыслѣ укора неограниченной власти въ Россіи выставляють случай, бывшій въ правленіе царицы Екатерины ¹⁾: въ кратковременное свое правленіе она израсходовала для своего двора венгерскихъ винъ на 700.000 р. и на 16.000 р. данцигскихъ устрицъ (aquavits),—въ

¹⁾ Императрица Екатерина I.

то самое время, когда тысячи ея подданныхъ терпѣли недостатокъ въ насущномъ хлѣбѣ. На этотъ разсказъ люди иныхъ воззрѣній отвѣчаютъ: „одна ласточка весны не составляетъ“.

№ 7.

Москва. 20/9 февраля 1730 года.

Милостивый Государь!

Двери залы, гдѣ засѣдаетъ Верховный Совѣтъ Россіи, были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что-нибудь за или противъ предполагаемаго преобразованія въ прежнемъ правленіи Россіи.

Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены Сената и другихъ государственныхъ коллегій съ чиномъ не ниже полковника; были приглашены архіепископы, епископы и архимандриты, но не всѣ за разъ, а группами изъ трехъ епископовъ и трехъ архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурнаго за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло наконецъ громаднхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху.

Но такъ какъ я не привыкъ отступать сегодня отъ сказаннаго мною наканунѣ, то, въ виду броженія, которому подвергается теперь это важное дѣло, откладываю на нѣсколько дней мое сужденіе относительно его окончанія; пока скажу лишь одно, что, по моему, можно столько же опасаться успѣха предпріятія Долгорукихъ и Голицыныхъ, сколько надѣяться, что все останется въ прежнемъ видѣ.

Не сомнѣваюсь, милостивый государь, что Вы возьмете на себя трудъ сообщить королю и его Совѣту мое предварительное мнѣніе.

№ 8.

Москва. 23/12 февраля 1730 г.

Милостивый Государь! Въ настоящемъ моемъ письмѣ имѣю честь предупредить Васъ, что смуты здѣсь все увеличиваются и приняли даже столь обширные размѣры, что образовалась партія съ княземъ Черкасскимъ, членомъ Сената, во главѣ, которая желаетъ и во всеуслышаніе требуетъ не только сохраненія старинной формы правленія, но даже удаленія Долгорукихъ и Голицыныхъ изъ Верховнаго Совѣта, съ оставленіемъ лишь одной персоны изъ каждой фамиліи. Изъ этой партіи расходятся громогласныя обвиненія, словесныя и письменныя, противъ Голицыныхъ и

Долгорукихъ за непримиримую ихъ ненависть къ памяти Петра Великаго и къ его несчастному потомству, на которое они смотрятъ, какъ на нѣчто совершенно чуждое Россіи. Вслѣдствіе этого, дѣла начинаютъ принимать направленіе, согласное съ интересами короля. По счастью избраніе царицы (Анны Ивановны) уже произошло: будь это дѣло еще впереди и не имѣй уже Долгорукіе и Голицыны силы, видить Богъ, что голштинскій ребенокъ былъ бы государемъ Россіи.

Р. S. Вчера совершили погребеніе юнаго монарха съ замѣтной поспѣшностью.

№ 9.

Москва. 2 марта/19 февраля 1730 г.

Ваше Величество! Въ настоящее время новая царица уже въ Москвѣ; торжественный въѣздъ ея сюда совершился въ прошлое воскресенье. Вчера, 1-го числа этого мѣсяца, я имѣлъ честь представиться ей, выразилъ мое соболѣзнованіе по случаю кончины прежняго монарха и поздравилъ ее съ восшествіемъ на престолъ. Такъ какъ изъ уполномоченныхъ при этомъ дворѣ министровъ коронованныхъ лицъ, я первый попалъ въ пріемную, то и былъ допущенъ къ царицѣ тотчасъ вслѣдъ за испанскимъ посланникомъ. Признаться сказать, я отправился въ Кремль часомъ раньше другихъ, благодаря дружескому увѣдомленію; такъ какъ на этотъ разъ въ Верховномъ Совѣтѣ было рѣшено дѣлать различіе между министрами коронованныхъ лицъ и министрами остальныхъ державъ и допускать ихъ на аудіенцію по мѣрѣ прибытія; за мной оказалось преимущество первенства передъ прочими министрами, а также и передъ чрезвычайными послами Швеціи, Польши и Пруссіи.

Теперешняя государыня всегда была любима и уважаема націей, такъ что съ ея пріѣздомъ умы значительно успокоились; однако послѣ всего мною видѣннаго и слышаннаго, я прихожу къ несомнѣнному заключенію, что вельможи этой страны продолжаютъ обдумывать преобразование прежняго правленія Россіи и намѣрены ограничить самовластіе русскихъ царей какимъ-нибудь новымъ государственнымъ закономъ.

Передъ въѣздомъ въ Москву, царица на 5—6 дней остановилась въ деревнѣ, въ 8 верстахъ отъ Москвы. Тогда она еще не имѣла орденовъ Св. Андрея и Св. Александра Невскаго: Верховный Совѣтъ, въ полномъ своемъ составѣ, сопровождаемый генералитетомъ и дворянствомъ, поднесъ ихъ лишь наканунѣ ея отъѣзда изъ подмосковной деревни. Великій канцлеръ графъ Го-

ловкинъ, несшій ордена на подушкѣ изъ золотой парчи, подавая ихъ государынѣ, преклонилъ колѣно, а тайный совѣтникъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ обратился по этому случаю къ царю со слѣдующей замѣчательной рѣчью:

„Благочестивѣйшая и всемилостивѣйшая государыня! Мы, все-нижайшіе и вѣрные подданные Вашего Величества, члены русскаго Верховнаго Совѣта, вмѣстѣ съ генералитетомъ и русскимъ дворянствомъ, признавая Тебя источникомъ славы и величія Россіи, являемся вручить Тебѣ Твой орденъ св. Андрея, первѣйшій и самый почетный, а также и орденъ св. Александра Невскаго, установленный императоромъ Петромъ I по случаю славнаго мира съ могущественнымъ государствомъ шведскимъ, дабы Ты своевременно носила каждый изъ нихъ и жаловала бы ими тѣхъ, кого признаешь достойными.

Мы благодаримъ Тебя за то, что Ты соблаговолила принять наше избраніе Твоей особы Всемилостивѣйшей нашей Императрицей для царствованія надъ нами, за то, что Ты удостоила принять изъ нашихъ рукъ корону и возвратиться въ отечество; съ неменьшей признательностью благодаримъ мы Тебя и за то, что Ты соизволила подписать пункты, которые нашимъ именемъ предложили Тебѣ наши депутаты, на славу Тебѣ и на благо Твоему народу. Вотъ почему, Всемилостивѣйшая Императрица, мы явились въ совокупности передъ Твоимъ Величествомъ! Удостойте все сіе милостиво принять и положитесь на нашу ненарушимую вѣрность къ особѣ Вашей!“

На эту замѣчательную рѣчь царица тотчасъ же отвѣтила слѣдующее:

„Дмитрій Михайловичъ и Вы прочіе господа изъ генералитета и дворянства! Да будетъ Вамъ извѣстно, что я смотрю на избраніе меня Вами Вашей Императрицей, какъ на выраженіе преданности, которую Вы имѣете ко мнѣ лично и къ памяти моего покойнаго родителя. Я постараюсь поступать такъ, чтобы всѣ были мною довольны. Согласно Вашему желанію, я подписала въ Митавѣ пункты, о которыхъ упомянулъ ты, Дмитрій Голицынъ, и Вы можете быть убѣждены, что я ихъ свято буду хранить до конца моей жизни, въ надеждѣ, въ которой и теперь пребываю, что Вы никогда не преступите границъ Вашего долга и вѣрности въ отношеніи меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цѣль нашихъ заботъ и трудовъ“.

Теперь остается только сообщить пункты, подписанные ею въ Митавѣ, но я не могу исполнить этого съ нынѣшней почтой, а

постараюсь приготовить къ слѣдующей. Пока прилагаю прокламацію ¹⁾, подтверждающую мои донесенія въ депешѣ отъ 2-го числа прошлаго мѣсяца, т. е. то, что русскіе считаютъ мужскую линію дома Романовыхъ совершенно угасшей. Слѣдовательно, въ этой странѣ на голштинскаго ребенка смотрятъ, какъ на Non Ens.

Р. S. Прошлой ночью у меня сдѣлался сильный насморкъ съ такой жгучей болью глазъ, что я былъ вынужденъ продиктовать мое сегодняшнее донесеніе господину Кефоеду.

№ 10.

Москва. 9 марта/26 февраля 1730 года.

Ваше Величество! Такъ какъ человѣкъ, по своей природѣ легко склоненъ вѣрить исполненію того, что онъ желаетъ, неудивительно, если я въ моей депешѣ отъ 9 числа прошлаго мѣсяца выразилъ нѣкоторую надежду, что въ образѣ правленія Россіи не произойдетъ никакой значительной перемѣны. Отправивъ послѣднюю депешу, я получилъ основательныя свѣдѣнія о происходящемъ въ Верховномъ Совѣтѣ и въ частыхъ ночныхъ засѣданіяхъ российскихъ вельможъ и узналъ содержаніе пунктовъ; принимая корону, царица была вынуждена подписать эти пункты и утвердить ихъ присягой. Теперь я имѣю полное основаніе увѣрять, что перемѣна въ правленіи не только имѣетъ совершиться, но уже началась и по всѣмъ признакамъ можетъ увеличиться до такихъ размѣровъ, что нынѣшніе русскіе будутъ въ правѣ сказать съ извѣстнымъ римскимъ писателемъ, лишь наоборотъ: наши предки на опытѣ испытали крайность слишкомъ жестокаго рабства, а мы, въ ущербъ государству, увидимъ крайность ускоренной свободы.

Мое послѣднее всеподданнѣйшее донесеніе было отъ 2-го числа этого мѣсяца. Съ тѣхъ поръ Верховный Совѣтъ, Сенатъ и другія государственныя коллегіи этой обширной монархіи вмѣстѣ съ генералитетомъ, полковыми командирами, офицерами и всѣми войсками, расположенными въ столицѣ и ея окрестностяхъ (въ числѣ по крайней мѣрѣ 16 тысячъ), а также городскія власти и жители Москвы присягнули въ вѣрности теперешней царицѣ, по прилагаемой мною формѣ ²⁾.

¹⁾ Этой прокламаціи при депешахъ нѣтъ.

²⁾ Самый текстъ присяги, въ кот. Анна Іоанновна не названа «самодержавной», напечатанъ въ моей книгѣ «Возцареніе императрицы Анны Іоанновны», Казань, 1880 г., стр. 245—246; см. тамъ же, стр. 182—188, и приложеніи. стр. 13—19.

Чтобы нагляднѣе было различіе, существующее между присягой прежняго времени и теперешней, я кстати прилагаю форму присяги Екатеринѣ I въ 1725 г.¹⁾

Въ настоящее время Верховный Совѣтъ занятъ составленіемъ двора Ея Величества царицы, который, какъ говорятъ, будетъ менѣе блестящъ, чѣмъ дворъ умершаго монарха, потому что финансы Россіи требуютъ нѣкоторой экономіи. Какъ только составъ двора будетъ оконченъ, сообщу Вамъ и скажу, какую сумму назначать Ея Величеству на покрытіе этихъ издержекъ, на ея собственные мелкіе расходы и разныя другія нужды, впослѣдствіи мы увидимъ, заставятъ ли ее строго соблюдать все, къ чему она обязалась, подписавъ въ Митавѣ пункты, какъ нѣкотораго рода кондиціи, безъ которыхъ не могло бы состояться ея избраніе. Что касается самихъ пунктовъ, ихъ содержаніе въ сущности слѣдующее²⁾:

1) Она будетъ царствовать и управлять своимъ народомъ съ согласія Совѣта.

2) Она не вступитъ снова въ бракъ безъ согласія Совѣта.

3) Она не имѣетъ права начинать войну, заключать миръ, или вступать въ союзъ съ другими державами, безъ согласія Совѣта.

4) Она не имѣетъ права расходовать государственныя суммы безъ согласія Совѣта.

5) Она не имѣетъ права налагать на народъ денежныхъ податей безъ согласія Совѣта.

6) Первые государственныя должности: гражданскія, военныя и морскія должны быть жалуемы съ согласія Совѣта.

7) Ей не дозволено отчуждать государственныя земли.

8) Ни изъ высшаго, ни изъ низшаго дворянства никто не будетъ казнень смертью, сосланъ, или лишенъ состоянія безъ формальнаго и безпристрастнаго суда.

Р. S. Меня сейчасъ увѣдомили, что въ Кремлѣ происходитъ сильное волненіе: собралось нѣсколько лицъ изъ генералитета и изъ низшаго дворянства—военнаго и штатскаго, требуя, чтобы составъ Верховнаго Совѣта былъ увеличенъ 13-тью членами чтобы изъ фамиліи Долгорукихъ и Голицыныхъ въ немъ осталось лишь

¹⁾ *Арсеньева*. «Царствованіе Екатерины I-й», Уч. Зап. второго отд. Имп. Ак. Наукъ, кн. II, в. I, стр. 231.

²⁾ См. въ моей книгѣ «Воцареніе имп. Анны Іоанновны» о кондиціяхъ по реляціямъ пословъ. Прилож., стр. 5--8.

по одному лицу, и чтобы прочіе члены этихъ фамилій были удалены.

№ 11.

Москва. 9 марта—26 февраля 1730 года, вечеромъ въ 10½ ч.

Милостивый Государь! Только-что я отправилъ свой пакетъ на почту, какъ великій канцлеръ графъ Головкинъ прислалъ сказать мнѣ черезъ одного изъ своихъ секретарей, что по волѣ Божіей дѣла приняли такой оборотъ, что часъ тому назадъ Ея Величество новая императрица была превозглашена самодержицей. Его превосходительство пожелалъ немедленно увѣдомить меня объ этомъ, какъ благонамѣреннаго министра, и совѣтуетъ быть завтра къ 10 часамъ въ Кремль, для принезенія поздравленія Ея Величеству. Спѣшу, милостивый Государь, сообщить Вамъ эту великую, важную и интересную новость, черезъ эстафету, если почта уже отошла, не рѣшаясь отложить до слѣдующаго раза. Вы узнаете тогда главную причину столь внезапной перемѣны—до сихъ поръ она мнѣ еще неизвѣстна. Прошу Васъ и впредь не оставлять меня Вашимъ дружескимъ расположеніемъ, а я самымъ искреннимъ образомъ и отъ всего сердца всегда имѣю честь быть, милостивый Государь, Вашимъ всепокорнѣйшимъ и послушнымъ слугою.

№ 12.

Москва 13/2 Марта 1730 года.

Милостивый Государь! Осмѣливаюсь препроводить къ Вамъ прилагаемую памятную записку, прося Васъ обратить на нее милостивое вниманіе.

Вы вскорѣ получите всѣ справки, касающіяся смерти хирурга Тодѣ, несмотря на то, что я не знаю, въ какомъ полку онъ служилъ; приказаніе короля отъ 10-го числа прошлаго мѣсяца на счетъ Регины Елисаветы Александерсъ чрезвычайно трудно исполнить, такъ какъ Метты Вестенгардъ здѣсь нѣтъ, Богъ знаетъ, что съ ней стало.

Меншиковъ, его супруга и старшая дочь умерли; Вестенгардъ не сопровождала ихъ ни въ Ораніенбургъ, ни въ послѣднее мѣсто заточенія. Эта женщина лично мнѣ стоитъ, по крайней мѣрѣ, 1000 рублей, которые никогда не были мнѣ возвращены; но все же она оказала здѣсь интересамъ короля услуги, дѣйствительно стоящія этой награды. Одно время она пользовалась громаднымъ

значеніемъ при Меншиковѣ и его свояченицѣ, которая имъ управляла; когда-нибудь я объясню Вамъ эту загадку ¹⁾).

Относительно революціи, бывшей здѣсь въ прошлый четвергъ, сообщаю Вамъ прокламацію, опубликованную третьяго дня, 11/2 марта, по приказанію царицы, и форму новой присяги, которую она заставила себѣ принести, уничтоживъ прежнюю ²⁾).

Р. S. Наши друзья Долгорукіе и Голицыны въ весьма плачевномъ положеніи, благодарю мою счастливую звѣзду, что это началось лишь шесть недѣль тому назадъ; какую чертовскую фizioномію я долженъ бы былъ теперь скорчить, если бы на російскій престолъ взошелъ голштинскій ребенокъ, или принцесса Елизавета.

№ 13.

Москва 13/2 марта 1730 года.

Ваше Величество! Революціи были такъ часты въ этой странѣ, въ особенности со времени непозволительной связи царицы Екатерины съ камергеромъ Монсомъ, поведшей за собою уничтоженіе завѣщанія, составленнаго Петромъ I въ ея пользу, въ которомъ онъ назначалъ ее своей преемницей, что ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ и не знаешь, какому святому молиться.

Вскорѣ вслѣдъ за трагической смертью Монса умеръ царь, на російскій престолъ, отстранивъ законныхъ наслѣдниковъ, возшла его вторая супруга, несмотря на то, что завѣщаніе царя было уничтожено, несмотря на свое темное происхожденіе и на чрезвычайнобеспорядочную жизнь, которую она вела до того времени, какъ изъ рукъ Меншикова имѣла счастье перейти къ царю. Ея смерть дала возможность Петру II, при помощи общанія жениться на дочери Меншикова, овладѣть короной предковъ помимо герцогини голштинской, которая предъявляла на нее свои права, не имѣя на то должнаго основанія; по всей вѣроятности, герцогиня успѣла бы въ своемъ предпріятіи, если бы Меншикова не заманили общаніемъ этого брачнаго союза; смѣю сказать, что я и покойный графъ Раббутинъ ³⁾ принимали не мало участія въ этомъ дѣлѣ, и что оно дорого стоило моему тощему кошельку.

¹⁾ Повидимому, рѣчь идетъ о подкупѣ кн. Меншикова въ пользу «Датскихъ интересовъ» черезъ какую-то Метту Вестенгардъ. Кн. Меншиковъ умеръ въ Березовѣ 22 октября 1729 г.

²⁾ Такъ называется Вестфаленъ манифестъ имп. Анны Іоанновны отъ 28 февраля 1730 г. о восстановленіи самодержавія съ приложеніемъ новой формы присяги. Оба акта помѣщены въ П. С. Зак. См. т. VIII, № 5509.

³⁾ Гр. Рабутинъ—имперско-римскій чрезвычайный посланникъ.

Едва Петръ II заболѣлъ оспой, какъ благонамѣренные и власть имущіе русскіе люди согласились между собою, съ моего вѣдома, отстранить отъ престолонаслѣдія ребенка изъ Кіля и принцессу Елизавету, дочь Петра I-го отъ второго супружества, но рожденную внѣ брака, что, по основнымъ законамъ этой страны и по канонамъ греческой церкви, остается неизгладимымъ пятномъ, несчастіемъ, которому не въ состояніи помочь самое торжественное узаконеніе, какъ гласитъ моя депеша отъ 26 декабря 1729 года ¹⁾; покойный монархъ былъ еще живъ, когда я увѣрялъ, что это непременно произойдетъ.

Въ виду этого рѣшенія, три дня спустя послѣ котораго умеръ Петръ II, Верховный Совѣтъ Россіи, увеличенный въ своемъ составѣ еще двумя членами — фельдмаршалами Голицынымъ и Долгорукимъ, дѣйствительно занявшими въ немъ мѣсто, возвелъ на русскій престолъ единодушнымъ избраніемъ вторую дочь царя Ивана Алексѣевича, вдовствующую герцогиню курляндскую; избраніе это было одобрено Сенатомъ, генералитетомъ и всѣми другими русскими государственными коллегіями, при чемъ ни откуда не послѣдовало возраженія, даже въ видѣ размышленія. Если бы Верховный Совѣтъ удовольствовался счастливымъ своимъ избраніемъ и всеобщимъ одобреніемъ, встрѣченнымъ имъ повсюду, онъ сохранилъ бы за собой уваженіе, силу и власть, но онъ самовольно, не посовѣтовавшись съ другими коллегіями даже и съ генералитетомъ, предпринялъ измѣненіе образа правленія, обязавъ новую царицу подписать пункты, которые лишали ее самыхъ значительныхъ царскихъ преимуществъ и давали Совѣту власть царствовать на-ряду съ ней. Это побудило нѣкоторыхъ лицъ изъ генералитета и изъ мелкихъ чиновниковъ Сената и другихъ государственныхъ коллегій, принадлежащихъ къ низшему дворянству, которое по многимъ причинамъ естественно болѣе склонно къ монархическому, чѣмъ къ аристократическому правленію, возразить противъ того, что Верховный Совѣтъ по собственному побужденію сдѣлалъ для измѣненія прежняго образца правленія.

Но такъ какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ выставить себя противникомъ учрежденія національной свободы, то они высказывали единственное желаніе, чтобы Верховный Совѣтъ былъ преобразованъ, чтобы число его членовъ было увеличено до 21-го, а Долгорукіе и Голицыны удалены, за исключеніемъ одного лица изъ каждой фамиліи. Это служило покровомъ для ихъ истиннаго на-

¹⁾ Этой депеши не имѣется въ моемъ распоряженіи.

мѣренія, состоявшаго въ сохраненіи прежняго образа правленія, хотя ни словесно, ни письменно они этого не касались въ своихъ заявленіяхъ Совѣту.

Виновники этого раздора и вражды противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ были высшее духовенство, баронъ Остерманъ съ женой, Салтыковы—родственники царицы по матери, ея тетка по матери—жена князя Ромодановскаго ¹⁾, княгиня Черкасская, расположенная къ Салтыковымъ и держащая въ рукахъ своего мужа, и наконецъ друзья и сторонники принцессы Елисаветы и голштинскаго ребенка. Послѣдніе дѣйствуютъ только изъ негодованія, чтобы запутать дѣла и узвить Голицыныхъ и Долгорукихъ, которые, кромѣ высшаго духовенства, оскорбили и великаго канцлера графа Головкина, арестовавъ его зятя Ягушинскаго и обращаясь съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ, по причинѣ, означенной мною въ депешѣ отъ 16/5 февраля; этимъ поступкомъ они лишили разума почтеннаго старца, и Верховный Совѣтъ съ горестію увидалъ, что онъ тоже присоединился къ партіи недовольныхъ; число ихъ до того наконецъ увеличилось, что 8-го марта болѣе 800 человекъ изъ дворянства, занимающихъ гражданскія, или военныя должности, подписали свое всенижайшее заявленіе, думая, что настала пора нанести рѣшительный ударъ. 150 человекъ изъ главныхъ военныхъ отправились въ этотъ день въ Кремль, требуя отъ Верховнаго Совѣта, въ то время засѣдавшаго, чтобы ихъ выслушали. Получивъ согласіе Верховнаго Совѣта, они вручили бумагу, съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ неудовольствій. Верховный Совѣтъ приказалъ прочесть эту бумагу вслухъ и, уразумѣвъ ея содержаніе, объявилъ имъ свою готовность удовлетворить ихъ желанія и доложить самой государынѣ. Во главѣ представившихъ прошеніе находились: сенаторъ князь Черкасскій, человекъ умный, знаменитаго и древняго рода, но татарскаго происхожденія и поэтому не особенно почитаемый другими древними фамиліями Россіи; генералъ-лейтенантъ, маіоръ гвардіи князь Юсуповъ, тоже татарскаго происхожденія, первый изъ своего рода принявшій крещеніе (отецъ его умеръ магометаниномъ), вслѣдствіе этого сильно презираемый древними русскими фамиліями, наконецъ, генералъ-лейтенантъ Чернышевъ, Александровскій кавалеръ, изъ низшаго дворянства и при томъ великій интриганъ.

¹⁾ Тетка Анны Ивановны, кн. Анастасія Θεοδοροβνα Ромодановская, рожд. Салтыкова, родная сестра царицы Прасковьи Θεοδοροβны, матери императрицы. Княгиня А. Θ. Ромодановская была замужемъ за д. т. сов., княземъ-кесаремъ Иваномъ Θεοδοροβичемъ Ромодановскимъ.

Челобитчики удалились и вздумали отправиться къ государынѣ, у которой тайно заручились общаніемъ милостиваго пріема и благосклоннаго принятія просьбы. Объ нихъ доложили; Ея Величество соизволила тотчасъ же дать имъ аудіенцію и, выслушавъ ихъ жалобы, выразила желаніе, чтобы установился полное согласіе между дворянствомъ и Верховнымъ Совѣтомъ, прибавивъ, что, какъ только Верховный Совѣтъ рѣшится уступить ихъ желаніямъ, она съ своей стороны будетъ содѣйствовать и все одобрить.

Послѣ такого пріема, челобитчики возвратились въ Верховный Совѣтъ и рассказали о происшедшемъ на аудіенціи у государыни.

-- „По моему мнѣнію, снисходительность нашей всемилостивѣйшей государыни и обращеніе ея съ подданными заслуживаетъ съ нашей стороны искренней признательности“, сказалъ князь Юсуповъ.

Чернышевъ добавилъ къ этому: „Мы не можемъ лучше возблагодарить Ея Величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нея, т. е. ту самодержавную власть, которой пользовались всѣ ея предки“.

Князь Черкасскій, поддерживаемый великимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ, громогласно воскликнулъ вмѣстѣ съ остальными: „да здравствуетъ наша самодержавная государыня Анна Ивановна“.

Князья Голицыны и Долгорукіе, не будучи въ состояніи долѣе этому сопротивляться, сказали:

— „Пойдемъ, соединимся къ другимъ и да будетъ такъ, какъ предопредѣлено Св. Провидѣніемъ“.

Предупрежденная о происшедшей сценѣ, государыня съ улыбкой приказываетъ отворить двери своихъ покоевъ, говоря: „скоро у меня соберется большое общество“.

Челобитчики являются первые, предлагая государынѣ самодержавіе отъ имени всего дворянства, что съ своей стороны повторяетъ Верховный Совѣтъ минутой спустя. Государыня, не колеблясь, принимаетъ ихъ предложеніе и въ ихъ присутствіи разрываетъ пункты, которые заставили ее подписать въ Митавѣ, затѣмъ она всѣхъ милостиво благодаритъ и дозволяетъ разойтись по домамъ. Она отзываетъ въ сторону кавалера нашего перваго ордена Василія Лукича Долгорукова, и даетъ ему понять, что очень желаетъ, чтобы онъ оставилъ ея Кремлевскіе покои, такъ какъ она предназначаетъ ихъ своему родственнику генераль-лейтенанту и маіору гвардіи Симону Салтыкову, которому приказываетъ смѣнить дворцовую стражу и лично быть всю ночь на караулѣ. Велѣдъ

за этимъ она велить выпустить Ягушинскаго, который, получивъ обратно свою шпагу и орденъ, тотчасъ же возвращается домой. Государыня повелѣваетъ снять трауръ на 3 дня и въ теченіе трехъ вечеровъ сряду иллюминовать всѣ дома этого большого города и его предмѣстевъ. На другой день иностранные министры, а за ними все высшее и низшее дворянство допущены къ принесенію ей поздравленій со столь великимъ и важнымъ событіемъ. Безъ сомнѣнія, послѣдуютъ большія перемѣны въ министерствѣ и при дворѣ.

Вотъ вкратцѣ вѣрная исторія революціи, бывшей здѣсь въ прошедшій четвергъ, 9-го марта новаго стиля. Иные думаютъ, что дѣло этимъ не кончится, что отрубятъ еще нѣсколько головъ для внушенія страха тѣмъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ могли бы предпринять уничтоженіе самодержавія—этой первой и прекраснѣйшей жемчужины россійской короны. Я не совѣмъ раздѣляю подобное мнѣніе и, по-моему, послѣ всего происшедшаго невозможно предполагать, чтобы Долгорукіе и Голицыны заняли первыя мѣста въ довѣріи царицы; они рискуютъ даже лишиться своихъ должностей. Такъ какъ однако вѣрно и несомнѣнно, что безъ Голицыныхъ и Долгорукихъ нынѣ царствующая государыня не взошла бы на престолъ, а голштинскій ребенокъ, или принцесса Елизавета, то царица, будучи женщиной и умной, и благодарственной, по моему мнѣнію, какъ подобаетъ великодушной государынѣ, признаетъ добро и услугу, оказанныя ей этими двумя знатными фамиліями, не забывая при томъ зла, которое они хотѣли сдѣлать ей. лишая ее самодержавія...

Я почти не выходилъ изъ дому во все время, пока продолжалась эта опасная исторія, и видѣлъ только разъ фельдмаршала Голицына и князя Василія Лукича Долгорукаго.

Теперь я сожалею моихъ друзей и радуюсь сохраненію самодержавной власти россійскихъ царей, которая, мнѣ кажется, болѣе соответствуетъ интересу Вашего Величества, чѣмъ слишкомъ значительное униженіе россійскихъ силъ, которое неминуемо послѣдовало бы за уничтоженіемъ самодержавія. Меня заставляетъ разсуждать подобнымъ образомъ увѣренность, что изъ всѣхъ націй въ мірѣ шведская нація болѣе другихъ желаетъ и будетъ желать зла Даніи; такъ какъ интересъ Швеціи противенъ интересу Россіи, а благосостояніе послѣдней ненавистно интересу Швеціи, то, я думаю, что моя политическая система основана на твердыхъ государственныхъ началахъ.

P. S. Генераль Минихъ, начальствующій въ Петербургѣ, доне

сюда, что шведскія войска въ Финляндіи, повидимому, стремятся къ образованію изъ себя особаго корпуса; но такъ какъ ихъ только отъ 10 до 12 тысячъ, Минихъ можетъ уничтожить ихъ военными силами, которыя соберетъ въ случаѣ, если бы они вздумали выступить: этою новостью ни мало не озадачены.

Ut in relatione ¹⁾).

№ 14.

Москва. 16/5 марта 1730 г.

Государь! Ваше Величество и королевскій Совѣтъ вкратцѣ увѣдомлены въ предыдущихъ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ моихъ о томъ, какъ бывшій Верховный Совѣтъ Россіи принялся за преобразованіе формы правленія, и какъ нынѣ царствующая государыня возвратила себѣ самодержавіе; послѣднее мое донесеніе объ этомъ великомъ и важномъ дѣлѣ было отъ 13-го числа. Съ того дня и до сихъ поръ были заняты приведеніемъ къ присягѣ по образцу, сообщенному мной съ послѣдней почтой. Верховный Совѣтъ считаютъ почти что упраздненнымъ и думаютъ, что Ея Величество назначить новый тайный совѣтъ, который будетъ состоять только изъ 3-хъ или 4-хъ лицъ. Безъ всякаго сомнѣнія, великій канцлеръ, лишь бы онъ захотѣлъ продолжать службу, и вице-канцлеръ баронъ Остерманъ будутъ тамъ засѣдать; что касается Голицыныхъ и Долгорукихъ, еще неизвѣстно, но дѣло это вскорѣ выяснится, замѣтно, что въ послѣдніе дни они избѣгаютъ бывать при дворѣ.

Ко всему вышечисланному я долженъ прибавить, что Москва толкуетъ о новости съ востока, которая чрезвычайно важна, если только справедлива.

Говорятъ, что шахъ Тахмасибъ взялъ Испагань, въ третій разъ одержавъ побѣду надъ узурпаторомъ престола Эшрефомъ ²⁾. Съ первой почтой увѣдомлю Ваше Величество, дѣйствительно ли дѣло таково, какъ его рассказываютъ; нарочно для этого отправлюсь къ фельдмаршалу Долгорукому и разузнаю въ точности. Впрочемъ, здѣсь все спокойно и не замѣтно волненія.

¹⁾ Т. е. какъ въ донесеніи.

²⁾ Тахмасибъ, сынъ шаха Гуссейна уступившаго въ 1722 г. престолъ мятежному своему подданному Магомету Мирвензу. Въ 1725 г. Магометъ Мирвензъ былъ убитъ роднымъ братомъ своимъ Эшрефомъ. Въ 1730 г., Тахмасибъ не былъ еще владѣтелемъ всей Персіи, такъ какъ въ Исфагани господствовалъ Эшрефъ.

№ 15.

Москвв. 20/9 марта 1730 г.

Государь! мое всеподданнѣйшее донесеніе къ Вашему Величеству отъ 13-го марта заключаетъ всѣ подробности послѣдней революціи при здѣшнемъ дворѣ, вслѣдствіе которой въ Россіи возобновился древній образъ правленія, а нынѣ царствующей государынѣ возвратили ея самодержавіе, котораго лишилъ ее Верховный Совѣтъ, заставивъ подписать извѣстные пункты, въ свое время мною сообщенные и связывавшіе государынѣ руки почти такъ же, какъ связалъ себѣ руки король Швеціи.

Вышеупомянутая моя депеша касается въ этомъ важномъ событіи, между прочимъ, того обстоятельства, что російское дворянство, главнымъ образомъ низшее, возстало противъ намѣренія бывшаго Верховнаго Совѣта, осмѣлившись въ его присутствіи провозгласить царицу самодержавной, и своей отважной выходкой принудило членовъ этого грознаго Совѣта присоединиться къ нимъ. Вслѣдъ за этимъ дворянство возвратилось къ царицѣ, формально предлагая ей самодержавіе отъ имени всего російскаго дворянства, прежде нежели сдѣлалъ это Верховный Совѣтъ, который впрочемъ не замедлилъ тотчасъ же исполнить то же самое.

Что касается послѣдней сцены, а также для дополненія исторіи революціи, я долженъ сообщить самое прошеніе, поданное тогда государынѣ дворянствомъ ¹⁾.

Ваше Величество! Вслѣдствіе этого прошенія, со времени послѣдней почты случилось слѣдующее: государыня, по личному своему желанію, уничтожила Верховный Совѣтъ и прежній Сенатъ, а вмѣсто нихъ учредила Правительствующій Сенатъ изъ 21 лица, который служилъ бы ей совѣтомъ и былъ бы на этотъ случай *semper ad latus ejus* ²⁾, она сама назначила всѣхъ членовъ, не допустивъ баллотировки, какъ того желало низшее дворянство.

Лица, составляющія Правительствующій Сенатъ, суть: 1) Графъ Головкинъ, великій канцлеръ, кавалеръ русскаго ордена Св. Андрея. 2) Генералъ-фельдмаршалъ, князь Голицынъ, называемый въ публикѣ „русскимъ Евгеніемъ“ ³⁾, кавалеръ того же ордена. 3) Ге-

¹⁾ См. мою книгу «Воцареніе имп. Анны Іоанновны», стр. 275—276.

²⁾ Т. е. постоянной ея опорой.

³⁾ Евгеній Савойскій, р. 1663 † 1736 г., извѣстный полководец пѣмедкаго императора, сынъ Евгенія-Морица, герцога Savoie-Carignan.

нераль-фельдмаршалъ князь Долгорукой извѣстный въ публикѣ подъ названіемъ „отца высшаго дворянства“, кавалеръ датскаго ордена Слона. 4) Генераль-фельдмаршалъ князь Трубецкой. 5) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, кавалеръ русскаго ордена Св. Андрея; ему даютъ прозвище „отца отечества“. 6) Князь Василій Лукичъ Долгорукой, кавалеръ датскаго ордена Слона. 7) Баронъ Андрей Остерманъ, кавалеръ русскаго ордена Св. Андрея. 8) Князь. Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій, кавалеръ того же ордена. Его жена приходится теткой по матери новой царицѣ; она родомъ изъ фамиліи Салтыковыхъ, древней и знаменитой. 9) Павелъ Ягушинской, кавалеръ русскаго ордена Св. Андрея, зять великаго канцлера. 10) Князь Алексѣй Черкасской. 11) Григорій Чернышевъ, генераль-лейтенантъ и кавалеръ русскаго ордена Св. Александра Невскаго. 12) Иванъ Мамоновъ, маіоръ гвардіи и генераль-лейтенантъ, кавалеръ того же ордена. 13) Князь Юсуповъ, маіоръ гвардіи и генераль-лейтенантъ, кавалеръ того же ордена, происхожденія татарскаго. Онъ, Черкасской и Чернышевъ, по справедливости могутъ быть названы возстановителями самодержавія въ Россіи. 14) Симонъ Салтыковъ, маіоръ гвардіи, генераль-лейтенантъ и кавалеръ русскаго ордена Александра Невскаго, близкій родственникъ царины и любовникъ кн. Черкасской, принимавшей большое участіе въ революціи. 15) Андрей Ушаковъ, генераль-лейтенантъ и кавалеръ русскаго ордена Св. Александра Невскаго. 16) Князь Александръ ¹⁾ Трубецкой, братъ фельдмаршала и отецъ княгини Черкасской, самой красивой женщины Россіи. Онъ кавалеръ польскаго ордена Бѣлаго Орла. 17) Князь Урусовъ, генераль-маіоръ и камендантъ Санктпетербургской крѣпости. 18) Князь Борятинской, генераль-маіоръ, зять великаго канцлера. 19) Симонъ Сукинъ, генераль-маіоръ и генераль-крюгсъ-комиссаръ. 20) Графъ Михайль Головкинъ, кавалеръ русскаго ордена Александра Невскаго и камергеръ, сынъ великаго канцлера. 21) Василій Новосильцевъ, тайный совѣтникъ и главный директоръ мануфактуръ, учрежденныхъ въ Россіи Петромъ Великимъ.

Сенатскіе протоколы будутъ ведены статсъ-секретаремъ Масло-

¹⁾ Въ 1703 г. кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій состоялъ во второмъ бракѣ съ княжною Марьей Юрьевной Трубецкой (р. 1696 † 1747 г.), дочерью кн. Юрія Юрьевича Трубецкаго. Младшая сестра ея, кнж. Прасковья Юрьевна, была замужемъ за фельдмаршаломъ кн. Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ; т. обр. князь А. М. Черкасскій состоялъ въ свойствѣ съ императрицей Анной Іоанновной.

вымъ, стоящимъ въ рангѣ генераль-маіора; подъ его начальствомъ будутъ находиться 4 секретаря и множество писарей и переводчиковъ всевозможныхъ восточныхъ и европейскихъ языковъ. Со времени послѣдней почты государыня сама образовала свой дворъ. Мѣсто оберъ-гофмейстера дано ея родственнику Симону Салтыкову, лифляндскій графъ Левенвольде, тотъ самый, который вмѣстѣ со мною пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, назначенъ оберъ-гофмаршаломъ; гофмаршалъ—русскій Шепелевъ. Камергерами назначены: одинъ изъ сыновей фельдмаршала Голицына, одинъ изъ князей Куракиныхъ, Салтыковъ и курляндскій дворянинъ, который служилъ въ Курляндіи нѣсколько лѣтъ въ качествѣ гофмейстера ея двора ¹⁾. Не стану заниматься перечисленіемъ всѣхъ, вновь назначенныхъ камеръ-юнкеровъ; изъ камергеровъ прежняго двора она оставила двухъ Лопухиныхъ и Балка-

№ 16.

Москва. 23/12 марта 1730 г.

Государь! Мое послѣднее всеподданнѣйшее донесеніе къ Вашему Величеству отъ 20 числа сего мѣсяца заключало все, что оставалось сказать о революціи, случившейся при здѣшнемъ дворѣ. Теперь наслаждаются полнѣйшимъ спокойствіемъ. Ея Величество награждаетъ почти одинаково тѣхъ, которые возвели ее на престолъ, и тѣхъ, которые помогли возвратить ей самодержавіе, такъ что мнѣ ничего не остается объ этомъ говорить.

Я не желаю однако умолчать объ одномъ частномъ дѣлѣ, случившемся недавно при русскомъ дворѣ, потому что дѣло это по нѣкоторымъ обстоятельствамъ насъ интересуетъ.

Одинъ Бибииковъ, генераль-маіоръ и генераль-прокуроръ прежняго Сената ²⁾, человекъ умный, дерзкій и интриганъ, съ давнихъ

¹⁾ Эрнестъ Іоганнъ Биронъ, который весьма мало былъ извѣстенъ въ то время въ высшихъ сферахъ.

²⁾ Ив. Ив. Бибииковъ, опытный финансистъ и юристъ; при Петрѣ В., уже въ чинѣ генераль-лейтенанта, былъ главнымъ начальникомъ ревизіонъ-конторы и затѣмъ исправлялъ должность оберъ-прокурора Сената. Въ 1727 г. подъ его главнымъ руководствомъ производились выводы изъ первой ревизіи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ президентомъ ревизіонъ-коллегии. Въ 1728 г. посланъ въ Киль для сопровожденія въ Петербургъ тѣла умершей Голштинской герцогини Анны Петровны. Въ 1729 г. получилъ назначеніе на должность вице-губернатора въ Иркутскъ, но въ февралѣ 1730 г. еще не уѣхалъ къ мѣсту своего новаго служенія и находился въ Москвѣ. Онъ былъ однимъ изъ видныхъ участниковъ политическаго про-

поръ преданный интересамъ герцога голштинскаго и его покойной супруги, во время болѣзни послѣдняго монарха имѣлъ частыя совѣщанія по ночамъ съ голштинскими министрами при русскомъ дворѣ, а также со шведскимъ посланникомъ. Когда это дошло до свѣдѣнія Верховнаго Совѣта, то вышелъ указъ объ удаленіи Бабикова изъ Москвы, и онъ получилъ предписаніе отправиться начальникомъ въ область, принадлежащую Россіи и находящуюся всего въ 40 нѣмецкихъ миляхъ отъ знаменитой Китайской Стѣны. Но онъ сумѣлъ оттянуть свой отъѣздъ до прибытія царицы, передъ которой хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы получить дозволеніе остаться здѣсь, или удалиться съ семействомъ въ свои имѣнія. Замѣтивъ, что распри между Верховнымъ Совѣтомъ и частію мелкаго дворянства принимаютъ серьезный оборотъ, онъ сталъ на сторону послѣдняго въ качествѣ вожака, и съ отвагой подписалъ свою фамилію подъ запиской, въ которой эта партія умоляла Анну Ивановну уничтожить какъ пункты, подписанные ею въ Митавѣ, такъ и Верховный Совѣтъ, и возстановить значеніе прежняго Сената.

Когда Бабиковъ былъ допущенъ къ цѣлованію руки царицы, онъ ловко внушилъ ей, что безъ малѣйшей съ его стороны вины, ненавидившіе его Долгорукіе присудили отправить въ Сибирь командовать крѣпостцой, которую можно было бы ввѣрить подпоручику, вслѣдствіе чего смиренно умолялъ Ея Величество, въ интересахъ его семьи, позволить ему удалиться въ свои деревни, въ случаѣ если нельзя будетъ остаться ему въ Москвѣ на прежнемъ мѣстѣ. Царица согласилась на его просьбу, но великій канцлеръ, услыхавъ объ этомъ, отправился къ царицѣ для сообщенія ей о наклонностяхъ этого человѣка и причинахъ, требующихъ его удаленія. Ея Величество была въ недоумѣніи: съ одной стороны—вслѣдствіе причинъ для удаленія Бибикова, а съ другой—вслѣдствіе даннаго ею слова. Наконецъ, нашли выходъ и рѣшили, что, вмѣсто отправленія его въ Сибирь, его пошлутъ въ Украину для начальства надъ крѣпостью, носящей названіе Бѣлгорода, такъ что удаленіе его отсюда все-таки состоится.

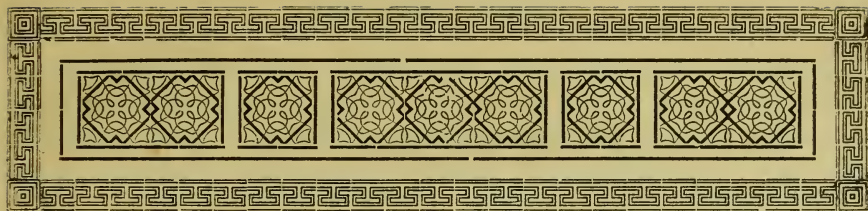
екта, составленнаго В. Н. Татищевымъ при избраніи Анны Іоанновны въ императрицы и подвергавшагося подробному обсужденію на шляхетскихъ совѣщаніяхъ, бывшихъ въ домѣ кн. Алексѣя Мих. Черкаскаго. Этотъ проектъ отличается отъ остальныхъ шляхетскихъ проектовъ, составленныхъ въ то же время, цѣльностью, полнотой и систематичностью изложенія. Подробности см. въ моей книгѣ «Воцареніе имп. Анны Іоанновны», стр. 159—163, 205—206.

Я счелъ своимъ долгомъ привести эту небольшую исторію подробно, потому что она проливаетъ новый свѣтъ на отношенія здѣшняго двора къ искательству Голштиніей наслѣдія руссійскаго престола. Въ то же время скажу, что самъ фельдмаршалъ Долгорукой подтвердилъ достовѣрность сообщенныхъ мною въ предпоследней депешѣ извѣстій о побѣдахъ Тахмасиба надъ узурпаторомъ Эшрефомъ, за исключеніемъ взятія Испагани; Тахмасибъ, послѣ троекратной побѣды надъ Эшрефомъ, только подступалъ къ Испагани съ цѣлю блокады. Таково донесеніе главнокомандующаго русскими войсками въ Персіи.

В. Корсакова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Власти предержація ¹⁾.

(Изъ посмертныхъ бумагъ П. М. Ковалевскаго).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, родившійся 5 декабря 1823 г. въ помѣстьѣ Харьковской губ. и получившій образованіе въ горномъ корпусѣ,—принадлежалъ къ числу извѣстныхъ поэтовъ-лириковъ, писателей и художественныхъ критиковъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ. Онъ впервые выступилъ на литературномъ поприщѣ съ „Этюдами путешественника“,—впечатлѣніями Италіи и Швейцаріи. Эти поэтическіе эскизы, не чуждые, какъ всѣ произведенія Ковалевскаго, тонкаго юмора и сарказма,—сдѣлали сразу имя молодому писателю. Онъ сотрудничалъ затѣмъ долгіе годы въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ запискахъ“, затѣмъ въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“ и послѣднее время въ „Историческомъ Вѣстникѣ“,—напечатавъ цѣлый рядъ лирическихъ стихотвореній и художественно-критическихъ статей и нѣсколько очерковъ прозой на теченіе тогдашней общественной жизни, какъ, напр., „Непрактическіе люди“,—представлявшіе впрочемъ лишь временный интересъ. Въ восьмидесятихъ годахъ, онъ выступилъ въ совершенно новомъ для него литературномъ жанрѣ, съ длинной повѣстью-хроникой подъ заглавіемъ „Итоги жизни“,—но, всегда безпощадно строго относившійся къ себѣ, неудовлетворенный своимъ произведеніемъ,—самъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1909 г.

прекратилъ его печатаніе на страницахъ „Вѣстника Европы“. Разнообразныя впечатлѣнія его долгой жизни и разносторонней дѣятельности выразились затѣмъ въ рядѣ талантливыхъ воспоминаній „Встрѣчи на жизненномъ пути“, продолженіе которыхъ составляютъ печатающіеся нынѣ ¹⁾).

Схоронивъ почти всѣхъ своихъ близкихъ и удалившись отъ людей и дѣлъ,—последніе годы своей жизни Павелъ Михайловичъ провелъ безвыѣздно въ деревнѣ, гдѣ тихо скончался 20 марта 1907 года, сохранивъ до конца свой живой умъ, отзывчивую душу и интересъ ко всѣмъ явленіямъ жизни.

¹⁾ «Встрѣчи на жизненномъ пути» Егоръ Петровичъ Ковалевскій. Михаилъ Ивановичъ Глинка, Александръ Андреевичъ Ивановъ, см. «Исторія Вѣстника» 1888 г., февраль, мартъ, апрѣль. Иванъ Николаевичъ Крам- 1888 г. «Русская Мысль».

У Чернышева моста.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ обширное зданіе у Чернышева моста, сводами надъ переулкомъ, съ надписью „Министерство Народнаго Просвѣщенія“, могло бы съ неменьшимъ правомъ называться „Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ“. Бѣлая его часть — квартира министра теплила по угламъ лампадки. Князь Ширинскій-Шахматовъ видѣлъ въ этомъ вожженномъ на деревянномъ маслѣ свѣтѣ настоящее просвѣщеніе и о другомъ не заботился. Онъ большую часть времени простаивалъ на молитвѣ. Чуть не полуверстное протяженіе министерскихъ палатъ, штофные обои которыхъ источали лампадное мурро, — скорѣе походило на архіерейское подворье, чѣмъ на помѣщеніе мірянина. Министръ былъ до такой степени святой, что самъ его товарищъ, исходившій на своей деревянной ногѣ всѣ свята мѣста, Авраамій Норовъ могъ показаться свѣтскимъ¹⁾. Но о просвѣщеніи и тотъ, какъ о суетѣ мірской, не заботился. Забота эта лежала на директорѣ департамента, извѣстномъ Павлѣ Ивановичѣ Гаевскомъ и непременно Павлѣ Ивановичѣ; онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые безъ полнаго имени и отчества представляются какъ бы безъ нѣкоторой части тѣла. Этотъ Павелъ Ивановичъ, кажется, и родился и выросъ, но уже положительно состарѣлся, — и не только состарѣлся, а выслужился въ чиновника до потери образа человѣческаго, — все въ однихъ и тѣхъ же стѣнахъ зданія у Чернышева моста. Забота его о просвѣщеніи не умалялась и не мѣнялась съ годами. Онъ въ такомъ же изобиліи выпускалъ за своею подписью, циркуляры, предписанія и разъясненія, сдѣлавшись директоромъ, въ какомъ подносилъ ихъ для подписыванія директору, будучи столоначальникомъ. Бѣлаго не требовалось. Просвѣщеніе благополучно расходилось въ пакетахъ за казенною печатью по лицу Россіи. Тогда это было просто: всякій зналъ безошибочно, что благо и что зло: — достаточно было знать, чего хочетъ и чего не хочетъ Павелъ Ивановичъ.

Въ эту-то благополучную пору одному изъ моихъ дядей пришло въ голову принести меня въ жертву народному просвѣщенію.

¹⁾ Норовъ въ молодости былъ военнымъ и лишился ноги подъ Бородинымъ. Онъ же и авторъ «Путешествія ко святымъ мѣстамъ»,

Кстати жъ и закланіе предстояло совершить Аврааму. Отношенія съ Норовымъ были самыя близкія,—ихъ называли даже кровными, потому что осколками одной и той же бородинской битвы оторвало Норову ногу и убило старшаго брата моихъ дядей. Вотъ къ этому-то кровному ихъ пріятелю мнѣ и суждено было явиться за полученіемъ уже заранѣе обѣщаннаго мѣста. Оставалось его только взять.

Пришелъ я къ Норову по утру, когда онъ пилъ кофе. Началось съ того, что Норовъ очень долго не могъ понять, кто я и чего мнѣ отъ него надо. Безпамятство и разсѣянность Норова были анекдотическія. За тѣмъ же утреннимъ кофе онъ продѣлалъ однажды такую штуку. Жена даетъ ему деньги и проситъ завезти въ магазинъ расплатиться. Онъ беретъ деньги, бросаетъ ихъ въ чашку, а ложку укладываетъ въ карманъ и выходитъ. Гдѣ же этому человѣку было помнить объ обѣщанномъ мѣстѣ. Переспросилъ онъ не одинъ разъ мое имя, громко высосалъ изъ чашки кофе, котораго ужъ тамъ не было; но при всѣхъ усиліяхъ вспомнить—не вспомнилъ ничего. Я уже собирался уходить.

— Пойдите, пойдите, знаю. Теперь отлично знаю, обрадовался онъ,—вспомнилъ. Вы проситесь цензоромъ въ Харьковъ?

— Извините, я цензоромъ не просился. Это кто-нибудь другой. Норову было жаль отказаться отъ своего открытія.

— Ну право же просились, принялся онъ убѣждать меня.— Да вы развѣ не такой-то?

Онъ назвалъ совсѣмъ незнакомое, можетъ быть и совсѣмъ несуществующее имя.

— Нѣтъ, я Ковалевскій.

— Ахъ, да, да, да, да, вы бишь Ковалевскій. Я, вѣдь какъ вамъ извѣстно, въ кровномъ родствѣ состою съ Ковалевскими.....

И онъ разсказалъ исторію о бомбѣ.

Но, не взирая на кровное родство, я все таки былъ отосланъ къ Гаевскому.

— Павелъ Ивановичъ вамъ все сдѣлаетъ. Онъ ужъ все знаетъ. Вы объясните все такъ же точно Павлу Ивановичу, какъ объяснили мнѣ... и что вы въ цензора не проситесь,—нынче всѣ просятъ въ цензора... Такъ онъ непремѣнно сдѣлаетъ...

И на прощанье чихнулъ съ такою силою, какъ будто разорвалась другой разъ бомба; забрызгалъ себѣ грудь, на груди звѣзду и досталъ даже до меня. Когда я вынулъ платокъ и утерся, это его очень удивило: самъ онъ ничего не замѣтилъ, и такъ и остался забрызганнымъ...

Гаевскій сидѣлъ за своимъ директорскимъ столомъ, сѣдой и злой, какъ крыса, надъ бумагами, которыми и питался, какъ крыса.

На мой поклонъ онъ не отвѣтилъ, меня не посадилъ, а на слова товарища министра, котораго я ему передалъ, отчеканилъ, вперивъ въ меня свои холодные крысы глаза, что Авраамъ Сергѣевичъ напрасно беспокоились посылать меня, что мѣстъ по министерству для лицъ постороннихъ не полагается; но что, если я согласенъ на прохожденіе установленныхъ по табели степеней служебныхъ, то долженъ начать съ чиновника для письма...

Гаевскій, пожалуй, былъ правъ съ точки зрѣнія справедливости четырнадцати классовъ, тѣмъ не менѣе я малодушно уклонился отъ примѣненія этой справедливости къ себѣ, и этимъ ограничилась попытка сдѣлать меня соучастникомъ въ распространеніи просвѣщенія по лицу Россіи въ запечатанныхъ конвертахъ.

Позднѣе, уже совершенно при другихъ условіяхъ, мнѣ довелось увидѣть того же Гаевского. Тою же крысою, но уже крысою бѣгущею съ корабля, которому предстоитъ крушеніе. Это было въ штофныхъ же залахъ министра, но уже другого,—того самаго дяди Евграфа Петровича Ковалевского, отъ котораго я ходилъ къ Норову. Бѣдная крыса дѣлала племяннику нѣжные глазки (могутъ при надобности и у крысы глаза дѣлаться нѣжными). И если бы не „жизни лучшіе часы“, то ужъ навѣрное всю четырнадцатиклассную табель отдала бы, чтобъ только снова къ ней пришелъ этотъ племянникъ. Но было поздно: отъ синодальнаго управленія Ширинскаго-Шахматова суждено было остаться однимъ слѣдамъ деревяннаго масла на стѣнахъ. Уничтожить ихъ не позволили скромныя средства, отпускаемые на настоящее просвѣщеніе. Все же прочее и самъ Павелъ Ивановичъ было выметено новою метлою, какъ старый соръ. Министерство Норова, слѣдовавшее за министерствомъ Ширинскаго-Шахматова, далеко не ушло, можетъ быть, потому, что и шло-то оно на одной ногѣ. „Ветхозавѣтный министръ“, какъ его прозвали „Колоколъ“, долженъ былъ очень скоро разстаться съ благочестивыми штофами, и несмотря на то, что былъ бородинскимъ героемъ, успѣлъ по этому случаю обнаружить слабость, довольно рѣдкую даже у людей, ничего общаго съ Бородиномъ не имѣвшихъ.

Дѣло въ томъ, что, ставши министромъ, онъ упросилъ того же „кровнаго“ своего пріятеля Евграфа Петровича, тогда сенатора, принявъ мѣсто попечителя Московскаго учебнаго округа, и надо же было тамъ на бѣду случиться одной изъ тѣхъ маленькихъ бурь, какія отъ времени до времени поднимаются въ стаканѣ студенческой воды, и на усмиреніи которыхъ есть охотники отличиться...

Новый попечитель усмиреніемъ бури отличаться не хотѣлъ, и она изъ краевъ стакана не вышла. Но этимъ-то именно онъ и отличился въ глазахъ молодого Государя (Александра II), какъ разъ посѣтившаго вслѣдъ за тѣмъ Москву. Мягкость попечителя ему понравилась, и самъ попечитель понравился. Вернувшись въ Петербургъ, Государь поручилъ Норову сдать министерство Ковалевскому, котораго и велѣлъ вызвать изъ Москвы немедленно. Вотъ гдѣ старый волкъ и спасовалъ: позабывъ и свою деревянную ногу, и свое высокое званіе, упалъ на колѣни, зарыдалъ и началъ молить о помилованіи.

— Да Ковалевскій и не приметъ, Ваше Величество, ей-богу не приметъ,—божился онъ,—не рѣшится, я его знаю...

Александръ II, съ тою обаятельностью, почти женскою, какую признавали за нимъ въ подобныхъ случаяхъ, — постарался успокоить героя ласковыми словами, поднялъ его и облобызалъ; однакожъ своего рѣшенія не измѣнилъ.

— Сдѣлай это для меня: уприси Ковалевского. Я на тебя полагаюсь,—сказалъ онъ.

И переставшему быть министромъ осталось ѣхать къ сдѣланному имъ когда-то попечителемъ,—просить его: сдѣлаться теперь въ свою очередь министромъ.

Норовъ и поѣхалъ, но, пріѣхавши, сталъ упрашивать министерство-то именно и не принимать.

— Изъ кровной пріязни ко мнѣ, не принимай, — умолялъ онъ. Сдѣлай милость, откажись. За что жъ я-то наказанъ? Зачѣмъ я на этомъ самомъ мѣстѣ упрашивалъ тебя ѣхать попечителемъ? И зачѣмъ ты тогда не отказался! Откажись, хоть теперь—для меня откажись! Государь желаетъ, чтобы ты принялъ; только ты. Бога ради, не принимай!

И онъ орошалъ слезами дядю, который не зналъ, что ему дѣлать. Министерства онъ не желалъ, но и отказываться, когда того желаетъ Государь, не смѣлъ. Его потребовали во дворецъ. Оттуда онъ воротился министромъ.

Но такъ ли ужъ оно было пріятно, это министерство, чтобъ его стоило такъ горько оплакивать?

Посмотрѣвъ поближе, нельзя было не убѣдиться, что оно скорѣе могло быть только непріятно. Ужъ однѣ эти пустыни штофныхъ, совершенно папскихъ залъ, въ которыхъ можно было „открыто жить“, но жить-то собственно и нельзя было, гдѣ символомъ пустоты являлся крысообразный директоръ департамента съ бумагами,—наводили торжественное уныніе. Живущіе представлялись точками въ самомъ концѣ этихъ необозримыхъ пространствъ. Тутъ

надо было жить какимъ-нибудь великанамъ, чтобы не казаться карликами. Никакое освѣщеніе не въ силахъ было выгнать потемки изъ угловъ, умащонныхъ масломъ погашенныхъ лампадъ, лѣса никогда незажигаемыхъ свѣчей въ люстрахъ, размѣра церковныхъ паникадилъ (бережливый министръ довольствовался немногими лампами) бѣлѣли высоко надъ головами, увеличивая ужасъ длинныхъ вечеровъ. Впослѣдствіи оказалось изъ отчетовъ, что люстры постоянно освѣщали помѣщеніе министра а giorno по положенію, какъ докладывалъ подобострастно смотритель дома.

— Но вѣдь этого же не было. Залы не освѣщались,—гнѣвался министръ.

— „По положенію“ было, ваше высокопревосходительство, — упорно, хотя все также подобострастно, настаивалъ смотритель:— освѣщались по положенію-съ...

Къ потемкамъ присоедините набранныхъ по тому же „положенію“ лакеевъ, изъ которыхъ нѣкоторые такъ и смотрѣли глазами извѣстнаго „отдѣленія“ и такъ и слушали его ушами—и вы получите понятіе о пріятностяхъ министерства. А тутъ еще рѣдкій вечеръ не заѣдетъ шефъ жандармовъ, послѣ котораго у дяди, вообще склоннаго къ бессонницамъ, непременно пропадалъ сонъ.

Да и какъ было не пропадать. Въ одномъ мѣстѣ студенты выпустили бѣлые воротнички рубашки изъ-за голубого воротника: это свидѣтельствовало о вольнодумствѣ попечителя; въ другомъ — у гимназиста вытащили „Колоколъ“ Герцена изъ катехизиса Филарета; тамъ поведеніе какого-то генерала въ повѣсти вызвало неудовольствіе всѣхъ безъ исключенія генераловъ¹⁾... Гдѣ ужъ тутъ было спать. За все надо было разсчитываться: и за гимназиста, и за генерала, и за вольнодумные воротнички студента...

Пріѣдетъ министръ въ засѣданіе Государственнаго Совѣта или Комитета министровъ,—ему навстрѣчу вынимають изъ кармановъ вырѣзанныя журнальныя статьи, въ доказательство того, что никакая пуговица на вицъ-мундирѣ не служитъ щитомъ отъ порицанія или насмѣшки... А тутъ еще Герценъ высылаетъ свои изданія, съ полнымъ адресомъ (онъ высылалъ ихъ всѣмъ министрамъ и сановникамъ), и каждый разъ приходится испытывать дрожь: не пробралъ ли онъ за что-нибудь?

— Этотъ разъ, слава Богу, ничего,—радуется бывало старикъ, пробѣжавши присланное.

А на слѣдующій разъ опять тревога.

¹⁾ Въ то время цензура состояла въ вѣдѣніи Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Ковалевскій не имѣлъ и не дѣлалъ связей въ высшихъ сферахъ. Онъ создавалъ свое одиночество и вслѣдствіе того свою непрочность. Онъ даже рѣшился выразить это Государю, при своемъ назначеніи.

— Въ высшемъ кругу меня не знаютъ, а безъ поддержки мнѣ будетъ трудно оправдать высокое довѣріе Вашего Величества.

— Знаю тебя я, и другихъ тебѣ не надо. Развѣ моей поддержки мало? — отвѣтилъ Государь.

Не совсѣмъ дома чувствовалъ онъ себя и въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Будучи специалистомъ по другой части (онъ былъ горный инженеръ), онъ попытался было подкрѣпить себя такою спеціальностью педагогическою, какую проявилъ Пироговъ и просилъ государя дать ему Пирогова въ товарищи. Но и это не удалось. Государь имѣлъ своего кандидата.

— Я тебя попрошу, — ужъ ты сдѣлай это для меня, — возьми моего (ласково сталъ онъ упрашивать дядю). Возьми Муханова. Ты имъ будешь доволенъ.

А спеціальность Муханова заключалась въ умѣнни отлично пообѣдать. За свои выдающіяся способности по этой части онъ даже былъ почтенъ не совсѣмъ обыкновеннымъ при дворѣ званіемъ форшнейдера. Въ своемъ кругу впрочемъ форшнейдеръ считался еще и литераторомъ, потому, какъ увѣрялъ Щербина ¹⁾, что въ молодости плакалъ надъ „Вѣдною Лизою“ Карамзина.

Съ такою силою, какъ Мухановъ оставалось только дѣлиться хорошими обѣдами, а педагогію доставить волѣ Божіей...

И дядя добросовѣстно кормилъ Форшнейдера, кормилъ заодно прїѣзжавшихъ изъ округовъ попечителей, хотя бы между ними попадались и оберполицеймейстеры ²⁾; посреди обширной площади министерской столовой, Екатерина II, въ порфирѣ, указывала бѣлою и полною рукою, изъ своей золотой рамы, на все это и улыбалась. Министру самому не могло быть многое не смѣшно. Прежде всего онъ попытался очистить составъ попечителей отъ полицейскаго происхожденія, въ Харьковѣ даже успѣлъ назначить профессора. Но тутъ тотчасъ же посыпались ходатайства, упрашивания; не обошлось и безъ застраиванья: „смотрите, такой-то — красный“. Слово это только-что входило въ моду и, какъ модный кафтанъ, надѣвалось на всякаго. Пріятели, и при томъ вліятель-

¹⁾ Извѣстный въ свое время острякъ и поэтъ.

²⁾ Генералъ Лужинъ, харьковскій попечитель, былъ прежде московскимъ оберполицеймейстеромъ.

ные. стали привозить своихъ кандидатовъ. Графъ Блудовъ привезъ бывшаго собственнаго секретаря, Делянова: „этотъ, — говорить, — заслужить“. Блудовъ ручался, что онъ добрый (тогда еще не успѣли догадаться, что попечители нужны злые) и богатый, — помогать станетъ бѣднымъ студентамъ (по непростительности заблужденій еще желали бѣднымъ студентамъ помогать), и за всѣ эти добродѣтели Деляновъ былъ поставленъ во главѣ Петербургскаго учебнаго округа.

Не теряя времени, онъ принялся „заслуживать“: объѣхавъ съ визитами всю очень многочисленную семью министра, не обошелъ и племянниковъ, племянницъ, и каждый годовой праздникъ возобновлялъ объѣздъ. Если-бъ кому-нибудь въ то время вздумалось, шутки ради, сказать, что этотъ, угождающій всѣмъ людямъ безъ изъятія, Иванъ Давыдовичъ будетъ и самъ когда нибудь министромъ и будетъ имѣть такихъ же, какъ онъ, попечителями, то это, пожалуй, и показалось бы остроумнымъ, только ужъ во всякомъ случаѣ неправдоподобнымъ. А дошутись кто-нибудь до Деляновскаго графства, — такъ это даже и остроумнымъ не показалось бы...

Впрочемъ, являлись ходатайства за попечителей и въ другомъ родѣ. Такъ одинъ изъ рекомендуемыхъ, человѣкъ по-своему еще совѣмъ молодой, былъ человѣкомъ совѣмъ жолтымъ — отъ хроническаго страданія распухшимъ честолюбіемъ. Этотъ просился въ Кіевъ, потому что тамъ находились имѣнія его жены. Послѣ продолжительнаго испытанія въ кабинетѣ министра, онъ ушелъ однако не попечителемъ и еще желтѣе.

— Ну, нынѣшніе молодые люди! говорилъ дядя (онъ произносилъ ихъ — „нынѣшніе“). Не мало я встрѣчалъ на своемъ вѣку всякихъ, и деспотовъ и ретроградовъ, но такого еще ни разу не встрѣчалъ. И назначь я его, видите, попечителемъ, да еще въ Кіевъ!! Нѣтъ, молодой человѣкъ, вмѣсто попечительства, не хочешь ли этого. (То, чего долженъ былъ хотѣть молодой человѣкъ, были извѣстнымъ образомъ сложенные два пальца, изъ которыхъ выглядывалъ кончикъ третьяго).

— Онъ студентовъ такъ подниметъ у меня, — продолжалъ дядя. — что послѣ и не справишься. Да вѣдь злой какой: такъ и шипить, такъ вѣдь и шипить. И того, видите, онъ не терпитъ, и то-то ненавидитъ. Ну, ужъ нынѣшняя молодежь, господа, поздравляю“!

Молодежь, къ которой могъ причислить себя человѣкъ, пораженный старика своимъ ретроградствомъ, была большею частью полуплѣшивая и только семидесятилѣтнему могла не казаться возмужалою...

Но забракованный теперь въ попечители былъ признанъ спо-

собиямъ позднѣе, и уже прямо на должность министра, гдѣ въ свою очередь браковалъ попечителей, только не за то, за что былъ самъ когда-то забракованъ... Кто изъ начальниковъ отдѣльных частей того или другого министерства не помнитъ тѣхъ повергавшихъ въ невольную дрожь пакетовъ за казенною печатью и надписью („секретно“), которые чуть не ежедневно находилъ онъ на своемъ письменномъ столѣ и гдѣ стереотипно безжалостнымъ повтореніемъ: „за неблагонадежный образъ мыслей“, „за распространеніе вредныхъ и превратныхъ ученій“, заканчивались, какъ неизмѣннымъ припѣвомъ: „ни на какую службу не принимать“. И это „циркулярно“, и это отъ Вѣлаго моря до Червгаго, отъ Вислы до Енисея, Амура и до самаго края свѣта... И все это согласно отношенію министра народнаго просвѣщенія за № такимъ-то.

— Такъ и шипить, такъ и шипить, — вспоминалъ я слова своего стараго дяди, распечатывая достопамятные пакеты.

Достопамятны также слова этого молодого министра, которые мнѣ довелось услышать отъ него, въ промежутокъ между министерствомъ и неудавшимся попечительствомъ. Мы оба, въ качествѣ акціонеровъ одного маленькаго предпріятія (Общества Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства на Дону), работали въ ревизіонной комиссіи.

— Ничего я такъ не презираю и не ненавижу, какъ русскую литературу, — признался онъ. На столѣ своемъ терплю одну „Сѣверную Почту“ (тогдашній „Правительственный Вѣстникъ“).

Слова, для будущаго главы русскаго просвѣщенія, знаменательны!

Велѣдъ за литературой онъ презиралъ и ихъ виновниковъ, русскихъ писателей. На имена, мною называемыя, и которыя по меньшей мѣрѣ заслуживали снисхожденія, онъ замѣчалъ: „а все жъ они были бы еще почтеннѣе, еслибъ не принадлежали къ литературѣ“.

Когда ужъ онъ былъ министромъ встрѣтились мы какъ-то на улицѣ.

— Мы съ вами недавно сотрудничали, вспомнилъ онъ нашу ревизіонную комиссію. Отчего бы не повторить того же на другомъ поприщѣ?

Я отговорился службою въ другомъ министерствѣ, но для большей безопасности поспѣшилъ прибавить, что имѣю, сверхъ того, литературныя занятія въ „Современникѣ“.

Надо было видѣть моего собесѣдника! Ну точно тотъ, кого онъ только-что считалъ порядочнымъ человѣкомъ, взялъ да и выта-

шилъ у него платокъ изъ кармана. Съ минуту онъ постоялъ въ нерѣшимости и круто повернулъ въ сторону...

Но вернемся въ зданіе у Чернышева моста, гдѣ готовились новыя превратности судьбы.

Издали усмотрѣно было (чего вблизи вовсе не было замѣтно), что если министръ не допускалъ въ своихъ комнатахъ свѣта даже „по положенію“, то въ своемъ вѣдомствѣ расточалъ его будто бы сверхъ „положенія“. Нашли полезнымъ попригасить. И опытныхъ гасильщиковъ сыскали. Самого графа Виктора Никитича Панина подняли и въ головахъ гасительной комиссіи поставили. Неисказительный министръ воочію удостовѣрился, что поддержки Государя было мало, и рѣшился заблаговременно оставить поле, въ которомъ онъ былъ одинъ, и слѣдовательно не воинъ. Напрасно Государь бралъ его за руки и смотрѣлъ ласково ему въ глаза; напрасно просилъ видѣть въ панинской комиссіи только облегченіе его непосильныхъ трудовъ, упрямый старикъ стоялъ на своемъ: „я, ваше Величество, боленъ и усталъ, и вижу, что довѣрія вашего не оправдать“.

— Поѣзжай, отдохни въ тепломъ климатѣ и полечись; я тебя подожду, — уговаривалъ Александръ II.

Въ теплый-то климатъ дядя поѣхалъ, но, зная по множеству примѣровъ, что если еще иногда изъ теплаго климата и возвращаются здоровыми, то никогда не возвращаются министрами, — онъ нанялъ, уѣзжая, частную квартиру, а съ дороги прислалъ формальное прошеніе объ увольненіи его отъ должности.

Въ этомъ усмотрѣно было подтвержденіе сомнительности цвѣта министра, смахивавшаго на красный. Прошеніе было принято, и дядя былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ; но милость царская къ нему уже не возвращалась. Даже выносъ его тѣла отличался отъ другихъ подобныхъ выносовъ полнымъ отсутствіемъ членовъ государевой семьи, (если не считать присланнаго, а можетъ и по собственной слишкомъ хорошо извѣстной добротѣ, пріѣхавшаго, стараго принца Ольденбургскаго).

Дядя мой былъ человѣкъ не особенно выдающихся способностей (меньшой братъ его Егоръ Петровичъ былъ гораздо даровитѣе); на смѣлый починъ у него не было ни рѣшимости, ни охоты, глубокаго слѣда онъ по себѣ не оставилъ, — только освободилъ русское просвѣщеніе отъ крѣпостной зависимости Гаевского, первый заговоривъ о несовмѣстимости возжиганія одною рукою свѣта въ университетахъ и гимназіяхъ, а другою — гашенія въ типографіяхъ, вслѣдствіе чего полицію надъ печатнымъ словомъ предлагалъ подчинить вѣдомству, заправляющему вообще полиціею; онъ

же въ голубыхъ воротникахъ не видѣлъ талисмана нравственности студентовъ и находилъ возможнымъ предоставить имъ носить какіе угодно воротники. Больше онъ не успѣлъ ничего сдѣлать, да и не дали бы ему ничего сдѣлать. Для этого онъ былъ слишкомъ одинокъ. Поддерживалъ его только государь, чего, какъ мы видѣли, было мало. Но онъ успѣлъ до конца сохранить свое достоинство министра и человѣка: а это не о всякомъ сказать можно.

И вотъ, въ папскія залы у Чернышева моста суждено было еще разъ спуститься благочестію. Снова затеплились лампы и по угламъ штофныхъ залъ пошло точиться мурро. Только рука возжогшаго ихъ была уже адмиральская рука (графа Путятина), а потому и свѣтъ ихъ могъ почитаться маякомъ просвѣщенія.

Въ пособники себѣ адмиралъ взялъ генерала, да еще Кавказскаго (Филипсона) и ввѣрилъ ему командованіе петербургскимъ учебнымъ округомъ. Мирнаго Делянова посадили за болѣе мирныя бумаги департамента. Казалось, никогда еще просвѣщеніе не было ограждено лучше—съ суши и съ моря. Съ одной стороны министр—„человѣкъ знакомый съ бурями“, какъ Жевагинъ, да еще съ самыми настоящими, океанскими,—устранялъ всякое опасеніе за бури въ стаканѣ воды; съ другой — попечитель, считавшійся чуть-ли не съ самимъ Шамилемъ. И что жъ? Безъ всякой видимой причины (о томъ, чтобъ тихій учебный шагъ вводился въ курсъ университетскаго преподаванія, или карабканье по реямъ и брамстенгамъ дѣлалось обязательнымъ, ничего не было слышно), заговорили только о какихъ-то „матрикулахъ“, и этого непонятнаго слова было достаточно, чтобы при такомъ, почти осадномъ положеніи, университетскій стаканъ разлился потокомъ, какимъ не разливался никогда и при мирномъ положеніи ¹⁾). Поднявшаяся волна неудержимо понеслась по улицамъ столицы, достигла крыльца сухопутнаго генерала и отпрянула къ самымъ дверямъ мореплавателя. Даже онъ долженъ былъ сознаться, что было „свѣжо“; генералъ подтверждалъ съ своей стороны, что было „жарко“ ²⁾)... На этомъ и остановилась неудачная попытка приспособленія къ мирнымъ занятіямъ наукою боевыхъ силъ. Генералу съ адмираломъ осталось „ретироваться“.

¹⁾ Известный рассказчикъ И. О. Горбуновъ, устами своего генерала Дитятина, утверждалъ, что подъ „матрикулами“ слѣдовало понимать наплечные жгуты, которыхъ студенты не захотѣли носить.

²⁾ Моряки, когда сильный вѣтеръ, говорятъ: „свѣжо“, сухопутные военные—когда бой ожесточенъ: „дѣло было жаркое“.

На смѣну имъ явился маленькій, очень штатскій, сутоловатый человѣкъ, съ выдающимися впередъ толстыми губами и всею серединою подслѣповатаго, гладко выбритаго, вылинявшаго лица, которымъ онъ совсѣмъ походилъ бы на ежика, если бъ еще глаже прилизанный паричекъ не портилъ нѣсколько сходства. Правда, безупречная по скромности наружность скрывала самую отъявленную красноту,—не тѣла, но духа Головинина (ибо это былъ онъ), и, какъ это ни странно, именно послужила ему въ пользу при полученіи того же званія министра, котораго не могъ сохранить за одно подозрѣніе, въ чуть-чуть красноватомъ отливѣ, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Новый министръ, поддержанный какъ надо, уже на самомъ дѣлѣ раздѣлъ студентовъ изъ стоячихъ воротниковъ, полицію надъ литературою сдалъ въ общую полицію, а съ литераторами вошелъ,—съ кѣмъ нельзя было иначе,—въ пріятельскія сношенія, а съ кѣмъ было можно,—и въ денежные, въ формѣ командировокъ, субсидій и поощреній... Онъ даже за просвѣщеніе было взялся, и университетскій уставъ на что-нибудь похожій ввелъ, а красноту свою простеръ до того, что и ногою не ступилъ въ казенныя залы министерскаго помѣщенія и остался на частной квартирѣ. Поступокъ уже чисто карбонарскій. И надъ опустѣлой сценой, гдѣ смѣнилось столько разнородныхъ исполнителей министерской роли, появилась надпись: „шестая гимназія“; — такая надпись, „что самъ Павелъ Ивановичъ Гаевскій отъ ужаса во гробѣ содрогнулся“.

А между тѣмъ на почвѣ, удобренной самими министрами, просвѣщеніе несомнѣнно должно было дать превосходные плоды ¹⁾.

Катковъ не потерялъ Головинина, и скоро графъ Толстой занялъ его мѣсто...

Но исторія дома у Чернышева моста, составляющая предметъ этого сказанія, оканчивается у порога новыхъ помѣщеній, открывающихъ новую страницу въ исторіи министровъ народнаго просвѣщенія, и лѣтописцу, покинутому казеннаго источника свѣта,

¹⁾ Немножко пошутить, говоря о малевкомъ Головиннѣ, который былъ далеко не такъ малъ, какъ большинство нашихъ государственныхъ людей, хоть и не такъ однако великъ, какъ думаютъ,—мнѣ показалось позволительнымъ въ очеркѣ вообще шутливомъ скорѣе, чѣмъ серьезномъ. Большой искатель популярности, человѣкъ несомнѣнно умный и настойчивый, этотъ маленький министръ оставилъ довольно крупныя и благотворныя преобразованія во вѣдомству народнаго просвѣщенія.

лишь остается свидѣтельствовать, что перемѣщеніе такового произошло не токмо безъ ущерба, но и къ сугубому преуспѣянію онаго: времена его весны опять воротились; какъ подснежники, опять засинѣли воротники студентовъ, а въ ознаменованіе того, что вѣкъ золотой Павла Ивановича не весь еще прошелъ, — самъ Иванъ Давыдычъ возсѣлъ министромъ и даже просіялъ графомъ...

П. М. Ковалевскій.

1883.

Въ походѣ и бою на броненосцѣ „Адмиралъ Ушаковъ“¹⁾.

2/15 апрѣля. Индѣйскій океанъ.

29-го марта поздно вечеромъ подошли къ южному берегу Аравіи невдалекѣ отъ г. Мербадъ, для чего-то перестроились въ строй фронта, и стали входить въ бухту. Глубина 100—150 сажень, берегъ близко, адмиралъ ежеминутно сигналитъ:

„Достали ли грунтъ?“

Лотовые кричатъ: „Сто сажень... Пронесло“.

Строй сразу же нарушился и суда оказались въ большомъ безпорядкѣ, каждую минуту готовые протаранить другъ-друга, командиры на мостикахъ волнуются и ругаютъ одинъ другого. Въ общемъ достаточно было въ это время самага дрянногс миннаго катера, чтобы пустить ко дну весь нашъ отрядъ.

Наконецъ мы всѣ за адмираломъ вышли вновь въ море и, пробродивъ 3-хъ узловымъ ходомъ ночь, на утро вошли и стали на якорь. (Надо замѣтить, что днемъ входили кильватерной колонной, а въ темнотѣ наканунѣ зачѣмъ-то понадобился строй фронта). Бухта почти совершенно открытая, берега не заселенные. Мы простояли 1½ дня и, несмотря на зыбь, успѣшно приняли уголь и запасы, а также произвели кое-какія починки и 31-го вечеромъ вновь вышли въ море и пошли... но куда? Какъ ни велика была таинственность, она все-таки разъяснилась и открыла намъ все горе нашего положенія.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь, 1909 г.

Рождественскій, уходя съ Мадагаскара, резонно заявилъ, что онъ о себѣ не будетъ давать знать, а вотъ Небогатовъ получаетъ въ Джибути телеграмму отъ Авелана: „Повидимому Рождественскій ничего не имѣетъ противъ соединенія съ Вами. Если не найдете его—идите во Владивостокъ“.

Не правда ли, точно и просто?

Небогатовъ послалъ тогда же одинъ угольный пароходъ въ Коломбо и „Кострому“ въ Батавію собрать свѣдѣнія о Рождественскомъ и назначилъ ей рандеву гдѣ-то вблизи Батавіи. Изъ Мербада послана въ данную широту и долготу вблизи Коломбо „Куронія“, чтобы встрѣтить угольщика и, принявъ извѣстія, сообщить на эскадру. (Это предполагается 6-го апрѣля).

„Куронію“ и въ Коломбо не рискуютъ послать, а „Кострома“ производитъ развѣдки подъ флагомъ Краснаго Креста.

Говорятъ, Небогатовъ сказалъ: „Я знаю, что дѣлаю некрасиво, посылая на развѣдки госпиталь, но что же дѣлать“.

Теперь что насъ ждетъ: если мы соединимся съ Рождественскимъ (изъ 10 шансовъ 9 противъ), мы можемъ имѣть успѣхъ, но вѣрнѣе, что „Кострома“ не дастъ свѣдѣнія о немъ и что станетъ тогда. Возвращаться назадъ изъ-замуссоновъ нельзя, разоружиться въ Батавіи и въ ближайшихъ портахъ слишкомъ позорно, значить, остается идти впередъ, но что сдѣлаетъ нашъ маленькій отрядъ, да еще съ бездарнымъ начальникомъ, противъ японской эскадры, она прямо раздавитъ насъ и останется погубить суда и умереть геройской, но безцѣльной смерью, даже память потомству останется скверная: наши, молъ, только и умѣютъ умирать.

Организація службы на нашей эскадрѣ по-моему заставляетъ желать много лучшаго. Теперь надо все время ждать минныхъ атакъ, а между тѣмъ до сихъ поръ не выработано мѣръ, какія нужно принимать, если замѣчено что-нибудь подозрительное, какъ дать знать объ этомъ на другія суда. Не было ни одной ночной тревоги. Все это говоритъ, что худо намъ будетъ, если мы пойдѣмъ безъ Рождественскаго, а онъ отрѣшился отъ сообщенія съ міромъ, слѣдовательно, взялъ все на себя и видимо надѣется поправить русскія дѣла.

8/21 апрѣля. Индѣйскій океанъ.

Идемъ Индѣйскимъ океаномъ, погода благопріятствуетъ: зыби почти нѣтъ, легкій вѣтерокъ иногда освѣжаетъ застоявшійся воздухъ, температура въ полдень достигаетъ 40°R. По ночамъ полная

луна сильно освѣщаетъ море, при желаніи можно найти поэзію и любоваться, но все это надобно и мысль стремится только къ тому, чтобы скорѣе и незамѣтнѣе достигнуть развязки. На-дняхъ была учебно-боевая стрѣльба, результаты довольно хороши, хотя сильно замѣтно отсутствіе практики. Жизнь течетъ чрезвычайно однообразно: утромъ въ началѣ 7-го часа надо вставать, т. к. скачиваютъ палубу и до 8-ми часовъ время тянется страшно долго, всѣ ходятъ сонные и недовольные, съ 8 до 10 часовъ артиллерійское ученіе съ навязшей въ зубахъ матеріальной частью артиллеріи, въ 11 завтракъ, едва подали второе блюдо, я выхожу съ подушкой и циновкой на верхъ, гдѣ сномъ убиваю время до 2-хъ, когда опять какія-нибудь занятія, въ антрактахъ одни и тѣ же разговоры, при чемъ едва подымется споръ, какъ страсти разгораются и ссора близка (скучное плаваніе даетъ себя знать). Наконецъ, въ 6 часовъ спускъ флага и обѣдъ съ неизбѣжными „военно-морскими разговорами“ всегда и на всѣхъ судахъ по такой программѣ: передъ первымъ блюдомъ говорятъ о томъ, какъ медленно идетъ подача и что надо подтянуть вѣстовыхъ, передъ вторымъ—общимъ хоромъ поносится высшее морское начальство, передъ третьимъ блюдомъ и послѣ него разговоръ переходитъ на игривые темы и рассказываются анекдоты (теперь они уже всѣ вышли).

Въ 7½ часовъ играется отраженіе „минной атаки“, закрываются переборки, разводится ночное дежурство у орудій и затѣмъ для сокращенія времени опять надо ложиться спать уже до утра, если нѣтъ ночной вахты, но и тутъ одна сплошная непріятность: тенты на случай ночной тревоги не ставятся и на шканцы летитъ изъ трубъ столько саж и мелкаго угля, что къ утру на простыняхъ прямо бѣлаго мѣста не видать и самъ дѣлаешься черный, какъ трубочистъ.

Вчера у насъ испортилась лѣвая машина, ее чинятъ, а мы идемъ одной правой на буксирѣ у „Свири“.

Конецъ перехода не предвидится, развѣ будетъ погрузка угля гдѣ-нибудь у необитаемаго острова.

11/24 апрѣля. Индѣйскій океанъ.

Обстоятельства благопріятствуютъ; скоро пройдемъ океанъ (на лагѣ 2.000 миль) и пока благополучно, ни разу не свѣжѣло и даже маленькой качки не было.

„Куронія“ вернулась изъ отдѣльнаго плаванія и, вѣроятно, не

привезла никакихъ извѣстій, ибо по возвращеніи даже не приближалась къ „Николаю“.

Вчера показались наши угольщики, по послѣ опять скрылись: адмираль хотѣлъ, чтобы они шли дальше, но вольнонаемные капитаны не рискуютъ, почему и исчезли, пришлось опять посылать „Куронію“ ихъ разыскивать, сегодня она вернулась, а на горизонтѣ видны два дымка.

Происходитъ что-то странное. Я совершенно потерялъ вѣру въ Небогатова. Несмотря на горестное положеніе, въ каютъ-компаніи настроеніе довольно веселое: кто-то сказалъ, что братъ нашего командира, извѣстный путешественникъ Миклуха-Маклай, долгое время жилъ на одномъ изъ острововъ Зондскаго архипелага съ гориллой-самкой и, когда оттуда уѣзжалъ, то обезьяна бросилась въ море и утонула.

Машина починена своими средствами, и мы идемъ самостоятельно.

12/25 апрѣля. Индѣйскій океанъ.

Сегодня утромъ отрядъ остановился и командиры сигналомъ были приглашены къ адмиралу. Совѣщаніе происходило 2 часа и капитаны были посвящены въ курсъ дѣла. В. Н. Миклуха вернувшись пригласилъ офицеровъ къ себѣ въ каюту и сообщилъ все, что узналъ. Планъ Небогатова таковъ: мы идемъ въ Малакскій проливъ и въ началѣ его, приткнувшись къ берегу, грузимъ уголь, затѣмъ идемъ дальше, проходимъ ночью безъ огней Сингапурскій рейдъ и затѣмъ на параллели Сингапура въ 40 миляхъ на Ost встречаемъ „Кострому“. Если она не сообщитъ ничего, мы идемъ къ берегамъ Французской Кохинхины и тамъ будемъ ждать у моря погоды.

Не знаю, уполномочилъ ли Небогатовъ командировъ сообщить планъ, но во всякомъ случаѣ не могу не одобрить нашего капитана за его откровенность: нѣтъ худшаго вліянія на состояніе духа, какъ полная неизвѣстность.

Обсужденіе полученнаго плана приводитъ къ слѣдующему: разъ мы перешли Индѣйскій океанъ, возврата нѣтъ и, принимая во вниманіе расположеніе японскихъ сторожевыхъ постовъ, присланное изъ Главнаго Морского Штаба, теперешній маршрутъ наиболѣе выгоденъ, мы можемъ проскочить благополучно Малакскій проливъ и пройти къ Сайгону, но къ сожалѣнію гнусная посылка „Костромы“ не пройдетъ безнаказанно. Очевидно японскій агентъ въ Батавіи пошлетъ простой коммерческій пароходъ, который издали прослѣдитъ дальнѣйшій путь „Костромы“ послѣ Батавіи, ея

соединеніе съ отрядомъ и, наконецъ, нашу стоянку у береговъ Кохинхины.

Затѣмъ оживленная работа телеграфа, и въ общемъ дней черезъ шесть послѣ нашего прихода явится японская эскадра и пригласить вступить въ бой.

Что „Кострома“ что-нибудь разузнаетъ, на это мало надежды, а что она наведетъ непріятеля на нашъ слѣдъ и кромѣ того скомпрометируетъ русскихъ— это почти несомнѣнно.

18 апрѣля—1 мая. Индѣйскій океанъ.

Въ страстной четвергъ мы остановились и стояли въ океанѣ, не отдавая якорей до сегодня, и грузили уголь. Пасха прошла чрезвычайно грустно: была заутреня, во время которой мысль переносилась къ лучшимъ временамъ, послѣ заутрени былъ небольшой ужинъ и „гвоздемъ“ его были печенка и языкъ только что зарѣзаннаго быка: ни пасхи, ни кулича, ни яицъ достать не могли.

Вчера днемъ разрѣшено было сообщеніе между судами, и офицеры обмѣнивались визитами, а вечеръ я провелъ на „Мономахѣ“, гдѣ было много музыки и пѣнія.

Небогатовъ и его штабъ неподражаемы въ своемъ безразсудствѣ:

Какъ я уже говорилъ, изъ Мербада была послана „Куронія“ къ Коломбо, при чемъ бывшему на ней флагманскому интенданту были даны такія инструкціи:

— „Вы будете стоять въ данной широтѣ и долготѣ, къ Вамъ пріѣдетъ нѣкто и сообщить Вамъ нѣчто“.

— „Какъ я его узнаю?“

— „Какъ хотите“.

— „На чемъ онъ пріѣдетъ?“

— „Можетъ быть на пароходѣ, можетъ быть на сингалезской пирогѣ“.

— „Что мнѣ съ нимъ дѣлать потомъ?“

— „Что хотите, лучше, если онъ не возвратится въ Коломбо“.

„Куронія“ простояла назначенное время, но никто не пріѣхалъ и ничего не сообщилъ, и она ушла для присоединенія къ отряду.

(Эти свѣдѣнія сообщилъ мнѣ флагманскій интендантъ).

Назначая рандеву зафрахтованнымъ угольщикамъ, штабъ ошибся „только“ на 7 градусовъ, т. е. на 420 морскихъ миль или на 735 верстъ, благодаря чему они затерялись въ океанѣ; конечно, штабъ распустилъ слухъ, что это сдѣлано нарочно, чтобы затеряться отъ нихъ, тѣмъ не менѣе „Куронія“ послана ихъ разыскивать,

а мы брали уголь съ отрядныхъ транспортовъ, опустошая ихъ раньше времени.

Затѣмъ мы, еще идя Средиземнымъ моремъ и даже раньше, всегда на ночь закупоривались наглухо, чтобы скрыть свое присутствіе и шли безъ огней, а эти дни, стоя въ 90 миляхъ отъ Малаккаго берега, на ночь разбрасываемся во всю: разстояніе между судами доходить до 4 миль, всюду полное освѣщеніе, телеграфъ работаетъ во всю, передавая совсѣмъ пустыя вещи, напримеръ, поздравленіе команды съ праздникомъ, а въ заключеніе Небогатовъ вчера вечеромъ телеграфомъ безъ всякаго шифра даетъ инструкціи для прохожденія Малакскимъ проливомъ и назначаетъ отряду рандеву, въ случаѣ разлученія, въ 40 миляхъ на Ost отъ Сингапура. Такимъ образомъ, если въ 20—30 миляхъ отъ насъ есть японскій развѣдчикъ, то имъ не надо даже выслѣживать „Кострому“: они вполнѣ въ курсѣ нашихъ дѣлъ.

20 апрѣля—3 мая. Малакскій проливъ.

Второй день идемъ Малакскимъ проливомъ. Вчера подъ предсѣдательствомъ командира было совѣщаніе, обсуждали мѣры огражденія минныхъ атакъ, рѣшили всѣ ночи проводить на чеку: командиръ и старшій артиллеристъ дремлютъ на мостикѣ, мы съ мичманомъ Г. по очереди дежуриимъ въ батарее, всѣ офицеры и команда спятъ не раздѣваясь, а адмиралъ продолжаетъ играть въ наивность: днемъ телеграфируетъ безъ стѣсненія, а вчера въ 11-мъ часу вечера произошелъ такой номеръ: мы идемъ, крадучись, безъ огней, тщательно наблюдая другъ за другомъ, дабы ни одна полоска свѣта не прорывалась наружу, въ это время показываются въ сторонѣ огни, отрядъ стопоритъ машины и, слѣдуя движенію адмирала, всѣ.... зажигаютъ на покахъ рей огни, показывающіе, что машина застопорена, а „Николай“ начинаетъ дѣлать фонаремъ Табулевича позывные „Куроніи“.

Иллюминація огромная, видная далеко, далеко. „Куронія“ (оказалось это была она) присоединилась къ отряду.

Ночь прошла благополучно, а сегодня днемъ все время беспокоится телеграфный аппаратъ, воспринимая чуждые знаки: вѣроятно, мы окружены развѣдчиками. Петля, въ которую мы заползли, затягивается все болѣе и болѣе.

Сегодня докторъ дѣлалъ намъ сообщеніе о мѣрахъ, какія надо принимать въ случаѣ раненія, и показывалъ, какъ надо обращаться съ перевязочными пакетиками, которыми снабжены всѣ офицеры и матросы.

22 апрѣля—5 мая. Китайское море.

Пока намъ везетъ: отрядъ, управляемый милостью Божіей благополучно миновалъ Малакскій проливъ. Берега его чрезвычайно красивы, богатая растительность и въ воздухѣ носится запахъ свѣже-скошеннаго сѣна.

Сегодня въ 4 часа утра проходили Сингапурскій рейдъ, въ городѣ масса огней, ужасно манило погулять по твердой землѣ. Хотя мы и „старались“ держать въ строгомъ секретѣ нашъ переходъ, тѣмъ не менѣе сразу послѣ Сингапура насъ встрѣтилъ, очевидно поджидавшій, нидерландскій авизо, повернулъ за нами и теперь провожаетъ до конца нейтральныхъ водъ.

Черезъ 60 миль, приблизительно въ 4 часа дня, дойдемъ до мѣста randevу съ „Костромой“. Командиръ желаетъ отправить туда больного матроса. Сообщивъ мнѣ объ этомъ сегодня во время вахты, онъ по обыкновенію прибавилъ: „Вы меня понимаете?“

Да, я его понимаю и тронуть вниманіемъ.

А вдругъ „Кострома“ не придетъ?

Приготовилъ всѣ нужные на случай смерти документы и сегодня надѣюсь сдать ихъ вмѣстѣ съ дневникомъ женѣ.

Вотъ и вторая часть дневника кончена, удастся ли закончить слѣдующую—самую трагическую...?

И. А. Дитловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Неизданное предисловіе Д. А. Смирнова къ „Горе отъ ума“.

Дмитрій Александровичъ Смирновъ (1819—1866), родственникъ А. С. Грибоѣдова по женской линіи (мать его, урожденная Лачинова, была дочерью Натальи Ѳедоровны, рожденной Грибоѣдовой) и не безъизвѣстный его біографъ (см. его „Черновая тетрадь—Грибоѣдова“,—рядъ статей въ Русскомъ Словѣ 1859 г.,—и „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“ въ „Бесѣдахъ Общества Любит. Росс. Словесности“ 1868 г.), оставилъ послѣ себя любопытную работу—предисловіе къ „Горе отъ ума“, съ котораго начинался особый подготовленный имъ къ печати списокъ комедіи — плодъ сопоставленія общеизвѣстной, Петербургской—1824 года—ея редакціи съ Московской—1823 года. Съ этой послѣдней, онъ познакомился изъ бывшаго у него въ рукахъ автографа знаменитой комедіи, сохранившагося у друга Грибоѣдова С. Н. Бѣгичева. Всѣ болѣе значительные варианты, которые давала московская редакція, онъ перенесъ въ подстрочныя примѣчанія къ своему списку, и ихъ набралось 117. Предисловіе это, проникнутое живымъ пониманіемъ гениальной комедіи и глубокимъ почтеніемъ къ ея автору, не появлялось въ печати, хотя имъ пользовался для своихъ работъ по Грибоѣдову проф. Алексѣй Веселовскій (см. статью его „Очеркъ первоначальной исторіи „Горя отъ ума“ въ Р. Архивѣ 1874 г., № 6, и въ изданіи Стасюлевича „Русская Библіотека“ т. V. Спб. 1875 и 1878), на него ссылается и проф. И. А. Шляпкинъ въ Полномъ Собраніи Сочиненій А. С. Грибоѣдова, изданныхъ подъ его редакціей. Спб. 1889. (томъ I, стр. XVII и томъ II, стр. 419—510 и 536). Для настоящей статьи мы

пользовались списками „Горя отъ ума“ съ предисловіемъ Д. А. Смирнова, хранящимися въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки. Такихъ списковъ два: одинъ поступилъ отъ сенатора Н. В. Кидошенкова (хорошаго знакомаго Д. А. Смирнова) и помѣченъ авторомъ предисловія „Нижній-Новгородъ 31 января 1851 года“, другой находится въ бумагахъ А. А. Краевского, къ которому Смирновъ тщетно обращался за содѣйствіемъ къ напечатанію своего списка комедіи. Редакція предисловія къ списку Краевского болѣе поздняя, но болѣе сокращенная; мы заимствуемъ изъ нея въ примѣчаніяхъ лишь тѣ мѣста, которыя дополняютъ по содержанію подробное предисловіе къ списку Кидошенкова, печатаемое безъ сокращеній. Кромѣ Публичной Библіотеки предисловіе къ „Горю отъ ума“ Д. Смирнова имѣется въ очень немногихъ частныхъ рукахъ. Самые варианты къ комедіи, приводимые Смирновымъ въ его списокъ, уже утратили свое значеніе съ опубликованіемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ помянутаго выше автографа „Горе отъ ума“—московской редакціи (1823 г.),—въ изданіи Историческаго Музея (Москва. 1903) на основаніи подлинной авторской рукописи, приобрѣтенной у дочери С. Н. Бѣгичева на специальное пожертвованіе для „Музея памяти А. С. Грибоѣдова“ (въ зданіи Историческаго Музея въ Москвѣ) и нынѣ тамъ хранящейся. Изъ этого автографа Смирновъ заимствовалъ свои варианты, но, при всемъ вниманіи къ дѣлу, онъ пропустилъ характерное исправленіе, сдѣланное авторомъ въ самомъ заглавіи — „Горе отъ ума“ изъ „Горе уму“, — пренебрегъ нѣсколькими важными авторскими поправками, не передалъ и много другихъ особенностей текста автографа.—Настоящее предисловіе къ комедіи печатается съ разрѣшенія наслѣдника литературной собственности на произведенія Д. А. Смирнова, сына его—Ю. Д. Смирнова.

Н. Шаломытовъ.

Какъ ни странно встрѣтить какое бы то ни было предисловіе къ безсмертной комедіи Грибоѣдова и какъ самое намѣреніе написать его ни должно показаться съ перваго взгляда тщетнымъ и суетнымъ, но я позволяю себѣ думать, что въ настоящемъ случаѣ предисловіе мое будетъ извинено необходимостью и что оно не только по исключительности своей цѣли, но и по самому тону и характеру своему не возбудитъ того непріятнаго чувства, отъ котораго трудно защититься всякому человѣку, серьезно уважающему искусство, при видѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ страницъ рядомъ съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ созданій человѣческаго

генія. Убѣжденіе мое, что мнѣ извинять это предисловіе, я основываю на слѣдующихъ причинахъ: во-первыхъ, я пишу это предисловіе не собственно къ комедіи „Горе отъ ума“, а къ принадлежащему мнѣ экземпляру „Горе отъ ума“,—экземпляру, смѣю думать, единственному въ Россіи, въ чемъ легко будетъ убѣдиться впоследствии. Во-вторыхъ: я слишкомъ далекъ отъ мысли входить въ критическую оцѣнку „Горе отъ ума“, вполне сознавая, что подобный трудъ,—важный уже по важности своего предмета,—можетъ быть результатомъ только нѣсколькихъ лѣтъ самаго многосторонняго и добросовѣстнаго изученія комедіи Грибоѣдова. При томъ такой трудъ, по самому объему своему, никакъ не могъ бы вмѣститься въ предѣлы простого предисловія, что, я думаю, до очевидности ясно всякому, кто только захочетъ добросовѣстно судить о дѣйствительной важности литературно-критической работы, специально посвященной изученію какого-либо факта искусства, и отличить ее отъ тѣхъ литературно-наѣздническихъ на искусство набѣговъ, которые журнальная промышленность часто выдаетъ за критику. Только тамъ коснусь я эстетическихъ достоинствъ „Горе отъ ума“, гдѣ буду вынужденъ къ тому необходимою. Вотъ почему я думаю, что эта совѣтливая съ моей стороны осмотрительность, основанная на уваженіи къ предмету искусства, трактовать который слегка и поверхностно я считаю грѣхомъ совѣсти, скорѣе заслужить отъ всѣхъ серьезно думающихъ людей одобреніе, нежели порицаніе этому моему предисловію. Въ-третьихъ: мнѣ извинять его и потому, что кому бы ни попался на глаза мой экземпляръ комедіи Грибоѣдова, всякаго поразить странность этой рукописи съ выносками, встрѣчающимися почти на каждой страницѣ подъ текстомъ, тогда какъ вся Россія уже около 30 лѣтъ привыкла читать и видѣть рукописи „Горе отъ ума“ безъ всякихъ выносокъ. Между тѣмъ я смѣло называю мой экземпляръ комедіи единственнымъ въ Россіи и лучшимъ. Теперь надо объяснить, почему это.

Вѣроятно, нигдѣ съ такою основательностью, какъ говоря о „Горе отъ ума“, не можетъ быть повторена пословица: „*Nabent sua fata libelli*“. Написанное въ 1821 году въ Персіи „Горе отъ ума“ вскорѣ же послѣ того разлилось по Россіи—можно сказать съ быстротою мысли ¹⁾. Временемъ его распространенія должно кажется со всею

¹⁾ К. Полевой въ предисловіи къ своему изданію «Горе отъ ума» говоритъ (стр. XXV), что вся комедія «Горе отъ ума» была написана Грибоѣдовымъ въ Тифлисѣ. Можетъ быть она только тамъ окончена, потому что всѣ мною слышанныя свидѣтельства людей, о которыхъ буду говорить

основательностью положить 1823-й годъ, когда Грибоѣдовъ возвратился въ Россію изъ Грузіи ¹⁾). Съ тѣхъ поръ не только комедія, но, конечно десятки тысячъ списковъ ходили, ходятъ и еще долго будутъ ходить по Россіи. Сказать, что въ Россіи нѣтъ ни одного, болѣе или менѣе просвѣщеннаго человѣка, который не зналъ бы

ниже, удостовѣряютъ, что комедія была, по крайней мѣрѣ, начата Грибоѣдовымъ въ Персіи. Это подтверждается и тѣмъ, что самъ же Кс. Полевой говоритъ, что Грибоѣдовъ оставался въ Персіи до 1822 года, а «Горе отъ ума» написано въ 1821 г. или, по крайней мѣрѣ, хоть начато въ этомъ году.

Прим. Д. А. Смирнова.

¹⁾ Вотъ указанія современниковъ на годы, когда создавалось «Горе отъ ума»: 1) В. В. Шнейдеръ, товарищъ А. С. Грибоѣдова по Московскому университету, сообщилъ, что онъ еще въ 1812 г. слышалъ первые стихи, набросанные авторомъ для будущей комедіи. 2) С. Н. Вѣгичевъ, ближайшій другъ поэта, говоритъ, что въ 1816 г. сдѣланъ былъ планъ комедіи и нѣсколько сценъ изъ нея были написаны; во многомъ однако онъ отступилъ отъ него въ послѣдствіи, уничтожилъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, (между прочимъ жену Фамусова) и выкинулъ уже написанныя сцены. 3) Князь Д. О. Бебутовъ, познакомившись съ Грибоѣдовымъ въ Моздокѣ въ 1819 г., въ ноябрѣ, слышалъ по дорогѣ въ Тифлисъ отъ автора стихи изъ комедіи «Горе отъ ума», которая еще была только набросана. 4) Ф. В. Булгаринъ, а за нимъ К. А. Полевой, сообщилъ, что планъ комедіи и нѣсколько сценъ 1-го акта занесены поэтомъ на бумагу въ Персію въ 1821 г. и что вчернѣ комедія была окончена въ 1822 г. въ Тифлисѣ. Самъ поэтъ въ записанномъ имъ снѣ (въ Тавризѣ 17. XI. 1820) говоритъ о взятомъ съ него во снѣ кѣмъ-то (вѣроятно кн. А. Шаховскимъ) обѣщаніи написать непременно черезъ годъ, повидимому, давно задуманное произведеніе. Очнувшись отъ сна, Грибоѣдовъ «затеплилъ свѣчку въ своей хаминѣ, сѣлъ писать, и живо вспомнилъ свое обѣщаніе: во снѣ дано на яву исполнится». 5. С. Н. Вѣгичевъ не знаетъ, въ Персію или въ Тифлисъ Грибоѣдовъ занялся «Горе отъ ума», но положительно говоритъ только о 2 первыхъ актахъ, съ которыми Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ мартѣ 1823 г. въ Москву, гдѣ, подъ вліяніемъ замѣчаній друга, сжегъ написанный 1-й актъ и въ недѣлю написалъ его вновь. Сестра поэта М. С. Дурново рассказала Д. А. Смирнову, какъ небрежно относился къ своей рукописи поэтъ. Листы ея были разбросаны въ разныхъ углахъ дома Грибоѣдовыхъ, и графъ Віельгорскій, найдя стихи изъ «Горя отъ ума» на фортепьяно, первый, распустилъ вѣсть по Москвѣ о знаменитой комедіи. Самымъ опредѣленнымъ образомъ Вѣгичевъ говоритъ, что 3 и 4 акты были написаны Грибоѣдовымъ въ его деревнѣ (въ Тульской г., Ефремовск. у., селѣ Дмитріевскомъ, Полевые Локотцы тожъ) въ іюнѣ—августѣ 1823 г. Е. П. Соковнина въ своихъ воспоминаніяхъ (Ист. Вѣстникъ 89 г. III) рассказываетъ о зимѣ 1823—24 г., когда Грибоѣдовъ работалъ надъ отдѣлкой комедіи и сочинилъ для 3-го акта вальсъ. 6) Самъ А. С. Грибоѣдовъ рассказываетъ о Петербургской редакціи комедіи въ 1824 г., слишкомъ 80 стихахъ, имъ перемѣненныхъ, и о сценѣ Лизы съ Молчалинымъ (явл. 12 IV акта), которая пришла ему въ голову на дорогѣ изъ Москвы 29—31 мая 1824 г. А. А. Жандръ передавалъ Д. А. Смирнову, что съ передѣлками рукопись

„Горе отъ ума“, ни одного, хоть сколько-нибудь образованнаго дома, въ которомъ не было бы экземпляра этой комедіи, значило бы сказать истину, до очевидности ясную всякому, хоть сколько-нибудь знающему русское общество и его интересы. И такъ будетъ продолжаться еще долго, ибо залогъ постоянной жизненности этой комедіи, ея постоянной современности и этой, если можно такъ выразиться, вѣчной юности и вѣчной свѣжести, которой она вся проникнута и которой она вся дышетъ для русскаго человѣка, заключенъ въ самой комедіи,—въ глубинѣ и силѣ ея народныхъ элементовъ, доступныхъ сердцу и разумѣнію cadaго, но возсозданіе которыхъ въ поэтическомъ произведеніи построенаго правильному стилю народнаго типа и особенностямъ народной жизни и характера можетъ быть дѣломъ только самыхъ великихъ художниковъ. Между тѣмъ нѣтъ ничего справедливѣе остроумнаго замѣчанія Кс. Полевого въ предисловіи къ его изданію комедіи, что для Грибоѣдова какъ будто не существовало изобрѣтеніе Гуттенберга. Дѣйствительно „Горе отъ ума“ не только сдѣлалось извѣстнымъ цѣлой Россіи по рукописямъ, но еще и теперь, не смотря на два бывшія изданія его (первое 1833 г. in 8° и второе Кс. Полевымъ, въ 1839 г. in 64°), хорошая рукопись комедіи цѣнится всякимъ просвѣщеннымъ любителемъ искусства выше печатнаго экземпляра. Причина слишкомъ извѣстна: самая снисходительная цензура не пропустила многихъ мѣстъ комедіи. Думаю, что всякій просвѣщенный человѣкъ сознается, что изъ весьма небольшого числа

„Горе отъ ума“ въ 1824 году, по пріѣздѣ Грибоѣдова въ Петербургъ, „представляла изъ себя такіе ужасные брулоны, что разобрать было невозможно. Видя, что гениальнѣйшее созданіе чуть не гибнетъ, я у него выпросилъ его полулисты. Онъ ихъ отдалъ съ совершенной безпечностью. У меня была подъ руками цѣлая канцелярія; она списала „Горе отъ ума“ и обогатилась, потому что требовали множество списковъ. Главный списокъ, поправленный рукою самого Грибоѣдова, находится у меня“. Онъ-то, этотъ такъ называемый Жандровскій списокъ, и является основнымъ конечнымъ текстомъ „Горе отъ ума“, подготовленнымъ авторомъ для сцены. Списокъ этотъ вдовой А. А. Жандра пожертвованъ, по моей просьбѣ, „Музею памяти А. С. Грибоѣдова“ въ Москвѣ. Съ него была снята копія и для такъ называемаго Булгаринскаго списка съ извѣстнымъ автографомъ поэта отъ „5 іюня 1828 г.“ „Горе мое поручаю Булгарину“.—Самый же автографъ „Горе отъ ума“, эти полулисты, отданные для переписки Жандру, вѣроятно, поэтъ подарилъ своему двоюродному брату С. Н. Тинькову, офицеру Литовскаго полка; онъ хранилъ рукопись эту въ своей Калужской деревнѣ, но эконожка, въ его отсутствіе, употребила ее на оклейку оконъ въ помѣщичьемъ домѣ, и этотъ автографъ погибъ безвозвратно.

Прим. *Н. Шаломытова.*

произведеній, составляющихъ дѣйствительное, а не воображаемое и при томъ непреходящее сокровище русской словесности, т. е. изъ числа произведеній, которыя самая высшая и самая разумная критика — критика народнаго сознанія—навсегда, окончательно отдѣлила, какъ пшеницу отъ плевелъ,—„Горе отъ ума“ требуетъ особеннаго, исключительнаго вниманія къ сбереженію правильности его текста.

Причины ясны.

Во-первыхъ, Грибоѣдовъ самъ не напечаталъ своей комедіи, исключая одного отрывка, помѣщеннаго въ „Русской Таліи“, драматическомъ альманахѣ на 1825 годъ, извѣстномъ теперь едва-ли не однимъ библіофиламъ, отрывка, который появился тогда, когда почти что вся Россія знала наизусть всю комедію и который возбуждалъ самыя жаркія литературныя битвы объ ея достоинствѣ. „Habent sua fata libelli“—повторю я еще разъ. Не могу не сказать здѣсь мимоходомъ, что можетъ быть изъ всѣхъ произведеній, составляющихъ дѣйствительное, т. е. народное достояніе русской литературы, одно „Горе отъ ума“ перешло черезъ всѣ фазы историческаго развитія русской критики, до настоящаго времени бывшіе: сужденіе о напечатанномъ въ Русской Таліи отрывкѣ, произнесенное въ Московскомъ Телеграфѣ 1825 года, было первою сигнальною ракетой къ битвѣ... И съ тѣхъ поръ сужденія о „Горе отъ ума“, прямо или косвенно произносимыя, не умолкаютъ, хотя дѣло давно уже рѣшено образованнѣйшею частью народа безъ всякихъ правъ апелляціи... „У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“,—а „Горе отъ ума“ близко пришлось сердцу русскаго человѣка, было дѣйствительною „зазнобою“. Сужденія эти, правду сказать, почти всѣ странны,—и можетъ быть простосердечность, наивность первыхъ гораздо извинительнѣе натянутости и чопорности послѣднихъ, въ которыхъ столько же неловко встрѣтить многія вещи проповѣдываемыя во имя науки, какъ странно читать, что когда-то огнемъ и мечемъ проповѣдывали инымъ язычникамъ Христа, Бога любви и милосердія. Тѣмъ не менѣе всѣ эти сужденія составляютъ драгоцѣнные факты исторіи русской литературы и русскаго просвѣщенія.—Какъ бы то ни было, но Грибоѣдовъ не напечаталъ самъ своей комедіи, стало быть самъ не утвердилъ одного опредѣленнаго, окончательнаго ея текста.

Во-вторыхъ. Хотя комедія и напечатана уже двумя изданіями, но съ весьма значительными пропусками. Это обстоятельство гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда. Одна изъ существенныхъ услугъ, оказанныхъ просвѣщенному міру новѣйшими мыслителями, заключается, конечно, въ томъ, истинно челове́че-

скомъ, стремленіи, съ которымъ они старались наукообразно обработать теорію изящнаго. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о степени дѣйствительной обработанности этой науки въ настоящее время, а главное—о степени понятности и общедоступности ея началъ, почти всегда заключенныхъ въ сухую, не всегда вразумительную форму схематически-философскаго изложенія, должно во всякомъ случаѣ сознаться, что много дѣйствительныхъ, а потому стало быть и превосходныхъ, истинъ выговорено уже теперь въ сферѣ изящнаго. Къ числу ихъ несомнѣнно должно отнести все то, что сказано о цѣлостности, полнотѣ художественнаго произведенія. Стройно, правильно и отчетливо развитое творческою силою художника генія, оно, въ своей оконченности, опредѣленности и внутренней связи частей, почитается почти что достигшимъ того нормальнаго совершенства, какого достигаютъ явленія, непосредственно выходящія изъ рукъ самого Создателя. Потому-то критика настоящаго времени и поняла, что вся задача ея должна состоять въ усиліи проникнуть въ архитектонику художественнаго созданія и объяснить организмъ и жизнь его изъ основаній разумныхъ. Вотъ почему всякій челоѣкъ, серьезно любящій искусство и занимающійся разумнымъ его изученіемъ, знаетъ, что іота едина и едина черта не должны преходить отъ художественнаго созданія, къ какому бы роду искусства оно ни принадлежало: къ пластическому ли, музыкальному, или словесному. Нѣтъ ничего важнѣе, какъ сберечь художественное созданіе во всей полнотѣ его, со всѣми особенностями его стиля и фizioноміи, преимущественно же, если цѣлость его не можетъ быть сохранена посредствомъ типографскихъ станковъ,—и эта истина въ полной мѣрѣ относится къ комедіи Грибоѣдова. Множество уже бывшихъ о ней сужденій, разсужденій и приговоровъ, произнесенныхъ... „по мнѣнію многихъ, судейрѣшительныхъ и строгихъ“, никогда не входивши въ область капитальныхъ достояній науки, перешло изъ области живой литературы—въ литературный архивъ и сдѣлалось достояніемъ только людей, изучающихъ исторію русской словесности и особенно русской критики. То же можетъ случиться и съ будущими приговорами. Между тѣмъ, крѣпкое и ясное, „все“,—говоря словами Гоголя,—„проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты“ созданіе Грибоѣдова стоитъ несокрушимо и твердо, колоссально высясь надъ всѣми, произносимыми о немъ сужденіями. И, вѣроятно, ему назначено долгое существованіе, братски равное съ тѣми произведеніями, въ которыхъ отлился или когда-либо отольется художественный геній какой-либо націи,—если не весь, то хотя одною изъ безчисленныхъ сторонъ своихъ, блеснувши въ немъ, хотя однимъ лучемъ, подобно

тому какъ бѣлый лучъ иногда блеснетъ въ какой-нибудь грани однимъ изъ составляющихъ его радужныхъ цвѣтовъ. Критика не можетъ унижить созданія, подобныя комедіи Грибоѣдова, потому что подобныя созданія сами возвышаютъ критику, внося въ сферу постиженія искусства новыя истины, прямо вытекающія изъ болѣе или менѣе высокаго изученія созданій. И для этого-то именно важна литературная сохранность всего созданія—этого непреложнаго факта, на основаніи котораго развивается постепенное совершенствованіе эстетическихъ убѣжденій въ постепенно мѣняющихся массахъ народа. Надо, чтобы художественное созданіе сохранилось все и, безъ всякихъ временныхъ или случайныхъ измѣненій, все, само за себя, говорило каждому поколѣнію, мимо него проходящему и его изучающему. Пусть же „Горе отъ ума“ сохранится въ своей всецѣлости, какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ художественныхъ созданій и одинъ изъ благороднѣйшихъ памятниковъ русскаго ума, русской національности. Вотъ почему важно сохраненіе правильности и полноты его текста, напечатаннаго не только съ пропускомъ многихъ мѣстъ, но и съ (невольнымъ, конечно) искаженіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ текста.

Въ-третьихъ. Какъ выводъ изъ вышеизложеннаго, т. е. что Грибоѣдовъ самъ не напечаталъ текста своей комедіи, а другими текстъ комедіи напечатанъ такъ, что публика имѣетъ полное право не дорожить печатными экземплярами ¹⁾, слѣдуетъ третья причина того, почему текстъ „Горе отъ ума“ долженъ быть сбереженъ со

¹⁾ Это замѣчаніе Д. А. Смирнова не потеряло значенія и въ настоящее время. Хотя ко времени перваго изданія комедіи (1833 года) прошло 75 лѣтъ, но появившіяся одно за другимъ многочисленныя изданія „Горе отъ ума“, не исключая работъ А. Н. Веселовскаго (1875, 1878), И. Д. Гарусова (1875 г.) кн. Д. Г. Эристова (1879 г.), П. А. Вѣрмова (1879 — 1907 г.), И. А. Шляпкина (1889 г.), Озаровскаго (1905 г.) и мн. др. не даютъ намъ законченнаго, твердо обоснованнаго текста „Горе отъ ума“, такъ какъ вносятъ въ текстъ различныя исправленія и варианты отъ себя, и не опираются на текстъ, провѣренный самимъ авторомъ, а на списки или изданія, вѣрность и точность которыхъ весьма сомнительна. Съ изданіемъ, вполне научнымъ въ 1903 году Историческимъ Музеемъ автографа Грибоѣдовскаго „Горя“, хранящагося въ „Музеѣ памяти А. С. Грибоѣдова“, открывается новый путь, на который должно стать дѣло изданія текста великой комедіи. Прежде всего нужно дать точное воспроизведеніе въ печати текста списковъ комедіи, собственноручно авторомъ исправленныхъ, чего, къ сожалѣнію еще до сихъ поръ никѣмъ не сдѣлано. И Жандровскій и Булгаринскій списки хотя и существуютъ въ печати, но съ пропусками, ошибками, недосмотрами, поправками, не дающими понятія о подлинникахъ, и сдѣлались библіографическою рѣдкостью. Дешевыя изданія опираются на старыя печатныя изданія или списки, полныя ошибокъ.

всею тщательностью. Причина этого заключается въ томъ, что текстъ комедіи извѣстенъ во всей Россіи по рукописямъ, стало быть, очевидно долженъ быть подверженъ нѣкоторымъ порчамъ и искаженіямъ. Наши переписчики, если во многихъ отношеніяхъ грамотнѣе, то за то рѣдко бываютъ совѣстливѣе извѣстнаго мниха Лаврентія, написавшаго эти полныя смиренномудрія слова: „Отцы и братія! Аще гдѣ описахъ, не дописахъ или переписахъ, чтите, исправляя Бога дѣля, а не кляните“. Пушкинъ, котораго изданія далеко не пользовались такою народностію, какъ „Горе отъ ума“, уже имѣлъ случай замѣтить очень справедливо и вѣрно какъ нашими переписчиками, а особенно переписчиками-любителями произведеній, пользующихся какою-либо извѣстностью, сохраняется правильность текста этихъ произведеній:

„Стихи безъ мѣры, по преданью“.

А сколько до сихъ поръ есть еще такихъ любителей, которые

Пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь

Увидятъ, пристають: „пожалуйте списать!“

Впрочемъ, „Горе отъ ума“, преимущественно извѣстное въ Россіи по рукописямъ, счастливѣе въ отношеніи сохранности своего текста не только многихъ произведеній, не имѣвшихъ никогда печатной извѣстности, какъ, напр., нѣсколькихъ стихотвореній Пушкина, относящихся ко времени его молодости, стиховъ Лермонтова на смерть Пушкина, „Сказки о русскомъ и нѣмецкомъ царяхъ“ Чернышева, но даже и тѣхъ, которыя разошлись между читающимъ классомъ народа въ спискахъ съ текста, не вполне напечатаннаго со включеніемъ пропусковъ по текстамъ рукописей, какъ напр., „Демонъ“ Лермонтова, или съ печатнаго текста, сдѣланшагося рѣдкимъ по какимъ-либо причинамъ, какъ, напр., „Войнаровский“ или „Думы“ Рылѣева. Текстъ „Горе отъ ума“ сохранился еще сравнительно правильнѣе и причина этому лежитъ въ глубокой народности самой комедіи—не только въ народности ея духа и характера, но и языка въ смыслѣ самой формы рѣчи, формы, соотвѣтствующей содержанію и съ нимъ единосущей. Есть рѣчь, о которой на православной, мѣткой на слово Руси, говорится, что она не даромъ молвится—это пословица. Пословица не сочиняется, не выдумывается, а мечется и вышибается вѣрнымъ народнымъ смысломъ изъ тайниковъ народнаго духа, какъ струя свѣжей воды вышибается индѣ изъ нѣдръ земли силою внутренней, скрытой въ нихъ лабораторіи. Вотъ почему одна рѣчь не пословица, и никакія человѣческія силы не превратятъ иную рѣчь въ пословицу, потому

что только сказанное отъ полноты сердца, только вышедшее изъ самой глубины народнаго смысла и все запечатлѣнное самостоятельною печатью его рѣзкой особенності врѣзывается въ народную память на вѣковѣчное существованіе. Даже никѣмъ не записываемыя и несохраняемыя пословицы сохранились и будутъ сохраняться сами по себѣ, народомъ, и при томъ почти всегда въ удивительной правильности, т. е. одинаковости, однообразности своего устнаго текста. Богъ одинъ знаетъ, кто сказалъ иную пословицу первый, Богъ знаетъ, кому придется сказать ее послѣднему, но, вѣроятно, и послѣдній, черезъ нѣсколько вѣковъ, скажетъ ее точно такъ же, какъ она была сказана первымъ. „Горе отъ ума“, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, почти въ большей части стиховъ своихъ, такъ сказать, распалось на пословицы,—величайшій, совершеннѣйшій признакъ народности! Стоитъ при случаѣ сказать иной стихъ изъ „Горе отъ ума“ — и дѣло кончено: нечего уже потомъ говорить, какъ было это дѣло и каковы намѣренія и каковы ты самъ и какой, какъ сказалъ Гоголь, у тебя носъ или уши. Все это я говорю къ тому, что лучшимъ хранилищемъ текста „Горе отъ ума“ была сама народная память ¹⁾. Но она все-таки не сохранила бы цѣлостности всего созданія, а эта цѣлостность имѣетъ важность истинно монументальную, потому что художественное произведеніе, какъ было сказано выше, существуетъ не для одного поколѣнія, а для цѣлаго ряда поколѣній. Вотъ причины, по которымъ кажется очевидно, какъ важна сохранность полнаго и правительнаго текста комедіи.

Теперь приступаю къ исторіи принадлежащаго мнѣ текста „Горе отъ ума“.

Всякому желающему надо мною поглумиться, въ глаза ли, за глаза ли, или даже послѣ моей смерти, даю полное и неоспоримое право адресовать мнѣ или моей памяти извѣстный стихъ—пословицу Крылова:

„Да наши предки Римъ спасли!“

А почему же, замѣчу я кстати, нашимъ предкамъ и не спасти было Рима, хотя мы-то сами можетъ быть негодны и на жаркое. Близкій, по матери моей, родственникъ Грибоѣдову, я въ первый разъ ознакомился съ „Горе отъ ума“ по находящемуся въ на-

¹⁾ До сихъ поръ въ нѣкоторыхъ семьяхъ преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе «Горе отъ ума» со школьнаго возраста заучивается наизусть. Напримѣръ, П. П. Гнѣдичъ, С. А. Андреевскій и мн. др. уже со школьной скамьи знаютъ «Горе отъ ума» цѣликомъ на память.

шемъ семействѣ довольно правильному, рукописному экземпляру комедіи. Дяди моего, знаменитаго Грибоѣдова, я никогда не зналъ лично: онъ умеръ своей мученическою смертію тогда, когда я былъ еще десятилѣтнимъ ребенкомъ. Эта невознаградимая для меня потеря, которой никого не приглашаю сочувствовать, была хоть сколько-нибудь умалена для меня тѣмъ, что впослѣдствіи я пользовался самымъ лестнымъ для меня расположеніемъ трехъ лицъ, ближе которыхъ—несмотря на возмущающіе душу возгласы иныхъ Фигляриныхъ, подобно червямъ, лѣнующимъ къ знаменитымъ усопшимъ¹⁾,—едва ли кто-нибудь былъ къ покойному Грибоѣдову, тетки моей, родной сестры Грибоѣдова, Марьи Сергѣевны Дурново, друга покойнаго Грибоѣдова полковника Степана Никитича Бѣгичева и воспитателя Грибоѣдова, одиннадцать лѣтъ съ нимъ проводшаго и пользовавшагося постоянною его дружбою, доктора правъ Богдана Ивановича Іона.

Въ апрѣлѣ 1841 года автографъ „Горе отъ ума“, вѣроятно единственный сохранившійся въ Россіи, принадлежавшій С. Н. Бѣгичеву, былъ въ моихъ рукахъ. Говорю „вѣроятно единственный“, потому что у тетки Марьи Сергѣевны автографа нѣтъ, у Богдана Ивановича Іона—тоже, а о бумагахъ Грибоѣдова, можетъ быть сохранившихся у вдовы его Нины Александровны, —потому можетъ быть, что Грибоѣдовъ, пріѣхавши съ ней въ Персію, оставилъ ее и, вѣроятно, часть вещей своихъ въ Тавризѣ, а самъ поѣхалъ въ Тегеранъ, въ которомъ и убитъ,—никто доселѣ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній¹⁾. При томъ ничто не даетъ повода заключить, чтобы автографовъ комедіи было много, по крайней мѣрѣ болѣе двухъ экземпляровъ. Скажу сперва нѣсколько словъ объ автографѣ, мною видѣнномъ, и о хронологическомъ значеніи его въ отношеніи къ созданію комедіи, наконецъ, объ отношеніяхъ къ этому автографу общеизвѣстнаго и печатнаго текстовъ комедіи и закончу обзоромъ эстетическаго достоинства вариантовъ.

¹⁾ Ө. В. Булгаринъ громко заявлялъ, по смерти А. С. Грибоѣдова, о близкой своей съ нимъ дружбѣ, что не мѣшало ему присвоить деньги друга, отданныя ему на сохраненіе, въ чемъ обвиняли его мать и сестра покойнаго поэта, и продать право списать «Горе отъ ума» за крупную сумму. Не даромъ Пушкинъ въ Литературной Газетѣ (1830 г. 18 сент.) тиснулъ на него извѣстную эпиграмму:

«Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ Чацкимъ всѣхъ дружныѣ.
Ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь“.

I. Обь автографѣ и хронологическомъ его значеніи.

Автографъ этотъ, подаренный Бѣгичеву самимъ Грибоѣдовымъ, писанъ очень четко и ясно, съ весьма небольшими поправками и пометками, на отдѣльныхъ полулистахъ, числа которыхъ навѣрное не помню, потому что пересчитать ихъ не догадался. Думаю, однако, что ихъ болѣе 30 ¹⁾. По мнѣнію моему, съ которымъ вѣроятно согласится всякій, прочитавшій мое предисловіе, этотъ автографъ, хотя онъ и составляетъ несомнѣнную драгоцѣнность, есть, однако, первоначальный автографъ „Горе отъ ума“ и условливаетъ существованіе другого, позднѣйшаго ²⁾, съ котораго уже текстъ комедіи, хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ противъ первоначальнаго автографа измѣненный, сдѣлался извѣстнымъ во всей Россіи. Доказательства мои я основываю на слѣдующемъ:

А. На самихъ вариантахъ. Стоитъ только взглянуть на нихъ, чтобы убѣдиться, что нѣкоторые стихи комедіи такъ, какъ они извѣстны въ Россіи, находятся въ вариантахъ или совершенно, или нѣсколько измѣненными. Вся же масса публики повторяетъ ихъ не такъ, какъ они находятся въ вариантахъ, а такъ, какъ они находятся во всемъ безчисленномъ множествѣ рукописныхъ экземпля-

¹⁾ Въ предисловіи, написанномъ позднѣе, для списка «Горе отъ ума», найденнаго въ бумагахъ А. А. Краевского, Д. Смирновъ въ этомъ мѣстѣ говоритъ: «у вдовы Грибоѣдова Нины Александровны, съ которой я находился въ перепискѣ, тоже нѣтъ». Пожаръ въ ея имѣніи уничтожилъ хранившіяся у нея бумаги мужа.

Прим. Н. III.

²⁾ Писано черезъ 10 лѣтъ послѣ ознакомленія съ автографомъ «Горя отъ ума» у С. Н. Бѣгичева (въ 1841 г.). По подсчету по изданію Историческаго Музея писаныхъ и неписаныхъ листовъ оказалось 82.

По редакціи предисловія къ списку А. А. Краевского, Д. Смирновъ говоритъ: «Автографъ этотъ, подаренный Бѣгичеву самимъ Грибоѣдовымъ, писанъ весь рукою Грибоѣдова, очень четко и ясно» и т. д. Необходимо отмѣтить здѣсь необъяснимое противорѣчіе въ собственномъ разсказѣ С. Н. Бѣгичева обь этомъ повидимому автографѣ: «Онъ (Грибоѣдовъ) хотѣлъ оставить мнѣ на память свою пьесу, написанную его рукою, но имѣлъ терпѣніе написать только два акта, а остальные заставилъ писаря, тетрадь эта у меня сохраняется». Жандръ въ февралѣ 1859 г. удостовѣрилъ, однако, что автографъ, хранившійся у С. Н. Бѣгичева, писанъ, за исключеніемъ 6—7 листовъ, рукою самого Грибоѣдова. (См. фототипію л. 67 рукописи—автографа «Горе отъ ума», въ изд. Историч. Музея 1903 г.). Не хотѣлъ ли Бѣгичевъ († 1858 г.) исполнить завѣтъ Грибоѣдова и сжечь казавшіеся ему наиболѣе слабыми 2 акта комедіи, оставивъ лишь ихъ копію съ тѣми исправленіями, которыя сдѣланы Д. А. Смирновымъ.

Прим. Н. III.

ровъ комедіи—въ текстѣ общеизвѣстномъ, какъ я его называю. Изъ этого ясно, что комедія была противъ того текста, который находится въ экземплярѣ, подаренномъ Грибоѣдовымъ Бѣгичеву, болѣе или менѣе пересоздана авторомъ. Кромѣ того, если позволить себѣ прибѣгнуть здѣсь къ свидѣтельству самой эстетической оцѣнки текстовъ автографа и общеизвѣстнаго, то и она убѣдитъ, что, хотя не всѣ, но многіе стихи въ автографѣ существуютъ въ видѣ такъ сказать первоначальномъ, неотдѣланными, не получившими послѣдняго, окончательнаго удара рѣзца рукою художника ¹⁾).

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Въ общеизвѣстномъ текстѣ:

„Да-съ такъ сказать рѣчиствъ, а больно не хитеръ!“

Въ автографѣ:

„Да-съ, правду молвить, не хитеръ?“ ²⁾.

Въ общеизвѣстномъ текстѣ:

„Да хоть кого смутятъ

Вопросы быстрые и любопытный взглядъ“.

Въ автографѣ:

„Какъ не смутиться мнѣ? Отъ васъ нѣтъ оборонъ ³⁾:

Вы обзираете меня со всѣхъ сторонъ“.

Нѣкоторые стихи совсѣмъ измѣнены, напримѣръ:

Въ общеизвѣстномъ текстѣ:

„Ну, вотъ у праздника! Ну вотъ вамъ и потѣха!

Однако, нѣтъ, теперь ужъ не до смѣха:

Въ глазахъ темно и замерла душа...

Въ автографѣ:

„Ушли они!.. Тоскуйте на досугѣ ⁴⁾!

Вотъ вамъ и другъ! Толкуйте-ка объ другѣ

Въ глазахъ темно и замерла душа...

¹⁾ Какъ я выше упомянулъ, другая редакція, Петербургская, была въ рукахъ А. А. Жандра, перешла въ его канцелярію въ 1824 году и, исправленная авторомъ, сдѣлалась общеизвѣстной. *Прим. Н. Ш.*

²⁾ Самъ Грибоѣдовъ это призналъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву отъ августа 1824 года: „прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься: онъ такъ несовершененъ, такъ не чистъ“...

³⁾ Отмѣчу не совсѣмъ точную передачу Грибоѣдовской пунктуациі въ этомъ стихѣ; послѣ „молвить“ въ автографѣ не стоитъ никакого знака, послѣ «не хитеръ» стоитъ точка, а не знакъ восклицанія.

⁴⁾ Въ автографѣ: „несмутится“, послѣ „оборонъ“—запятая.

Кажется, бесполезно было бы доказывать, что не только эстетическое превосходство остается въ этомъ случаѣ за стихами общеизвѣстнаго текста, но и самая популярность такихъ стиховъ, какъ:

„Ну, вотъ у праздника! Ну вотъ вамъ и потѣха!

или еще болѣе:

„Да, такъ сказать рѣчистъ, а больно не хитеръ“!

показываетъ, что текстъ Бѣгичевского автографа — первоначальный.

Дальнѣйшія доказательства слѣдующія:

В. Читатель этого экземпляра комедіи увидитъ, что весь рассказъ Софьею своего сна Фамусову находится въ общеизвѣстномъ текстѣ комедіи не такъ, какъ въ автографѣ: общеизвѣстный текстъ носитъ на себѣ печать большей обдуманности и художественной отдѣлки этого мѣста.

Вмѣсто 47 стиховъ, которыми сонъ этотъ рассказывается въ автографѣ, онъ рассказанъ въ общеизвѣстномъ текстѣ въ 24 стихахъ, и рассказанъ гораздо проще, сжатѣе и сильнѣе ¹⁾.

С. Въ автографѣ въ 5 явленіи 2 дѣйствія находится цѣлыхъ 28 ²⁾ стиховъ — зачеркнутыхъ, конечно, самимъ Грибоѣдовымъ: кѣмъ же больше! Очевидно онъ призналъ ихъ совершенно ненужными. Этихъ 28 стиховъ не находится рѣшительно ни въ одномъ изъ рукописныхъ экземпляровъ комедіи. Они, какъ выброшенные самимъ Грибоѣдовымъ, совершенно неизвѣстны публикѣ: явный признакъ, что автографъ, принадлежащій С. Н. Бѣгичеву, — первоначальный.

Д. Кромѣ всего этого, въ видѣнномъ мною автографѣ вовсе нѣтъ всей той сцены, гдѣ Софья, въ послѣднемъ актѣ, подслушиваетъ любезничанье Молчалина съ Лизой: очевидно, что эта одна изъ существеннѣйшихъ частей комедіи, такъ тѣсно слита съ

¹⁾ Въ автографѣ: «Ушли они. Тоскуйте на досугѣ». Послѣ «другъ» запятая, послѣ „другъ“ двоеточіе.

Прим. Н. III.

²⁾ Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться всякому, познакомившемуся съ Московской и Петербургской редакціями рассказа Софьей своего вымышленнаго сна въ I актѣ.

Любопытно, что послѣдніе 8 стиховъ этого „зачеркнутого“ монолога Чацкого Смирновъ не рѣшался привести въ своихъ вариантахъ первоначальной редакціи „Горя“; съ ними зачеркнутыхъ стиховъ выйдетъ 36, а со словами Фамусова и всѣ 40.

Прим. Н. III.

идеей и характеромъ цѣлаго и развившаяся изъ общаго хода пьесы, создана Грибоѣдовымъ послѣ 1).

Всѣмъ этимъ измѣненіямъ удивляться, однако, нечего и порицать ихъ было бы безразсудно. Изученіе рукописей многихъ писателей доказываетъ, что нѣтъ ни одного изъ нихъ, у котораго бы его созданіе, особенно если оно по матеріальному объему своему довольно обширно, выходило сразу, въ полной своей законченности. Можетъ быть исключеніе остается только за небольшими лирическими произведеніями. Мысль объ этой неоконченности и ея значеніи—потому что она въ сферѣ изученія фактовъ искусства имѣетъ дѣйствительное значеніе,—я разовью въ томъ мѣстѣ моего предисловія, гдѣ буду говорить о художественномъ достоинствѣ самыхъ вариантовъ „Горе отъ ума“. Здѣсь же повторю еще разъ, что этимъ измѣненіямъ удивляться нечего не только по общей, относящейся ко всѣмъ художникамъ причинѣ, но и по другой, совершенно особенной и принадлежащей личности Грибоѣдова. Безсмертный авторъ „Горе отъ ума“ очень мало дорожилъ своей комедіей. Кс. Полевой въ своей біографіи Грибоѣдова говоритъ, что „въ Тифлисѣ была написана имъ (Грибоѣдовымъ) вся комедія „Горе отъ ума“, но написана, такъ сказать, вчернѣ, потому что по пріѣздѣ въ Москву онъ почти совершенно передѣлалъ ее и написалъ многія сцены вновь. Нѣсколько мѣсяцевъ 1823 года провелъ Грибоѣдовъ въ Москвѣ, читалъ въ дружескихъ обществахъ свою комедію и въ то же время совершенствовалъ ее, вглядываясь въ живые портреты“. Оставляя въ сторонѣ немного эмпирическое объясненіе совершенствованія комедіи, скажу, что это мѣсто біографіи подтверждается слѣдующимъ рассказомъ сестры Грибоѣдова, Маріи Сергѣевны, отношенія къ которой Грибоѣдова были самыя дружественныя, не только какъ къ сестрѣ, но какъ къ образованнѣйшему и любящему другу. Грибоѣдовъ былъ чрезвычайно разсѣянъ и безпеченъ, работая тамъ, гдѣ Богъ приведетъ, и почти никогда не трудился прибирать свою работу, рѣшительно не дорожа ею. Очень часто приходилъ онъ писать въ комнату сестры и потомъ разбрасывалъ листы своей рукописи по разнымъ угламъ дома, гдѣ ни попало. Комедія оставалась въ то время (1823) еще тайною не только для

1) Въ письмѣ къ С. Вѣгичеву отъ августа 1824 г., Грибоѣдовъ писалъ: «...на дорогѣ (изъ Москвы въ Петербургъ—29 мая—2 іюня—1824 г.) пришло мнѣ въ голову придѣлать новую развязку, я ее вставилъ между сценою Чацкаго, когда онъ увидѣлъ свою негодяйку со свѣчею надъ лѣстницею, и передъ тѣмъ, какъ ему обличить ее, живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, въ самый день моего пріѣзда»...

публики, но и для большинства знакомыхъ. Изъ числа ихъ одинъ, именно—какъ положительно говорила мнѣ Марія Сергѣевна—графъ Віельгорскій, перебирая разъ ноты на роялѣ Маріи Сергѣевны, нашель листъ, потомъ другой, третій, написанные стихами и рукою Грибоѣдова. На вопросъ хозяйкѣ, что это такое, она отвѣчала, желая замять дѣло „Ce sont les folies d' Alexandre“. Но было уже поздно—эти folies была часть „Горе отъ ума“. Віельгорскій почти насильно увезъ съ собою найденные листы, и вѣсть о новой комедіи, а потомъ и самая комедія разлилась по публикѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ мало дорожилъ Грибоѣдовъ своимъ сочиненіемъ, не употребляя на него какихъ-нибудь особенныхъ, матеріальныхъ трудовъ и усилій—средствъ, и почти всегда невѣрныхъ средствъ, у людей съ дарованіемъ посредственнымъ. Невольно при этомъ тѣснится въ голову мысль, такъ художественно олицетворенная Пушкинымъ въ его драматическомъ отрывкѣ „Моцартъ и Сальери“! Въ этомъ, такъ часто встрѣчающемся, фактѣ—въ пренебреженіи художникомъ своего созданія, нельзя даже видѣть какой-либо психической странности. Напротивъ: тутъ-то можетъ быть и должно искать основанную, въ душѣ самого художника заключенную, причину того, почему всѣ истинно художественныя созданія, при пластической своей оконченности, отличаются сами въ себѣ такую безконечность своего возможнаго внутренняго развитія передъ углубляющимся въ нихъ взглядомъ: чѣмъ больше вы въ нихъ вглядываетесь, тѣмъ шире раздвигается горизонтъ самого созданія, разбѣгаясь до границъ необъятныхъ, тѣмъ истиннѣе и разумнѣе возникаетъ передъ вами въ созданіи, давно вамъ знакомомъ, и идея, и внутренняя, жизненная связь всѣхъ частей его и тѣмъ ярче выступаютъ передъ глазами вашими все новыя и всегда живыя черты, развиваясь до безконечности и все болѣе и болѣе вводя васъ въ святилище творящаго духа. Художественное созданіе все закончено въ душѣ самого художника, и онъ можетъ пренебрегать своимъ твореніемъ, особенно же матеріальною, механическою частію работы надъ нимъ, потому что настоящій актъ творчества, никому незримо, совершается въ тихомъ и тайномъ святилищѣ художественной души, потому что самое твореніе, какъ бы ни было оно совершенно, въ глазахъ самого художника еще не достигаетъ безконечнаго, носимаго имъ въ душѣ своей, идеала его, и потому, наконецъ, что никакой актъ творчества не исчерпываетъ дарованія, которое (да простятъ мнѣ старое сравненіе!) какъ неисчерпаемый родникъ, всегда дающій, вмѣсто убылой, новую и свѣжую струю. Вотъ почему художникъ часто не дорожитъ своей работой, зная, что онъ всегда можетъ переработать ее въ лучшемъ,

совершеннѣйшемъ видѣ. Есть еще одинъ фактъ, доказывающій, какъ легко и свободно творилъ Грибоѣдовъ и какъ мало удивительнаго въ томъ, что онъ мѣнялъ если не планъ и основаніе, то хотя текстъ своей комедіи. Это свидѣтельство самого Грибоѣдова. Въ числѣ бумагъ, принадлежащихъ С. Н. Бѣгичеву, есть одно, весьма любопытное письмо къ нему Грибоѣдова изъ Петербурга, не помню навѣрное отъ котораго, но кажется, что отъ 1824 года. Къ стыду моему, долженъ я сознаться, что копія съ этого письма, мною снятая, и которая могла бы быть такъ полезна въ настоящемъ случаѣ, если бы я привелъ свидѣтельство Грибоѣдова его же собственными словами, у меня пропала. Но, какъ предисловіе мое можетъ быть въ рукахъ у людей, которымъ какъ-либо сдѣлаются доступными бумаги С. Н. Бѣгичева, то я здѣсь, для нихъ, укажу, что это то самое письмо, въ которомъ Грибоѣдовъ такъ много и съ такой похвалой говоритъ объ актрисѣ Колосовой, сдѣлавшейся въ послѣдствіи женой извѣстнаго Каратыгина. „Меня“—пишетъ Грибоѣдовъ—„безпрестанно таскають читать мою комедію. На-дняхъ я читалъ ее тамъ-то и тамъ-то“ (слѣдуютъ названія одиннадцати фамилій, большею частью или аристократическихъ домовъ, или извѣстныхъ литераторовъ). „Дай пересчитать!“ (Очень помню это выраженіе!) Одиннадцать чтеній! Мнѣ это начинаетъ прискучивать и я часто импровизирую монологи, которыхъ никогда не бывало“. За полную вѣрность этого свидѣтельства я совершенно ручаюсь¹⁾—.

Таковъ былъ Грибоѣдовъ какъ творецъ-художникъ. Вотъ почему нисколько не странно, что автографъ, находящійся у С. Н. Бѣгичева, разнится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ общеизвѣстнымъ текстомъ комедіи. Думаю, что это нисколько не унижаетъ достоинства

¹⁾ Въ послѣдствіи, осенью 1857 года, Д. А. Смирновъ посѣтилъ С. Н. Бѣгичева въ его деревнѣ и снялъ копію со всей переписки. Письмо, которое онъ приводитъ здѣсь по памяти отъ августа 1824 г., въ подлинникъ не сохранилось, но копія его, очень точная, имѣется въ бумагахъ университетскаго товарища Д. А. Смирнова, покойнаго директора Публичной Библиотеки А. Ѳ. Бычкова и любезно сообщена мнѣ его сыномъ И. А. Бычковымъ. Вотъ точное по ней изложеніе этого мѣста: «въ этомъ видѣ т. е. уже исправленномъ, въ Петербургской редакціи читалъ я ее („Горе отъ ума“) Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гр. и Вулг. Колосовой, Каратыгину, дай счастье: 8 чтеній. Нѣтъ, обчелся, двенадцать третьяго дня обѣдъ былъ у Столыпина, и опять чтеніе, и еще слово далъ на три въ разныхъ закаулкахъ. Грому, шуму, восхищенію, любопытству конца нѣтъ. Шаховск. рѣшительно признаетъ себя побѣжденнымъ, на этотъ разъ). Замѣчаніемъ Віельгорскаго я тоже воспользовался. Но наконецъ мнѣ такъ надобно все одно и тоже, что во многихъ мѣстахъ импровизирую, да; это нисколько разъ случалось, потому я самъ себя ловилъ, но другіе не доめкались.—Voilà ce qui s' appelle—sacrifier à l' intérêt du moment».—Прим. Н. Ш,

этого первоначальнаго автографа, не унижаетъ помимо собственно вопроса объ эстетическихъ достоинствахъ его текста (о коихъ я буду говорить ниже), ибо варианты, по тексту этого автографа сдѣланные, вводятъ читателя въ самый, такъ сказать, физиологическій процессъ созданія художественнаго произведенія.

Вотъ все, что я имѣлъ объяснить о самомъ автографѣ по хронологическому его отношенію къ комедіи.

I. Обь отношеніи автографа къ печатному и общеизвѣстному текстамъ комедіи.

Можно сказать утвердительно, что печатный текстъ комедіи хорошъ на столько, на сколько онъ согласенъ съ текстомъ общеизвѣстнымъ, если только экземпляръ этого текста написанъ хоть сколько-нибудь правильно. Не только пропуски цѣлыхъ мѣстъ,—а такихъ пропусковъ въ изданіи К. Полевого, противъ настоящаго текста комедіи, и большихъ и малыхъ, 12,—но и невольныя, какъ я уже выразился, искаженія придаютъ печатному тексту весьма мало цѣнности. Убѣдиться въ этомъ очень легко.

Представимъ себѣ читателя, нисколько незнакомаго съ общеизвѣстнымъ, а знакомаго только съ печатнымъ текстомъ и слышавшаго, что въ печатномъ текстѣ многое совершенно пропущено, а многое измѣнено противъ настоящаго текста комедіи. Читатель не знаетъ, чему вѣрить и чему нѣтъ въ печатномъ текстѣ! Не будемъ уже говорить о пропускахъ, потому что до очевидности ясно, что они искажаютъ цѣлое комедіи, а скажемъ только обь измѣненіяхъ.

Такихъ искаженій текста главныхъ три:

Напечатано:

„Съ иными важными людьми про вашу связь“.

Читай:

„Съ министрами про вашу связь“.

Напечатано:

„Согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ—
Такъ назоветъ онъ подлецомъ“!...

Читай:

Согнись-ка кто кольцомъ
Хоть предъ Монаршіимъ лицомъ,
Такъ назоветъ онъ подлецомъ.

Напечатано:

„Литературное есть дѣло“.

Читай:

„Тутъ государственное дѣло“.

Еще въ одномъ должно попрекнуть издателей комедіи: странно въ наше время издавать какое-либо сочиненіе, писанное стихами, съ такимъ явнымъ пренебреженіемъ къ различію въ печати количества строкъ въ метрѣ стиховъ, какъ это видно въ обоихъ изданіяхъ „Горе отъ ума“ и 1833, и 1839 гг. 1).

Что касается до отношенія общеизвѣстнаго текста къ автографу, то я имѣлъ уже случай говорить выше (I. A.), что видѣнный мною автографъ—первоначальный, что текстъ этого автографа во многихъ мѣстахъ разнится съ общеизвѣстнымъ текстомъ комедіи: отъ этого-то и произошли варианты, иначе бы ихъ не было. Но автографъ, при всѣхъ существующихъ въ немъ отличіяхъ отъ общеизвѣстнаго текста, въ высшей степени важенъ для утвержденія—уже безспорнаго, окончательнаго утвержденія—правильнаго текста комедіи. Доказательство этому самое простое и ясное: все-таки большинство стиховъ, составляющихъ текстъ „Горе отъ ума“, существуетъ въ автографѣ почти такъ же, какъ въ текстѣ общеизвѣстномъ: иначе, повторю опять, не было бы вариантовъ, но уже совѣмъ по другой причинѣ,—тогда былъ бы совершенно особый текстъ, новая комедія, съ тѣми же лицами и можетъ быть дѣйствіями, но съ другими рѣчами. Въ автографѣ стихи эти существуютъ, конечно, въ видѣ преимущественно правильномъ, чѣмъ гдѣ-либо.

Теперь слѣдуетъ сказать, какъ я поступалъ при составленіи вариантовъ и написаніи принадлежащаго мнѣ текста комедіи. Общеизвѣстный текстъ, по принадлежавшему мнѣ прежде, довольно правильному экземпляру, о которомъ уже говорилъ, я сталъ сличать съ автографомъ со всевозможною, буквальною вѣрностію. Прошу послѣднее выраженіе принять и въ смыслѣ буквальности, ибо я имѣю, для подтвержденія мной сказаннаго, небольшое, но за то истинно буквальное доказательство. Въ изданіи К. Полеваго, въ монологѣ Репетилова Скалозубу (Дѣйствіе IV, явл. V) напечатано:

„Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ“.

1) См. подробный разборъ этихъ изданій у И. Д. Гарусова (Спб., 1875), стр. 57—43 и 50—51 и фельетонъ Н. В. Шаломытова въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» 1908 г., № 193. „Къ 75-лѣтію „Горя отъ ума“ въ печати“.

Въ принадлежащемъ мнѣ экземплярѣ было „баронъ фонъ-Клоцъ“. Автографъ разрѣшилъ, на чьей сторонѣ правда: оказалось, что въ изданіи Кс. Полеваго ошибка. Дѣло, какъ видите, было въ одной только буквѣ и можетъ быть способно возбудить смѣхъ въ благоразумномъ читателѣ моего предисловія. Пусть такъ, но неужели же текстъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ художественныхъ созданій русской народности не стоитъ и тѣни какой-либо герменевтической работы? Хоть какого-либо вниманія къ буквально правильному его возстановленію ¹⁾?

Желая поступить добросовѣстно, я всегда дѣлалъ варіантъ даже тамъ, гдѣ встрѣчалъ въ автографѣ измѣненіе хотя въ одномъ словѣ цѣлаго стиха противъ общеизвѣстнаго текста ²⁾. Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ людей серьезно мыслящихъ вознегодовалъ на меня за это. Во-первыхъ, тутъ находится большее или меньшее ручательство точности моей работы. Во-вторыхъ, никто не даетъ намъ права поступать небрежно съ художественнымъ созданіемъ при трудѣ, касающемся сохраненія его текста, потому что Богу одному извѣстно, куда еще дойдетъ и сфера изученія искусства, и самая исторія языка. Иногда, въ мірѣ вещи, кажущіяся совершенно ненужными и лишними, вдругъ получаютъ значеніе: вспомнимъ поразительно логическій отвѣтъ Собакевича Чичикову: „да вотъ вы покупаете же мертвыя души“. Такимъ образомъ, варіантовъ, и большихъ и малыхъ, составилось у меня около ста двадцати и они всѣ записаны здѣсь, послѣдовательно подъ текстомъ. Основаніемъ же самаго текста моего экземпляра послужилъ текстъ общеизвѣстный: всѣ варіанты сдѣланы къ нему. Въ третьемъ отдѣлѣ предисловія, гдѣ я буду говорить объ эстетическомъ достоинствѣ этихъ варіантовъ, читатель, даже по нѣкоторымъ приводимымъ

¹⁾ Эта ошибка въ фамиліи „фонъ-Клоцъ“ систематически повторяется и донинѣ въ изданіи «Дешевой Библіотеки» А. С. Суворина; даже въ изданіяхъ 16 (1905 г.) и 17 (1907 г.), уже по опубликованіи автографа „Горя отъ ума“ въ московской редакціи (изданіе Историческаго Музея 1903 г.), на который ссылается Д. А. Смирновъ, фигурируетъ „фонъ-Клоцъ“. Любопытно, что въ первыхъ изданіяхъ „Горя отъ ума“, подъ редакціей того же П. А. Ефремова, было правильно—„фонъ-Клоцъ“. (У насъ были подъ рукой изданія книжн. магаз. „Новаго Времени“, 1879 (1-е и 2-е), 1880 (3-е и 4-е), 1882 (5-е), 1884 (6-е) съ правильнымъ чтеніемъ и съ 8 по 17 изданія съ неправильнымъ.)

Н. III.

²⁾ Къ сожалѣнію, это далеко не выдержано на самомъ дѣлѣ. Д. А. Смирновъ упустилъ много любопытныхъ особенностей автографа, какъ это можно установить теперь изъ сличенія его 117 варіантовъ съ подлинникомъ.

Н. III.

мною, примѣрамъ, увидить, какъ много между ними такихъ стиховъ, которые едва-ли не съ большою честью могли бы замѣнить соотвѣтствующіе имъ стихи текста. Я это видѣлъ, но никакъ не позволилъ себѣ оскорбить созданіе художника моею личною, произвольно-мозаическою работою ¹⁾ и оставилъ все, чему слѣдовало быть варіантомъ,—въ варіантахъ.

III. Объ эстетическомъ достоинствѣ варіантовъ.

Разсмотрѣть автографъ какого-нибудь произведенія можетъ быть дѣломъ выше одного простого любопытства. Я уже сказалъ, что разныя поправки и измѣненія въ текстѣ произведенія, которыя, конечно, можно встрѣтить только въ автографѣ, ибо онѣ, составляя кабинетную тайну художника, вовсе недоступны публикѣ, видящей произведеніе съ его стороны, такъ сказать, официальной, имѣютъ свою относительную, и при томъ разумную, важность въ сферѣ изученія искусства. Съ перваго взгляда мысль эта можетъ показаться странною: кому, кажется, какое дѣло до черновыхъ рукописей? Взглянемъ на это дѣло поближе.

Думаю, что никто не станетъ нынѣ отрицать, что одинъ изъ несомнѣнныхъ фактовъ при изученіи изящнаго тотъ, что чѣмъ болѣе спрашиваешь отъ художественнаго созданія, тѣмъ болѣе даетъ оно, чѣмъ болѣе въ него вглядываешься, тѣмъ болѣе возникаетъ передъ нами вся разнообразная, безконечная жизненность созданія, безпрестанно объясняясь, развиваясь и все болѣе и болѣе уходя отъ данныхъ, нормально опредѣленныхъ границъ своихъ въ какую-то таинственную глубь, въ которой кроется начало всякой жизни, всякаго явленія. Если этотъ фактъ дѣйствителенъ и несомнѣненъ, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что ничто столько не вводитъ въ сферу художественнаго произведенія, какъ то, что такъ сказать дышетъ процессомъ его возникновенія и развитія: тутъ художественное произведеніе, непосредственно и неза-

¹⁾ На эту мозаическую работу отважился Московскій художественный театръ, который играетъ «Горе отъ ума» на сценѣ не по тексту 1824 года, утвержденному авторомъ, а по смѣшанному, нужно сознаться, часто довольно неудачному тексту 1823—1824 г.г., пренебрегая отзывомъ самого Грибоедова о своей работѣ въ московской редакціи, даннымъ въ письмѣ къ С. Н. Бѣгичеву: «прошу тебя моего манускрипта («Горе отъ ума») никому не читать и предать его огню, коли рѣшишься; онъ такъ несовершененъ такъ нечистъ»...

висямо отъ лица, изучающаго его, само собой уже расширяется въ своихъ границахъ. Автографы закрыты для критики, но необдуманно было бы утверждать, что критика не найдетъ въ нихъ обильныхъ и важныхъ матеріаловъ для спеціального изученія и объясненія художественнаго произведенія. Созданное по одной главной, въ основаніи его лежащей идеѣ, къ выполненію которой стремятся всѣ частности, художественное произведеніе, при такомъ изученіи, не только обнаруживаетъ степень силы творившаго его духа, обличая явное и постепенное его стремленіе къ воплощенію идеи созданія въ соотвѣтствующей ей формѣ, но открываетъ множество самыхъ драгоцѣнныхъ подробностей въ частностяхъ, самыхъ превосходныхъ, самоцѣльныхъ оттѣнковъ въ созданныхъ художникомъ типахъ.

Справедливость мною сказаннаго постараюсь объяснить на дѣлѣ, именно надъ „Горе отъ ума“.

Читателю извѣстно, что вся слишкомъ счастливо взятая и столь же счастливо выполненная завязка комедіи основана на томъ прекрасномъ, благородномъ чувствѣ, которому какъ-то невольно сочувствуешь, судьбою котораго какъ-то невольно и искренно интересуешься—на любви Чацкаго къ Софѣ. Я слишкомъ далекъ отъ того, чтобы входить здѣсь въ анализъ самой завязки и ея художественнаго во всей комедіи развитія и въ анализъ характеровъ Софьи и Чацкаго, предоставляя подобный анализъ спеціальной эстетической критикѣ всей комедіи. Я только обращаю здѣсь вниманіе читателя на собственное его чувство—именно на чувство интереса, который возбуждаетъ въ немъ нравственная судьба Чацкаго для того, чтобы просить читателя вспомнить то мѣсто комедіи, гдѣ Молчалинъ успѣлъ „смирить разгнѣванную гостью“. Слушайте. Чацкій говоритъ Софѣ:

Какъ онъ искусно все уладилъ.

Рушитель ссоръ, смиритель грозъ!

Какъ кстати карточку поднесъ!

Какъ моську въ время погладилъ!

Чего не ожидать при этомъ нравѣ кроткомъ

При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ!

(ей на ухо) О! давишее вамъ такъ, даромъ, не пройдетъ!¹)

Слышите ли вы этотъ стихъ: О! давишее вамъ такъ, даромъ, не пройдетъ!

Прозвучалъ ли онъ въ душѣ вашей всею силою своего внутрен-

¹) См. „Горе отъ ума“ въ изданіи Историческаго Музея. Москва 1903, стр. 81 и сл. сцена 13-я III акта.

няго смысла? Слышите ли вы эту угрозу чловѣка, оскорбленнаго въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ:

„О! давишее вамъ такъ, даромъ, не пройдетъ“!

Видите ли вы сшибку интересовъ, видите ли чистую драматическую коллизію. Это центральный пунктъ драмы, пунктъ, къ которому драма шла, развиваясь доселѣ, и съ котораго она отселѣ будетъ развиваться. Смотрите, только что роковое слово сказано,— не проходитъ двухъ минутъ, Софья стоитъ одна, задумавшись. Къ ней подходитъ и вашъ, и мой, и цѣлаго свѣта общій знакомый, г. N, лицо неумирающее. Вопросъ: Вы въ размысленіи? Софья: Объ Чацкомъ. Г. N: Какъ его нашли по возвращеніи? Софья: Онъ не въ своемъ умѣ.—И вотъ за угрозу, только что сказанную,— угроза, уже исполненная: раздаются зловѣщія слова:

„Готовъ онъ вѣрить...“

А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,

Угодно ль на себѣ примѣрить“,—

и драма пошла далѣе.

Видите ли теперь, читатель, какъ всю эту драму освѣщаетъ одинъ стихъ, сжатый, энергическій? И смыслъ, и самая организація комедіи уясняются вамъ. А чувствуете ли вы художественную прелесть этихъ стиховъ:

Какъ онъ искусно все уладилъ,

Рушитель ссоръ, смиритель грозъ!

Какъ кстати карточку поднесъ!

Какъ моську въ-время погладилъ!

Откуда же взялись эти стихи? Откуда взялся этотъ стихъ, развившій собою самый центральный пунктъ, пунктъ драматической коллизіи всей комедіи? Напрасно будете искать ихъ въ ея текстѣ: это стихи изъ автографа и находятся въ вариантахъ. Почему же, спросите вы, они не вошли въ текстъ? Почему, особенно, не вошелъ въ текстъ этотъ стихъ, какъ ярко объясняющій все дѣло. Все это, отвѣчу я вамъ, относится къ подробной эстетической критикѣ комедіи, критикѣ, которая и постарается разумно объяснить, почему художникъ выпустилъ этотъ стихъ,—кажется главный стихъ комедіи,—почему онъ ни одной угрозы не вложилъ въ уста Чацкаго... Здѣсь остановимся на той мысли, которая прямо относится къ нашему предмету,—на томъ, какую важность имѣеть иной автографъ въ отношеніи къ самому художественному произведенію, какъ онъ разъясняетъ его, раскрывая самый процессъ его развитія въ мысли художника, и какой, стало быть, въ иномъ автографѣ богатый матеріалъ для той критики, которая живо, разумно и эстетично должна объяснять живое, эстетическое произведеніе.

Я долго бы не кончилъ, если бы вдался въ подробную оцѣнку вариантовъ и потому скажу объ общемъ, эстетическомъ характерѣ большей ихъ части. Что они доказываютъ? Одно главное, что созданіе Грибоѣдова было въ высшей степени закончено, въ высшей степени отработано въ самой душѣ художника. Тамъ то достигло оно той нормальной полноты, которая должна быть названа возможною окончательною степенью совершенства художественныхъ произведеній. И отъ того-то такая поразительная соотвѣтственность всѣхъ частныхъ идеѣ пѣлаго, такая удивительная вѣрность въ подробностяхъ этихъ частныхъ,—вѣрность какъ характеру пѣлаго, такъ и специальному характеру каждой частности. Типъ созданъ, потому что глубоко сознанъ,—всѣ модификаціи типа только явленія его частной, всегда себѣ вѣрной жизни. Не угодно ли, для примѣра, послушать Скалозуба, который въ 1-мъ актѣ такъ добродушно высказываетъ весь, хоть немудреный, нехитрый, но гнусный и грубый эгоизмъ свой словами:

„Да, счастливъ я въ товарищахъ моихъ:
Ваканціи какъ разъ открыты,—
То старшихъ выключать иныхъ,
Иные, смотришь, перебиты“...

Вы чувствуете, что этотъ эгоизмъ потому въ глазахъ вашихъ не становится отвратительнымъ, что онъ пошлякъ и что все дѣло объясняется и извиняется его пошлостью. Послушайте теперь этого Скалозуба въ 4 актѣ, отвѣчающемъ (по тексту автографа) Репетилову на монологъ,—положимъ, хоть монологъ и пустаго человѣка—о какомъ бы то ни было умственномъ движеніи, о щетѣ чиновъ и отличій:

Избавь, съ ученостью вы много взяли всѣ-то,
Богъ вамъ премудрость ниспосли,
Даютъ ли Ордена за это?
Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли ¹⁾.

Не одинъ и тотъ ли же человѣкъ у васъ передъ глазами? Не

¹⁾ Добавимъ по автографу и послѣдніе два характерныхъ стиха въ этихъ словахъ Скалозуба, опущенные почему-то Смирновымъ:

„Я школы Фридриха, въ командѣ Гернадеры,
Фельдфебеля мои Волтеры“.

(См. «Горе отъ ума» изд. Историч. Музея. М. 1903, стр. 105). Напрасно однако В. Е. Якушкинъ считаетъ опиской слово „Гернадеры“ въ примѣчаніи своемъ къ стиху 195-му. Это не описка, а солдатское выраженіе, которое часто встрѣчалось въ тогдашнихъ солдатскихъ пѣсняхъ (см. Русск. Архивъ 93 г., № 12, стр. 477).

Н. Ш.

тотъ ли же это пошлякъ Скалозубъ? Строго ли, судите, соблюдена истина характера?

А Репетилловъ? А Хлестова? Взгляните на художественнѣйшія модификаціи этихъ типовъ, модификаціи, вамъ доселѣ неизвѣстныя, потому что онѣ существуютъ только въ автографѣ. Вотъ онѣ, вылившіяся ни болѣе ни менѣе, какъ въ какихъ-нибудь 9 стихахъ:

Хлестова (Репетиллову):

Ночные шатуны! вишь, говорятъ, женате!..
За чѣмъ пожаловалъ? Чтобъ посмотрѣть небось
Красивъ ли Фамусовъ въ халатѣ?
Всѣ, всѣ разѣѣхались...

Репетилловъ:

Браните, бейте! Ахъ!
Амфиса Карповна! Я самъ себя гнушаюсь,
Пустой я человѣкъ, шалунъ я, вертопрахъ,
Чистосердечно, слезно каюсь,
Нещастье Чацкаго разительный урокъ,
Что не въ большомъ умѣ намъ прокъ ¹⁾.

Какая поразительная истина характеровъ! Какая поразительная истина не только образа мнѣній, чувствъ, взглядовъ, но и образа выраженій тѣхъ лицъ, которыя передъ вами, какъ живыя!

Но этого мало, что передъ вами какъ живыя тѣ лица, которыя все-таки выходятъ въ комедіи: вы видите и тѣ лица, о которыхъ другіе только говорятъ, и видите ихъ такъ хорошо, какъ можетъ быть никогда не разсмотрѣли бы въ самой жизни, а тутъ они выступаютъ передъ вами всѣми типическими своими чертами, выступаютъ такъ выпукло, такъ рельефно, что не только мечется вамъ въ глаза отчетливо созданный образъ ихъ, но по немъ вы, кажется, знаете все ихъ прошедшее и угадываете будущее изъ свойствъ ихъ характеровъ и положеній. Послушаемъ (по тексту автографа) Молчалина, благоговѣнно восхищающагося Татьяной Юрьевной или Дмитріевной, какъ названа она въ автографѣ, и ея супругомъ:

Татьяна Дмитревна!!! Ея извѣстенъ домъ:
Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ;
Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ,
Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ,
При томъ отличный семьянинъ ²⁾:

¹⁾ См. тамъ же, стр. 109.

Н. III.

²⁾ Стихъ этотъ (188 III акта по изд. Ист. Музея 1903 г.) пропущенъ у Смирнова.

Н. III.

Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ,
Она прикажетъ, онъ подпишетъ.
Къ Татьянѣ Дмитревнѣ вы съѣздите...

Кажется, и прибавлять нечего, особенно къ портрету супруга! Весь, что говорится, какъ на ладони!..

Трудно человѣку, одаренному хоть какимъ-нибудь эстетическимъ вкусомъ, не увидать, что эти нѣкоторые приведенные мною примѣры вариантовъ — просто „перлы созданія“ по слову Гоголя.

О тѣхъ 28 стихахъ, начинающихся словами: „Какъ истинно въ Москвѣ всему своя печать!“, — которые были Грибоѣдовымъ зачеркнуты, но сохранить которые я почелъ долгомъ совѣсти, я не скажу ни слова: пусть читатель самъ просмотритъ этотъ отрывокъ — вариантъ, составляющій нѣчто цѣлое, и судить ¹⁾).

А сколько въ этихъ вариантахъ есть стиховъ, истинно грибоѣдовскихъ, — вотъ имъ эпитетъ: лучшаго не придумаешь! Стиховъ, которые такъ и просятся, вслѣдъ за родными своими братьями, въ пословицу:

Чего не ожидать при этомъ нравѣ кроткомъ,
При свойствѣ угождать племянницамъ и теткамъ!

* * *

Давай ученье намъ, чтобъ люди въ ногу шли...

* * *

Даютъ ли ордена за это?

* * *

Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ.

* * *

Она прикажетъ — онъ подпишетъ.

* * *

Ночные шатуны! Вишь, говорятъ, женате!

* * *

А, напр., эти доселѣ неизвѣстные читателю:

Объ южной Франціи, о берегахъ Гаронны...

Или о русскомъ постномъ столѣ, на который такъ многіе морщатся въ ущербъ желудку и мнимый приботокъ совѣсти:

„Грибки да кисельки, щи, кашки въ ста горшкахъ“.

¹⁾ См. „Горе отъ ума“ въ изданіи Историч. Музея, М. 1903, стр. 40 и сл.
Н. Ш.

Если по всей комедіи, какъ она извѣстна въ публикѣ, русскій міръ уже составилъ себѣ понятіе о грибоѣдовскомъ стихѣ, его внѣшнихъ и внутреннихъ свойствахъ, то, конечно, и по всѣмъ, приведеннымъ мною вариантамъ, и по тѣмъ, которые не приведены мною и находятся въ экземплярахъ, всякій увидитъ, что это тотъ же грибоѣдовскій стихъ, тотъ стихъ, который, какъ алмазъ, блещетъ и рѣжетъ и которымъ никто не писалъ на Руси, — ни прежде, ни послѣ Грибоѣдова¹⁾.

А вотъ стихи, написанные, не забудьте, въ 1821 году, за годъ до появленія „Руслана и Людмилы“, поэмы, которую почитаютъ вступленіемъ на литературное поприще создателя настоящаго художественнаго русскаго стиха, Пушкина.

Говоритъ Чацкій:

О, праздный! жалкій! мелкій свѣтъ!
 Не надо пищи,—сказку, бредъ
 Имъ лжець отпустить въ угожденье,
 Глушець повторить, передатьъ,
 Старухи—кто во что гораздъ—
 Тревогу бьютъ... и вотъ общественное мнѣнье,
 И вотъ Москва!—Я былъ въ краяхъ,
 Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатить,
 Вдругъ—глыба этотъ снѣгъ, въ паденіи все охватить,
 Съ собою влечетъ, дробить, стираетъ камни въ прахъ,
 Гулъ, рокотъ, громъ... вся въ ужасѣ окрестность...
 Но что оно въ сравненіи съ быстротой,
 Съ которой чуть возникъ, ужъ приобрѣлъ извѣстность
 Московской фабрики слухъ вредный и пустой²⁾.

Какое великолѣпіе языка! Какая сила Какая картина!

И, думаю, всякій сознается, что все, что ни вышло изъ-подъ пера Грибоѣдова,—картина, и при томъ картина великаго мастера.

¹⁾ Къ сожалѣнію, это замѣчаніе Д. А. Смирнова, относящееся къ 1851 г. имѣетъ полную силу и до нынѣ: Грибоѣдовскій стихъ остался безъ подражаній.

Прим. II. III.

²⁾ См. «Горе отъ ума» изд. Истор. Музея, М. 1903, стр. 110, стихи 295—308 IV акта. А. С. Суворинъ передавалъ намъ, что, по его мнѣнію, Грибоѣдовъ пожертвовалъ нѣсколькими стихами и измѣнилъ ихъ въ конечной редакціи въ интересахъ сценическаго дѣйствія. При всей ихъ красотѣ они задерживали бы дѣйствіе и удлинняли бы и безъ того длинные монологи Чацкаго не внося ничего новаго.

Прим. II. III.

Въ комедіи ли, въ вариантахъ ли, видна та же геніальная кисть, которая дается однимъ только великимъ художникомъ, два-три взмаха которой—и предметъ предъ вами. Даже и въ вариантахъ, въ которыхъ есть стихи, сравнительно съ текстомъ, конечно, слабѣйшіе, видна уже рука не дрожащая, не ученическая, а рука твердая.

Я кончилъ. Теперь повторю стихи Пушкина:

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынѣ, какъ пріятель...

Отдай мнѣ, вѣроятно свойственную тебѣ, какъ всякому честному человѣку, справедливость въ томъ, что я поступилъ, какъ должно, сберегши нѣсколько драгоцѣнныхъ „перловъ созданія“, которые, составляя доселѣ частную собственность, могли бы и утратиться, попавши современемъ неизвѣстно въ чьи руки, а теперь могутъ разойтись по большинству образованнаго люда. Отдашь ли ты мнѣ ее, не отдашь ли,—дѣло твоей совѣсти.

Прими же отъ меня дѣло моей совѣсти: не только самый трудъ мой, но и увѣреніе тебѣ, что писавши я поступалъ добросовѣстно, всюду дѣйствуя по крайнему моему разумѣнію, стараясь не мудрствовать лукаво, а осмотрѣть тотъ предметъ, о которомъ мнѣ говорить слѣдовало, со всѣхъ сторонъ, осмотрѣть его съ мыслью и съ любовью. Если я ошибался, то желалъ лучше ошибиться, нежели пройти безъ мысли и съ равнодушіемъ мимо предмета искусства.

Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, — истина старая! Но если даже уваженіе къ добродушному чувству и намѣренію безвѣстнаго и темнаго, какъ я, человѣка, не покажется тебѣ достаточнымъ, чтобы извинить ошибки мои, то извини ихъ изъ уваженія къ труду и памяти Грибоѣдова, къ которому и ты, и я обязаны равнымъ уваженіемъ, какъ къ художнику и человѣку, о которомъ, какъ ты видѣлъ, я нигдѣ не говорилъ безъ уваженія... Вспомни, что Грибоѣдовъ, написавши даже такъ мало, такъ много сдѣлалъ и для искусства, и для чести русскаго просвѣщенія: что Грибоѣдовъ доказалъ, что онъ и для блага міра, и для славы былъ рожденъ; что комедія его — первый серьезный трудъ геніальнаго человѣка, погибшаго мученическою смертью; что въ дѣятельной, любящей душѣ этого художника несомнѣнно хранилась возможность

другихъ, если не болѣе, то столько же геніальныхъ созданій, и что не въ романѣ, а въ дѣйствительности

Его страдальческая тѣнь
Быть можетъ унесла съ собой
Святую тайну,—и для насъ
Погибъ животворящій гласъ...

Д. А. Смирновъ

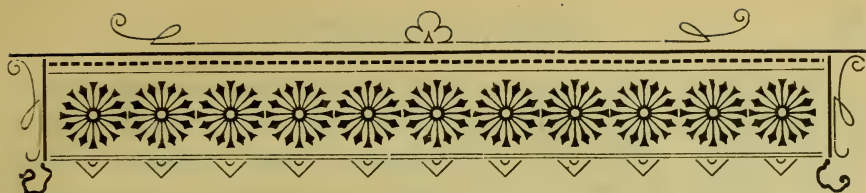
30 января

1851 года.

Нижній-Новгородъ.

Сообщилъ Н. В. Шаломытовъ.

Записки И. Я. Мельхикова ¹⁾.

IV.

(Окончаніе).

Въ 1850 году я кончилъ курсъ въ Коммерческомъ училищѣ и поступилъ переводчикомъ къ англійскому инженеру, съ которымъ поѣхалъ осматривать пароходы на Волгѣ; возвратившись, я работалъ нѣкоторое время у управляющаго конторою „Томсонъ, Бонаръ и К^о“, а потомъ сталъ помогать въ торговлѣ отцу, который къ этому времени, оставивъ занятія у князя Васильчикова, началъ небольшое комисіонное дѣло ²⁾) Съ тѣхъ поръ я усердно посѣщалъ Итальянскую оперу, пѣлъ въ Лидертафелъ, пѣлъ въ Католической церкви. Въ 1859 году по желанію принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго выучилъ и исполнилъ у него во дворцѣ на семейномъ вечерѣ, сочиненную имъ кантату--„Братъ и Сестра,“--которую я повторилъ въ слѣдующее лѣто 17 іюля 1860 года въ высочайшемъ присутствіи въ Петергофѣ на мызѣ принца, на устроенной въ паркѣ сценѣ, въ костюмѣ, съ оркестромъ, за что удостоился получить подарокъ. Въ 1861 г. я женился на дочери московскаго фабриканта Петра Аванасьевича Матвѣева—Александрѣ Петровнѣ, въ этомъ же году я познакомился съ Г. А. Ломакинымъ и впервые началъ брать у него уроки пѣнія и на другой годъ 11-го марта 1862 г. пѣлъ въ концертѣ, устроенномъ г. Ломакинымъ въ пользу учреждаемой имъ бесплатной школы; это былъ мой первый шагъ публичнаго пѣнія, пѣлъ я арію изъ Ораторіи Гайдна „Четыре времени года“.

¹⁾ См. «Русская Старина» янв. 1909 г.

²⁾ Вышеупомянутое письмо Л. И. Шестаковой.

Въ 1863 г. торговля дѣла наши пошатнулись, и я принужденъ былъ хлопотать пріисканіемъ себѣ занятій; тесть мой П. А. Матвѣевъ и жена совѣтовали и уговаривали меня заняться основа, тельно пѣніемъ и поступить на сцену; въ угоду имъ началъ заниматься очень старательно уроками у Репетто съ іюля 1866 г., а въ мартѣ 1867 года былъ допущенъ на пробу въ Маріинскомъ театрѣ, получилъ приглашеніе отъ дирекціи, подписалъ контрактъ на 1 годъ въ 2.000 руб. с. и уѣхалъ на лѣто въ Миланъ, по приглашенію Репетто, попѣть гдѣ-нибудь въ итальянскихъ провинціальныхъ театрахъ,—но это не удалось; вернувшись домой, я 24-го сентября 1867 года дебютировалъ на Маріинской сценѣ въ оперѣ „Пуритане“ Беллини. 19-го марта 1869 года я имѣлъ счастье пѣть въ семейномъ концертѣ въ Зимнемъ дворцѣ у ея Императорскаго Величества въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны, по окончаніи концерта удостоился чрезвычайно лестныхъ похвалъ отъ Государя-Императрицы, наслѣдницы, наслѣдника и великихъ князей. Лѣтомъ въ 1869 году ѣздилъ я въ Лондонъ, по приглашенію агентства Элла и Бенедиктъ и пѣлъ тамъ цикль концертовъ. Когда пріѣзжалъ сюда (не помню) Гекторъ Берліозъ, пѣлъ подъ его управленіемъ сцену изъ оперы „Альцеста“—Глюка и дуэтъ оттуда же съ фрейлиною Штубе. Въ 1880 году былъ приглашенъ участвовать на празднествѣ открытія памятника Пушкину въ Москвѣ¹⁾.

По настоянію великаго князя Константина Николаевича, въ 1877 году занимался въ Консерваторіи уроками пѣнія, но черезъ годъ оставилъ это занятіе. Раньше этого былъ приглашенъ давать уроки пѣнія великому князю Алексѣю Александровичу и принцу Юрію Максимиліановичу Лейхтенбергскому, это было въ 1875 году; въ это время я участвовалъ почти во всѣхъ концертахъ и спектакляхъ, какіе были тогда устраиваемы въ Аничковомъ дворцѣ у государя наслѣдника.

¹⁾ И. А. Мельниковымъ исполнялись слѣдующія роли:

- Въ 1867 г. 1) «Пуритане»—Беллини, роль Ричарда.
 2) «Лучія»—Донизетти, роль Астона.
 „ 1868 г. 3) «Травіата»—Верди,—Жермонъ.
 4) «Трубадуръ»—Гр. Луна.
 5) «Нижегородцы»—Направника—Кн. Боровскій.
 „ 1869 г. 6) «Ратклифъ»—Кюп—Ратклифа.
 7) «Фаустъ»—Гуно—Валентина.
 „ 1870 г. 8) «Галька»—Моношко—Янугъ.
 „ 1871 г. 9) «Русланъ»—Глинки—Руслана.
 10) «Вильгельмъ Телль»—Россини—Телль.

Въ 1883 году былъ высочайше назначенъ и имѣлъ счастье пѣть за параднымъ столомъ Государя Императора въ Грановитой палатѣ въ день коронаціи,—сочиненную для этого кантату П. И. Чайковского.—6-го февраля 1884 г. въ первое представленіе оперы Чайковского „Мазепа“,—послѣ сцены въ тюрьмѣ я былъ осчастливленъ особымъ вниманіемъ Государя Императора, который въ антрактѣ, войдя на сцену, подозвалъ меня и выразилъ мнѣ свое удовольствіе, похваливъ мое исполненіе. Въ 1888 году высочайше пожаловано мнѣ званіе солиста Его Величества и пенсіонъ въ 3.000 руб. с.

Въ 1890 г. я началъ издавать Сборникъ Переводныхъ Хоровъ и основалъ любительскій хоръ.

-
- Въ 1872 г. 11) «Каменный Гость»—Даргомыжскаго,—Д. Карлосъ.
 12) «Донъ-Жуанъ»—Моцарта—Д. Жуанъ.
 „ 1873 г. 13) «Псковитянка»—Римскаго-Корсакова—Токмакова.
 14) «Гугеноты»—Меербера—Гр. Неверъ.
 „ 1874 г. 15) «Борисъ Годуновъ»—Мусоргскаго—Царь Борисъ.
 16) «Опричникъ»—Чайковского—Кн. Вяземскій.
 17) «Тангейзеръ»—Вагнера—Вольфрамъ.
 „ 1875 г. 18) «Демонъ»—Рубинштейна—Демонъ.
 19) «Виндзорскія Кумушки»—Николай—Фордтъ.
 20) «Сардапалъ»—Фаминцына—Арбакъ.
 „ 1876 г. 21) «Рогъда»—Сѣрова—Князя.
 22) «Анжело»—Кюи—Галеофа.
 23) «Кузнецъ Вакула»—Чайковского—Бѣса.
 „ 1877 г. 24) «Аида»—Верди—Амонасро.
 25) «Тѣнь воеводы»—Гросмана—Кобергскій.
 „ 1878 г. 26) «Бронзовый Конь»—Обера—Тинъ-Тинъ.
 27) «Русалка»—Даргомыжскаго—Мельника.
 28) «Риголетто»—Верди—Риголетто.
 „ 1880 г. 29) «Майская Ночь»—Римск.-Корсакова—Каленикъ.
 30) «Ріенцы»—Вагнера—Орсини.
 31) «Тарасъ Бульба»—Кюнера—Остана.
 „ 1881 г. 32) «Орлеанская Дѣва»—Чайковского—Ліонеля.
 „ 1884 г. 33) «Лалла Рукъ»—Ф. Давида—Башкира.
 34) «Мазепа»—Чайковского—Кочубей.
 35) «Евгеній Онѣгинъ»—его же—Ев. Онѣгина.
 „ 1885 г. 36) «Фаустъ»—Гуно—Мефистофеля.
 37) «Карменъ»—Бизе—Эскамилло.
 38) «Манонъ»—Массне—Леско.
 „ 1886 г. 39) «Гарольдъ»—Направника—К. Эдуарда.
 „ 1887 г. 40) «Чародѣйка»—Чайковского—Намѣстника.
 41) «Лоэнгринъ»—Вагнера—Тельрамунда.
 „ 1890 г. 42) «Гибель Фауста»—Берліоза—Мефистофель.
 43) «Князь Игорь»—Бородинъ—Кн. Игоря.
 44) «Пиковая Дама»—Чайковского—Кн. Томскій.

V.

Артисту или артисткѣ, выходящимъ въ спектакль на сцену, или на эстраду въ большихъ концертахъ, необходимо сосредоточиться и подъ вліяніемъ неизбежнаго волненія забыть весь міръ и все окружающее его; думать объ одномъ, что предстоитъ ему дѣлать. Излишняя самоувѣренность, а тѣмъ болѣе разсѣянность могутъ привести къ неожиданнымъ непріятностямъ, — ошибиться, спутать и растеряться; потомъ на долго останется въ памяти артиста досадливое воспоминаніе этой ошибки.

Въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ Рус. Муз. Общ. (которые тогда давались въ залахъ Двор. Собр.) Платонова должна была исполнять какую-то замысловатую арію, которую она, конечно, тщательно подготовила и на репетиціи спѣла ее прекрасно, безъ остановки. Вечеромъ въ концертѣ вышло, что Платонова разошлась съ оркестромъ; помнится, что пѣвица, забывъ какую-то паузу, ушла впередъ, вышелъ кавардакъ, пришлось остановиться, г-жа Платонова, извинившись передъ публикой, запѣла вновь сначала и окончила арію хорошо. Но у пѣвицы не было уже обычной энергіи для исполненія и хотя публика аплодировала ей, она не выходила раскланиваться, а сидѣла въ комнатѣ артистовъ и плакала отъ досады.

Другой случай былъ тоже съ извѣстнымъ въ свое время пьянистомъ А. Гензельтомъ, музыкантъ онъ былъ основательный, владѣлъ инструментомъ вполнѣ, какъ салонный артистъ; онъ восхищалъ общество, но въ публичныхъ концертахъ рѣдко выступалъ, слишкомъ былъ нервнымъ для этого. Но какъ-то разъ, по настоятельной просьбѣ одной высокопоставленной особы, вынужденъ былъ согласиться играть въ какомъ-то концертѣ въ залѣ Дворянс. Собр. Игралъ онъ наизусть съ оркестромъ концертъ Бетховена . . . который оканчивается извѣстной каденсой. Началъ онъ играть спокойно, увѣренно, со вкусомъ; доигравъ послѣдній аккордъ передъ каденсой, когда оркестръ замолкъ, Гензельтъ ударилъ аккордъ въ басахъ и быстро пробѣжалъ по клавишамъ до высокой ноты и, не окончивъ всей каденсы, остановился, поднялъ голову, спустилъ руки съ фортепьяно; моментъ паузы и Гензельтъ снова ударяетъ ожесточенно аккордъ въ басахъ, пробѣжалъ снова по клавиатурѣ до верхней ноты и снова останавливается. Минута молчанія. Наконецъ онъ, въ высшей степени нервно, поворачивается къ дирижеру оркестра Карлу Шуберту, громко сказалъ ему: „Weiter“

(далее) и доигравъ остальную часть концерта, что называется сломя голову. Оркестръ еле успѣвалъ за нимъ. Потомъ оказалось, что Ганзельтъ никакъ не могъ припомнить дальнѣйшій ходъ каденцы и онъ ее пропустилъ. На него такъ сильно повліяла эта неудача, что онъ не рѣшался болѣе выходить играть передъ публикой.

VI.

Мнѣ часто приходилось рассказывать въ дружеской компаніи разные эпизоды изъ театральнаго міра, которые мнѣ случилось видѣть, а въ нѣкоторыхъ и самому участвовать, пробывъ на подмосткахъ 25 лѣтъ. Бывало, согласишься и начнешь припоминать то тотъ, то другой случай и незамѣтно наберется множество разныхъ исторій. Наконецъ, устану и кончу свою болтовню, а слушатели часто говорили:

— Вы бы, И. А., написали всѣ эти исторіи, вѣдь это такъ интересно.

— Быть можетъ это интересно прочитать,—говорю я, да надо умѣть написать, а я, признаюсь, никакихъ, къ этого рода искусству, способностей не имѣю.

— Да тутъ и не надо особеннаго умѣнья, а пишите такъ, какъ вы рассказываете, — совѣтуютъ мнѣ.

Чтобы отдѣлаться отъ упрасиваній, я всегда говорилъ: вотъ соберусь какъ-нибудь и попробую кое-что написать.

На-дняхъ пріѣзжала въ Петербургъ Аделина Патти, дала одинъ концертъ и тѣмъ внесла богатую лепту на помощь нашимъ раненымъ и больнымъ героямъ. Пріѣздъ ея взволновалъ петербургскихъ меломановъ. Хотя Патти давно покинула сцену, но слава ея еще гремить. Я хорошо помню то время, когда она пѣла здѣсь на сценѣ Большого театра и дѣйствительно восхищала всѣхъ. Съ ея именемъ у меня связано много воспоминаній о лучшихъ дняхъ моей жизни. Когда она пріѣзжала сюда въ 1876—77 гг., я былъ въ самомъ разгарѣ моей театральной дѣятельности и мнѣ приходилось пѣть съ нею во дворцѣ и во многихъ концертахъ. Перебирая въ памяти рядъ тогдашнихъ событій, я вспомнилъ одинъ эпизодъ, который и попытаюсь здѣсь рассказать ¹⁾.

Патти—это изумительная по силѣ, красотѣ голоса и техникѣ пѣвица. Ей не было соперницъ въ колоратурномъ пѣніи и она тогда пѣла въ Петербургѣ въ самую блистательную пору своего

¹⁾ Воспроизведено въ «Петербургскомъ дневникѣ театралъ» за 1905 г. подъ заглавіемъ «Аделина Патти и Э. Ф. Направникъ».

таланта,—публика восхищалась ею. Невысокого роста, брюнетка, съ маленькой головкой и безподобными быстрыми глазами, граціозная и подвижная, она въ обращеніи была очень деликатна и мила, но избалованная и капризная.

Зимой 1877 г. назначенъ былъ утромъ благотворительный концертъ Патріотическаго Общества, въ залѣ Дворянскаго собранія. Программа была составлена изъ большинства пьесъ русскаго опернаго репертуара (только одна Патти пѣла по-итальянски), поэтому приглашенъ былъ оркестръ изъ русской оперы и дирижировалъ имъ Э. Ф. Направникъ. Дня за два до концерта Направникъ пошелъ утромъ къ Патти съ предложеніемъ прорепетировать пьесу, которую она будетъ пѣть — вальсъ „Echo“ — Экерта, — чтобы ознакомиться съ ея исполненіемъ. Патти приняла Направника очень любезно и заявила ему, что съ такимъ талантливымъ дирижеромъ, какъ онъ, она и не думаетъ дѣлать репетиціи, тѣмъ болѣе, что и пьеса не сложная по музыкѣ. Э. Ф., всегда очень скромный и въ то же время очень тщательный къ своей работѣ, убѣждалъ Патти пройти пьесу, хоть съ фортепіано, такъ какъ онъ будетъ впервые вести оркестръ подъ ея пѣніе и ему хотѣлось бы знать, какіе и гдѣ она будетъ дѣлать отфѣнки, чтобы согласно этому дирижировать. Тогда Патти подала Э. Ф. ноты, онъ внимательно ихъ прочелъ и въ музыкѣ не нашелъ ничего замысловатаго, но все-таки упросилъ Патти хоть промурлыкать, чтобы ознакомиться съ манерой ея исполненія. Патти наконецъ согласилась, и Направникъ, аккомпанируя ей, въ то же время отмѣчалъ карандашемъ на нотахъ свои замѣчанія. Кончивъ маленькую репетицію и поблагодаривъ пѣвицу, онъ просилъ позволенія взять ноты съ собой, чтобы дома сдѣлать въ оркестровой партитурѣ всѣ помѣтки. Э. Ф. въ то время былъ новый, молодой дирижеръ оркестра Русской оперы. Получивъ отъ своего предшественника К. Н. Лядова (человѣка больного), запущенный оркестръ, онъ въ короткое время такъ основательно его подтянулъ и выправилъ, что сразу обратилъ на себя вниманіе публики. До этого лучшимъ оркестромъ въ Петербургѣ считался оркестръ итальянской оперы, онъ и участвовалъ во всѣхъ большихъ концертахъ, но съ того времени, какъ Направникъ сдѣлался дирижеромъ, оркестръ Русской оперы выдвинулся и замѣнилъ итальянскій, гдѣ капельмейстеры часто мѣнялись и удивляли своимъ фиглярствомъ, которымъ публика того времени восхищалась. Помню, какъ нѣкій Віанези по того широко размахивалъ правой рукой, что фракъ слѣзалъ у него съ плеча и была видна сорочка; но это все-таки не помогало плохому строю оркестра, чего впрочемъ публика не замѣчала.

Э. Ф. на репетиціяхъ былъ деспотомъ; онъ не пропускалъ ни одной оплошности, гдѣ бы она ни случилась: у солиста, въ хорѣ, или въ оркестрѣ.

Я, однако, немного уклонился въ сторону отъ своего разсказа.

Дома Э. Ф. тщательно провѣрилъ пьесу, которую должна была пѣть Патти. Наканунѣ концерта назначена была утроемъ репетиція, на которую явились всѣ солисты, въ томъ числѣ и я, но Патти не пріѣхала. Окончивъ всѣ нумера программы, Э. Ф. подъ конецъ прошелъ съ оркестромъ итальянскую пьесу, въ которой оркестру приходилось мало работы, аккомпанируя очень простыми модуляціями на тему вальса; пѣвицу изображалъ самъ дирижеръ, выпѣвая мотивъ фальцетикомъ. Репетиція прошла гладко.

Ежегодные концерты Патриотическаго Общества всегда были очень парадны, на нихъ присутствовала Царская фамилія, генералитетъ, придворные; начинался концертъ въ 1 часъ дня.

Я пріѣхалъ за полчаса до начала. Оркестръ былъ въ сборѣ и настраивался, залъ наполнялся публикой, которая все прибывала, и прибывала, распылаясь по всѣмъ угламъ, отыскивая свои мѣста. Блестящіе мундиры военныхъ, эффектные дамскіе туалеты, множество красивыхъ элегантныхъ дамъ,—все весело жужжало, какъ пчелы въ ульѣ. На хорахъ все полно биткомъ, сидящіе впереди оглядываютъ въ бинокли публику внизу и тоже болтаютъ. Въ углубленіи царской логи разговаривали нѣсколько придворныхъ дамъ и военныхъ генераловъ. Видъ зала былъ очень парадный и оживленный. Я вышелъ въ боковую комнату, гдѣ обыкновенно собираются участвующіе артисты. Э. Ф. былъ уже тамъ, онъ ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину; мы съ нимъ поздоровались.

— И. А.,—обратился онъ ко мнѣ,—вы пожалуйста въ вашей аріи, тамъ, гдѣ большая пауза,—знаете...

— Да, знаю.

— Какія тамъ слова?

Я подсказалъ.

— Ну вотъ,—такъ вы не торопитесь начинать, а вслушайтесь въ послѣдній аккордъ, понюхайте хорошенько сначала аккордъ,—при этомъ онъ улыбнулся, ударилъ свой носъ пальцемъ и показалъ какъ нюхать. — Чуть-чуть паузы, и твердо продолжайте дальше.

— Хорошо, хорошо, спасибо.

Наконецъ, явилась Патти съ своей камерфрау. На дивѣ была надѣта прелестная шуба, голова закутана въ мягкій платокъ, вы-

глядывали только кончикъ носа да блестящіе глазки. Камерфрау принялась ее раскутывать и черезъ минуту она любезно начала разговаривать съ Направникомъ, предоставивъ камерфрау снимать теплыя ботинки.

— Herr Napravnik, wie geht's Ihnen? Wohl?

Она вела все время разговоръ съ Направникомъ по-нѣмецки, подходила къ трюмо, поправляла свою прическу и брилліанты, а камерфрау суежилась около, оправляя на ней бѣлое атласное платье съ затканнымъ цвѣтами, предлиннымъ шлейфомъ. Затѣмъ Патти поздоровалась со всѣми присутствующими артистами, весело заговорила о холодѣ, о прелести ѣзды въ саняхъ, смѣялась и болтала такъ просто, мило, непринужденно. Нѣсколько, любопытныхъ изъ публики столпились у двери артистической комнаты, но приставленный капельдинеръ никого не пускалъ. Приближался часъ, а концерта не начинали, хотя артисты были въ сборѣ, а оркестръ давно притихъ. Э. Ф. въ перчаткѣ на одной правой рукѣ, поглядывалъ на часы и сжималъ губы. Наконецъ вбѣжалъ режиссеръ Морозовъ и объявилъ, что пріѣхала Государыня Цесаревна (нынѣ вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна), Великіе Князья и Княгини и что можно начинать. Э. Ф. тотчасъ же вышелъ на эстраду, и мы услышали аплодисменты, которыми встрѣтила его публика. Оркестръ грянулъ увертюру. Концертъ пообыкновенію былъ въ 2-хъ отдѣленіяхъ, съ антрактомъ. Патти приходилось пѣть по программѣ послѣднимъ номеромъ въ каждомъ отдѣленіи. Никто изъ артистовъ не рѣшался выходить на эстраду послѣ такого соловья. Кончили увертюру; не помню кто еще участвовалъ тогда, помню только, что когда я кончилъ свой номеръ, наступила очередь дивы. Она подошла къ зеркалу, оглядѣла себя вновь, обтерла губки платочкомъ, подала руку Направнику и пошла. Какъ только она показалась въ дверяхъ, затрещали громкіе, какіе-то особенные аплодисменты. Впереди шелъ режиссеръ, упрасивая сплоченную толпу публики по обѣ стороны дать мѣсто для прохода. Наконецъ, оба вышли на эстраду и аплодисменты усилились до урагана. Э. Ф. взомель на свое возвышеніе и, положивъ руку на пюпитръ, ждалъ въ готовой позѣ, когда Патти дастъ ему знакъ. Она же, выступивъ впередъ, ловкимъ движеніемъ ноги, откинула шлейфъ и начала съ веселой улыбкой раскланиваться, поднося платочекъ къ губамъ. Мы всѣ, артисты, тоже вышли въ залъ послушать. Долго гремѣли аплодисменты, а скрипачи въ оркестрѣ колотили смычками по спинкамъ скрипокъ; долго на всѣ манеры раскланивалась Патти, но наконецъ обернулась къ Направнику и кивкомъ головы попросила начать. Э. Ф. постучалъ палочкой по

пюпитру, оркестръ насторожился, публика затихла, Э. Ф. махнулъ палочкой и раздалось стройное вступленіе. Патти запѣла такъ, какъ только она одна могла пѣть: звонкій ея голосъ съ удивительной чистотой и красотой, свободно, увѣренно и легко переливался изъ одного тона въ другой; эта способность и прославила ее, голосъ ея былъ феноменаленъ по красотѣ и діапазону, всѣ замысловатые и трудные пассажи она выпѣвала удивительно чисто, шутя, и это поражало слушателя. Въ особенности восхищала она въ оперѣ Мейербера.— „Pardon de Ploermel“, на сценѣ со своей тѣнью, гдѣ она соперничала въ руладахъ съ кларнетомъ. Но дальше этой колоратурности и *brüo* она не шла.

При первыхъ звукахъ ея голоса публика замерла, оркестръ аккомпанировалъ ей мягко. Я стоялъ за колоннами вровень съ оркестромъ и хорошо видѣлъ лицо Направника, стоявшаго на возвышеніи; что же касается Патти, то мнѣ виденъ былъ только ея затылокъ. Вдругъ я замѣтилъ, что Направникъ моментально нагнулся къ сидящимъ близъ него музыкантамъ, шепнулъ имъ что-то, быстро обвелъ взглядомъ весь оркестръ, чрезъ секунду опять шепнулъ, и я разслышалъ, какъ будто онъ сказалъ: „Д“, а самъ съ нетерпѣніемъ переворачивалъ листы партитуры, безпрестанно бормоча что-то музыкантамъ, которые озабоченно глядѣли на него и все-таки продолжали играть, только казалось, что духовые инструменты притихли, а Патти все пѣла, заливалась. Но вотъ Направникъ пересталъ перелистывать партитуры и, махая въ тактъ правой рукой, лѣвую приложилъ трубкой ко рту, и я слышалъ, что онъ шепнулъ довольно ясно: „N“ и поднялъ обѣ руки, а оркестръ какъ бы встрепенулся. Направникъ подбодрялъ музыкантовъ, всѣ оживились, и черезъ пять минутъ Патти блистательно окончила свой нумеръ. Я не умѣю передать, какъ это замѣшательство въ оркестрѣ тогда произошло быстро и незамѣтно! Публика принялась хлопать, кричать, Патти раскланивалась на всѣ стороны, а Направникъ быстро прошелъ въ артистическую комнату. Требовали повторенія, поэтому музыканты не расходились. Черезъ нѣсколько минутъ Патти вновь явилась на эстрадѣ и повторила свой вальсъ еще блистательнѣе, но пьеса оказалась въ этотъ разъ нѣсколько длиннѣе. Публика долго еще вызывала пѣвицу, но, наконецъ, угомонилась, музыканты, положивъ свои инструменты на стулья, ушли съ эстрады отдохнуть на время антракта и покурить въ корридорѣ. Проходя въ это время мимо корридора, я услышалъ чрезвычайно оживленный громкій разговоръ музыкантовъ. Я зашелъ туда и, обращаясь къ одному изъ нихъ, спросилъ, что такое случилось?— Меня обступили и съ какимъ-то азартомъ, перебивая другъ друга

спѣшно и горячо рассказали, что Патти ошиблась, пропустила во 2-й половинѣ почти 30 тактовъ и перешла на кодъ (финаль) и что Направникъ не растерялся и ловко подхватилъ ее.

Въ антрактѣ мнѣ пришлось встрѣтить много знакомыхъ, съ которыми я заболтался, и когда потомъ вошелъ въ артистическую комнату, то увидалъ тамъ много лицъ изъ публики, которыя тѣснились около Патти и шумно съ ней разговаривали; вскорѣ однако явился режиссеръ и объявилъ Направнику, что пора начинать второе отдѣленіе.

— А оркестръ?—спросилъ Направникъ.—Всѣ на мѣстѣ,—отвѣтилъ режиссеръ, и Направникъ пошелъ на эстраду. Когда въ комнатѣ остались одни артисты, я подошелъ къ Патти и она начала мнѣ говорить, какую она сдѣлала непростительную ошибку въ своей пьесѣ. Я попросилъ ее объяснить, что случилось, и она рассказала, что запѣла, по какой-то досадной разсѣянности не сначала, не съ первой половины пьесы, а со второй и что Направникъ ее не остановилъ, а сумѣлъ съ полнымъ оркестромъ ее въ-время подхватить.

— Это удивительный капельмейстеръ, подумайте только, что и на фортепіано аккомпаниаторъ могъ бы растеряться и остановился бы, а съ оркестромъ это почти невозможно. Удивительно, удивительно! Мнѣ кажется, никто изъ публики не замѣтилъ моего промаха.

— Конечно, нѣтъ,—успокоилъ я ее.

Она опять начала хвалить Направника: „онъ должно быть, очень хорошій человѣкъ и видно, что солидный музыкантъ. Какъ у него стройно и оживленно идетъ оркестръ и какой онъ деликатный, вы, должно быть, всѣ его любите въ театрѣ“.

Я постарался объяснить ей, какое уваженіе питала къ Направнику вся оперная труппа, но тутъ помѣшалъ нашему разговору режиссеръ, сообщившій мнѣ, что надо выходить пѣть.

Остальная часть концерта прошла гладко. Послѣднимъ нумеромъ пѣла Патти подъ аккомпаниментъ фортепьяно свои излюбленные романсы, какъ-то „Si vous n'avez rien à me dire“ и др. Прочіе артисты должны были оставаться до конца, такъ какъ заявлено было, что Цесаревна желаетъ благодарить артистовъ за участіе и какъ только Патти окончила свои романсы, насъ повели за колонны, къ Царской ложѣ. Цесаревна вышла къ намъ и, съ присущей Ей очаровательной любезностію, наградила каждого изъ насъ ласковымъ словомъ. Затѣмъ, поклонившись намъ всѣмъ, Цесаревна направилась къ выходу.

Я сговорился съ Направникомъ побывать вечеромъ у нашего

общаго друга, Петра Карловича Альбрехта, у котораго мы часто проводили чрезвычайно пріятно вечера. Пріѣхавъ къ Альбрехту, мы застали тамъ многихъ нашихъ общихъ знакомыхъ за большимъ чайнымъ столомъ, нѣкоторые изъ нихъ были утромъ въ концертѣ. Поздоровавшись съ радушными хозяевами, мы присоединились къ столу, и за чаемъ Направникъ сталъ рассказывать, какой неожиданностью наградила его Патти въ сегодняшнемъ концертѣ. Онъ объяснилъ, что пѣса, которую пѣла Патти, была въ двухъ отдѣленіяхъ съ промежуточной ритурнелью, и оба отдѣленія начинались одинаковымъ мотивомъ въ тонѣ D dur, но во второмъ отдѣленіи этотъ мотивъ вскорѣ, чрезъ нѣсколько тактовъ, измѣнялся, переходилъ въ другую тональность, а Патти прямо начала пѣть со второго отдѣленія, и я только тогда, говорилъ онъ, замѣтилъ ея ошибку, когда она перешла въ другую тональность. Я тотчасъ обвелъ глазами духовые инструменты, и они замолкли, а квартету сталъ подсказывать аккорды акомпанимента, квартетъ сразу меня понялъ, а я, отыскавъ по партитурѣ, гдѣ пѣла Патти и, замѣтивъ по близости въ партитурѣ букву N ¹⁾, подсказалъ ее оркестру и такимъ образомъ поймалъ пѣвицу. Когда же Патти кончила пѣть и ушла съ эстрады, публика начала требовать повторенія. Я поспѣшилъ увидать Патти и спросилъ ее—будетъ ли она повторять?—Она отвѣчала утвердительно, тогда я попросилъ ее, чтобы она начала сначала.

— Ну да, а то какъ же? замѣтила она.

— Простите, говорю, но вы въ первый разъ начали пѣть со второго отдѣленія, и я насилу уловилъ васъ.

Она подумала немного, вспомнила и вскричала: Ахъ, Боже мой! что я сдѣлала! Какъ это случилось? Какъ я виновата передъ вами! Я не могу выразить моего удивленія, какъ вы сѣумѣли поймать меня, я искренно вамъ благодарна.

Но тутъ режиссеръ напомнилъ Патти, что публика ее вызываетъ, и я пошелъ съ ней на эстраду. Патти вновь спѣла вальсъ, но уже въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Все присутствующіе были удивлены такимъ случаемъ и разумеется хвалили и восхищались находчивостью и ловкостью, съ какою Э. Ф. вывернулся изъ непріятности и скандала; нѣкоторые начали было осуждать Патти въ ея небрежности, но это мнѣніе не было поддержано, и самъ Э. Ф. отнесъ происшедшее къ неожиданной случайности. Нашелся одинъ слушатель, который громко

¹⁾ Въ партитурѣ, для удобства провѣрки инструментовъ, ставятся чрезъ нѣсколько тактовъ буквы въ алфавитномъ порядкѣ. Тѣ же буквы пишутся и въ партіяхъ каждому инструменту.

заявилъ, что на мѣстѣ Направника, въ тотъ моментъ, когда Патти соврала, остановилъ бы оркестръ и предложилъ бы ей начать снова, чтобы показать всѣмъ, что вся вина въ ошибкѣ прямо произошла отъ нея. Но этотъ возгласъ прочіе не одобрили и не безъ основанія, какъ объяснилъ хозяинъ. Если бы Направникъ остановилъ оркестръ и обратился бы къ Патти съ объясненіемъ, конечно не во всеуслышаніе, то публика, въ невѣдѣніи, была бы увѣрена, что не Патти тутъ виновата—какъ можно! такая европейская знаменитость!—а вѣроятно молодой дирижеръ, Направникъ, не справился съ такой задачей, и что если бы Віанези былъ на его мѣстѣ—этого бы не случилось. Нѣтъ, сказали бы, далеко еще нашимъ доморощеннымъ музыкантамъ до итальянскихъ. Это было совершенно справедливо, въ особенности въ то время, да пожалуй и теперь, общественное мнѣніе въ этихъ дѣлахъ не вполне установилось.

* * *

Кстати мнѣ припомнился еще другой случай съ Патти въ Зимнемъ дворцѣ, въ день празднованія свадьбы Великой Княжны Маріи Александровны съ герцогомъ Эдинбургскимъ.

Въ 6 часовъ назначенъ былъ парадный обѣдъ въ Николаевскомъ залѣ, съ вокальной музыкой. Управляющимъ Императорскими театрами былъ тогда баронъ Кистеръ, человекъ очень энергичный, дѣятельный, пользовавшійся полнѣйшимъ довѣріемъ тогдашняго министра двора, графа А. В. Адлерберга, но по своей нѣмецкой заносчивости и скряжничеству онъ былъ страшно нелюбимъ во всѣхъ слояхъ петербургскаго общества. Бар. Кистеръ приказалъ составить программу обѣденнаго концерта, самъ назначилъ кому изъ русскихъ артистовъ участвовать, и пригласилъ также Патти принять участіе. Обѣденный концертъ бывалъ не длиненъ, полагалось времени 45 минутъ, безъ антрактовъ. Направникъ на репетиціи аккуратно разсчиталъ время и на непредвидѣнный случай записалъ два лишнихъ нумера. Порядокъ концертовъ при Высочайшихъ обѣдахъ былъ такой: Оперный оркестръ и участвующие артисты помѣщались на хорахъ Николаевской залы, справа отъ входа. Далѣе на хорахъ, почти противъ Высочайшаго стола, стояли военные трубачи, которые во время тостовъ, по данному снизу сигналу, играли тушъ и въ то же время раздавалась пальба изъ пушекъ съ крѣпости. Туши эти раздавались иногда во время исполненія какого-нибудь концертнаго номера, исполненіе тогда прерывалось, и когда фанфары и пальба прекращались, то прерванный номеръ концерта не повторялся, а начинали играть слѣдующій по программѣ номеръ. Сказать по правдѣ, артисты бывали довольны,

когда прерывали их пѣніе звуками трубъ, потому что не легко было пѣть на хорахъ, неудобно, стоя у самаго барьера, подъ шумъ и разговоръ обѣдающихъ 600 человѣкъ, шлепанье лакеевъ и стукъ ножей и вилокъ.

Въ назначенный день, къ 5 часамъ насъ, артистовъ, привезли въ Зимній Дворецъ, и мы размѣстились на хорахъ, гдѣ уже собрался оперный хоръ и оркестръ. Патти пріѣхала поздно. Внизу въ аванзалѣ собирались приглашенные придворные чины, генералы, сенаторы, придворныя дамы въ кокошникахъ, пестрая толпа все прибывала, придворные лакеи начали обносить всѣмъ на большихъ подносахъ водку и на другихъ подносахъ тартинки на закуску. Вся эта масса людей въ яркихъ мундирахъ, лентахъ, шелкахъ и брилліантахъ оживленно толпилась, разговаривала, смѣялась. Но вотъ вошелъ гофмаршалъ и пригласилъ всѣхъ пожаловать занять за столомъ мѣста. Двери въ залу открылись, и всѣ двинулись къ столамъ, отыскивая по разложеннымъ на приборахъ билетамъ свои мѣста; у каждого прибора лежали иллюстрированные меню обѣда и программы концерта. Столы были расположены такимъ образомъ: главный Царскій столъ, при входѣ въ залу, стоялъ поперекъ зала, а три другіе длинные стола, отступя немного отъ главнаго, стояли вдоль залы. За Царскимъ столомъ помѣщались: Государь, новобрачные и вся Царская фамилія, и министры. Когда установились всѣ приглашенные по своимъ мѣстамъ, начался выходъ изъ внутреннихъ покоевъ Императорской фамиліи. Какъ только Государь сѣлъ, оркестръ заигралъ увертюру изъ оперы „Русланъ и Людмила“, Глинки. Прошли 2 или 3 нумера цѣликомъ, но четвертый заглушили фанфары; это страшно удивило Патти. Затѣмъ спѣли еще нумеръ, и опять раздались фанфары и выстрѣлы пушки. Пришлось скоро выступить Патти, она пѣла арію изъ оперы „Эрнани“ Верди. Патти подошла къ барьеру, и ея голосъ зазвучалъ такъ очаровательно по залѣ, что невольно всѣ обѣдавшіе обратили вниманіе. Но обѣденный порядокъ шелъ своимъ чередомъ. Не успѣла Патти спѣть и трети своей аріи, какъ вдругъ снова раздались рѣзкіе звуки фанфаровъ. Патти отъ изумленія чуть не упала въ обморокъ и отошла отъ барьера въ глубь хоръ, со слезами, выражая неудовольствіе. Никто изъ насъ не могъ ее успокоить, такъ какъ ея сѣтованія были справедливы. Мы сами были обязаны подчиняться этому по службѣ, но Патти любезно согласилась украсить своимъ пѣніемъ придворный концертъ. По счастью, около насъ на хорахъ оказались два молодыхъ чиновника изъ канцеляріи Министерства Двора, и одинъ изъ нихъ побѣждалъ внизъ, а концертъ продолжался. Не прошло и десяти минутъ, какъ къ намъ

на хоры явился въ парадной формѣ баронъ Кистеръ. Онъ прямо подошелъ къ Патти и, поговоривъ съ ней, видимо ее успокоилъ, а затѣмъ, обратясь къ Направнику, сказалъ ему, чтобы слѣдующимъ номеромъ была арія изъ „Эрнани“, и тотчасъ же Патти подошла къ барьеру и спѣла всю арію безъ перерыва, блистательно. Я самъ видѣлъ, какъ Государь, Александръ II, по окончаніи аріи, взглянулъ на Патти, милостиво ей улыбнулся и кивнулъ головой. Патти, окончивъ пѣть, немедленно уѣхала.

На этомъ концертѣ вышелъ пресмѣшной случай съ нашимъ капельдиномъ, Николаемъ. При артистахъ, въ вѣдѣніи режиссера, находились два капельдинера для разныхъ порученій, для разноски повѣстокъ и репертуара артистамъ и пр., а также они распоряжались разсылкой каретъ для артистовъ и хора. Въ то время были такими капельдинерами Яковъ и Николай. Яковъ былъ солидный старичекъ, степенный, а Николай былъ молодой, очень услужливый и ловкій, но запивалъ. Оба они въ этотъ день были откомандированы въ Зимній Дворецъ съ артистами. Имъ поручено было охранять наше верхнее платье и распорядиться отправкой артистовъ по домамъ. Съ той стороны хоровъ, гдѣ расположенъ былъ оркестръ, находится комната, гдѣ разставлены параллельно стѣнамъ три витрины съ брилліантами. Въ этой комнатѣ и сидѣли наши капельдинеры съ разложеннымъ верхнимъ платьемъ артистовъ и музыкантовъ.

Когда окончился концертъ, и мы пошли одѣваться, то для нашихъ услугъ оказался на лицо одинъ, старичекъ Яковъ, который еле успѣвалъ разбирать и подавать пальто и ретонды.

— Гдѣ же Николай?—спрашивали нетерпѣливо всѣ.

— Да Николай нездоровъ,—отвѣчалъ Яковъ.

— Какъ такъ? Что съ нимъ? Гдѣ же онъ?

— Да вонъ задремалъ за шкафомъ.

Посмотрѣли, видимъ и точно — на полу за витринами, между какими-то корзинами дремлетъ нашъ Николай. Начали его будить, онъ еле открывалъ глаза; онъ блуждающими глазами оглядывался и не могъ сообразить, гдѣ находится, но, оправившись, принялся помогать Якову.

На другой день утромъ, когда мы собрались на репетицію въ театрѣ, Николай былъ на своемъ мѣстѣ, хмурый и отъ вчерашняго хмѣля и отъ того, что режиссеръ распеку его и пригрозилъ штрафомъ; когда его спрашивали, какъ онъ успѣлъ такъ нализаться, онъ угрюмо отмалчивался. Однако, послѣ разсказа, какъ было дѣло.

— Сидѣлъ я,—говорить,—съ Яковымъ въ комнатѣ около хоръ, слышу, начали играть. Я всталъ и подошелъ къ дверямъ, что на хорахъ, только вижу — съ лѣстницы идетъ лакей и несетъ бутылку и что-то вродѣ пирога. Вошелъ въ нашу-то комнату, да за шкапами нагнулся (между стѣной и витринами былъ проходъ) и, положивъ бутылку и пирогъ, опять пошелъ по лѣстницѣ внизъ. Спустия немного пришелъ такой же лакей, этотъ принесъ двѣ бутылки и какую-то красную булку, тоже зашелъ за шкафы, только съ другой стороны и тоже нагнулся и должно-быть спряталъ тамъ и бутылку, и булку; повернулся и ушелъ по лѣстницѣ внизъ.—„Что, думаю, они тутъ прячуть?“—Пошелъ я за шкафы, обошелъ вокругъ и увидалъ тамъ, въ разныхъ углахъ, три корзины съ крышками. Полюбопытствовалъ—что въ нихъ?—открылъ одну и увидалъ въ ней закупоренную бутылку съ какимъ-то виномъ и пирогъ какой-то. Открылъ другую—та была пустая, а въ третьей лежали двѣ бутылки и красная булка. Только-что я успѣлъ выйти изъ-за шкаповъ, какъ прибѣжалъ третій лакей съ тремя бутылками и еще съ чѣмъ-то, завернутымъ въ бумагу, и положилъ въ корзинку, которая была пустая, и ушелъ.

— Мнѣ эта оказія застѣла въ башку; какъ это, думаю, они такъ вольно устраиваютъ. Тутъ опять пришелъ одинъ изъ трехъ лакеевъ и опять притащилъ бутылку и ананасъ, потомъ опять первый пришелъ съ бутылками, затѣмъ второй—сунулъ принесенное въ свою корзину и мигомъ вонъ. Какъ только начали палить, они перестали прибѣгать. Тутъ и забрало меня любопытство: что у нихъ въ бутылкахъ? Ножикъ со штопоромъ былъ у меня въ карманѣ, я зашелъ за шкапикъ, присѣлъ, вынулъ изъ корзинки первую попавшуюся мнѣ бутылку, тихонько откупорилъ ее, глотнулъ—вино кисловатое, но хорошее; глотнулъ еще разъ, оно показалось вкуснѣе, я выпилъ все. Пустую закупорилъ и положилъ обратно въ корзину подъ низъ, да скорехонько и вышелъ изъ-за шкаповъ. Сталъ я опять у дверей, наши играютъ и поютъ, а лакеевъ больше не видать. Стою. это, смакую ртомъ вино, да думаю: чтожъ я у одного угостился, а можетъ быть у другого вино-то лучше. Постоялъ, постоялъ у дверей, да пошелъ за шкапы съ другой стороны, досталъ тамъ изъ корзины бутылку, откупорилъ, попробовалъ. Эта была должно быть вродѣ какъ съ мадерой, тоже вкусная. Я и эту покончилъ и пустую на мѣсто уложилъ. Потомъ постоялъ немного у дверей, и страсть какъ захотѣлось мнѣ испробовать вино у третьяго. Недолго думая, пошелъ я за средніе шкапы, досталъ изъ третьей корзины бутылку, та была поменьше. Попробовалъ—сладкое, отпилъ половину, не понравилась, закупо-

рилъ еѣ и опять положилъ обратно. Потомъ опять сталъ у дверей, жарко на хорахъ стало, отдохнуть мнѣ, мочи нѣтъ, какъ захотѣлось, я пошелъ въ комнату, положилъ въ уголъ на полъ свою шубенку, присѣлъ на нее, да и задремалъ.

Вотъ и все. Тутъ вскорѣ Яковъ окликнулъ меня, что кончили играть, пора разбираться съ шубами. Я вскочилъ и свое дѣло исполнилъ, какъ слѣдуетъ.

Мы посмѣялись, а Яковъ, стоявшій тутъ же и слышавшій разсказъ, замѣтилъ:

— Это онъ сдѣлалъ по пословицѣ—воръ у вора дубинку укралъ.

VII.

Злополучный теноръ.

Въ 1856 г., занимаясь торговлей, я познакомился и велъ небольшія дѣла съ армяниномъ Грикуровымъ. Онъ торговалъ оптомъ шелковыми матеріями, канаусомъ, мовью и проч.; имѣлъ кладовую въ Гостиномъ дворѣ. Этотъ Грикуровъ былъ человѣкъ добродушный, веселый и гостепріимный. Онъ часто угощалъ меня своими обѣдами изъ національных блюдъ, которыя изготовлялъ самъ; за обѣдомъ пили только кахетинское вино. Жилъ онъ на дворѣ Армянской церкви. Обычныхъ посѣтителей на его обѣдахъ, кромѣ меня, было еще два общихъ пріятели.

Разъ какъ-то зимой я пришелъ къ нему по приглашенію на обѣдъ и встрѣтилъ новаго сотрапезника. Оказалось, что это былъ тоже армянинъ, старичекъ, низенькій, полусѣдой, коротко остриженный, съ усами и съ небольшою бородкой, съ быстрымъ взглядомъ, чрезвычайно подвижной, хорошо говорившій по-русски, но съ акцентомъ. Говорилъ теноркомъ и скоро, весело смѣялся, осылая беззубый свой ротъ. Фамилія его была Сукіасовъ. Вкусно и оживленно пообѣдавъ, мы закурили папирсы, а хозяинъ обратился къ Сукіасову:

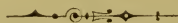
— Другъ, угости-ка насъ, спой что-нибудь!

— Что же я тебѣ спою? Ты знаешь, я не умѣю пѣть романсовъ, а пою только свои персидскія пѣсни; можетъ быть твоимъ гостямъ это пѣніе не понравится.

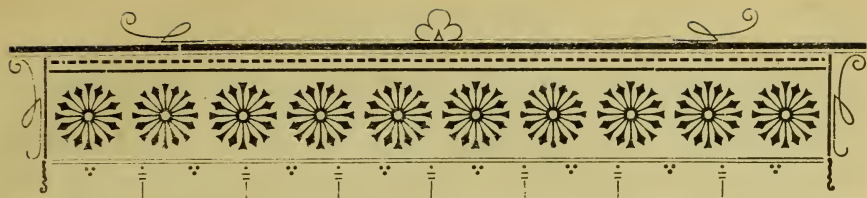
— Ну какъ не понравится,—настаивалъ Грикуровъ:—они ничего такого не слышали.

Мы присоединили свои ¹⁾.

И. А. Мельниковъ.

¹⁾ На этихъ строкахъ, къ величайшему сожалѣнію, прерываются записки И. А. Мельникова.

Устроители Болгаріи: князь Черкасскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ и Столыпинъ ¹⁾.

Очувственные отзывы о покойномъ устроителѣ Болгаріи князѣ Черкасскомъ были помѣщены какъ въ русскихъ, такъ и въ болгарскихъ газетахъ. Извѣстный болгарскій писатель С. С. Бобчевъ опубликовалъ нѣсколько писемъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ болгарскихъ дѣятелей по поводу смерти князя Черкаскаго. Вотъ напр. отзывъ одного учителя (не русскаго воспитанника): „Всѣ здравомыслящіе люди у насъ вполнѣ цѣнятъ труды князя и видятъ въ немъ способнаго и энергичнаго правителя. Старики удивляются его обычаю лично все узнавать, лично изслѣдовать и распоряжаться. Ты помнишь, что этой замѣчательной чертѣ князя Черкаскаго и мы не менѣ дивились въ Бухарештѣ. Привыкши къ турецкимъ порядкамъ, въ силу которыхъ всѣ распоряженія вали (генераль-губернатора) дѣлались черезъ вторыхъ, третьихъ руки, болгары смотрятъ на князя, какъ на неутомимаго дѣятеля и между собою ему дали прозваніе „чиличанъ-човѣкъ“ (т. е. стальной чловѣкъ). Князь Черкасскій предоставилъ населенію самое широкое самоуправленіе. Административные и городскіе совѣты мы выбирали безъ малѣйшаго чьего-либо вмѣшательства. Мало того: князь предоставлялъ намъ инициативу нѣкоторыхъ мѣръ, необходимыхъ для проявленія нашихъ народныхъ силъ. Однако нельзя опровергать и того факта, что есть недовольные. На всѣхъ не угодишь. Эти недовольные дѣ-

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1909 г.

лятся на два разряда. Первый состоитъ изъ тѣхъ „чорбаджій“¹⁾, которые не нашли въ князѣ той доступности, которую они привыкли встрѣчать у турецкихъ пашей, готовыхъ по обыкновенію на всякія корыстныя сдѣлки. Второй разрядъ—это нѣкоторые изъ молодежи, помогавшіеся высокихъ должностей и не получившіе ихъ. Они обвиняютъ князя въ томъ, что онъ не закрылъ совершенно доступа къ городскимъ и административнымъ совѣтамъ чорбаджіямъ, которые прежде были будто-бы настоящими турками. Я не спорю о томъ, что между нашими чорбаджіями есть порядочное число такъ-называемыхъ кулаковъ, эксплуататоровъ бѣдныхъ болгаръ; но, ради Бога, кто лучше чорбаджій знаетъ отношенія народа къ турецкимъ властямъ, кто былъ бы въ состояніи немедленно принять участіе въ административныхъ и городскихъ дѣлахъ, какъ не тѣ, которые еще наканунѣ принимали постоянное участіе въ управленіи? Чорбаджіи были даже необходимы на первое время; и если между ними и попадались негодные, это вовсе не вина организатора Болгаріи, а виноваты въ томъ мы, которые выбирали этихъ же чорбаджій безъ разбора. И развѣ между нашею молодежью нѣтъ такихъ, которымъ еще меньше можно довѣрить, чѣмъ самому негодному чорбаджію?“

Другой болгаринъ, вѣнскій житель, посѣтившій свой родной городъ, писалъ Бобчеву о кн. Черкасскомъ слѣдующее: „Что бы ни говорили о дѣятельности князя Черкасскаго, я знаю одно: князь былъ всею душою преданъ своему дѣлу, неустанно трудился, чтобы дать по возможности болѣе прочныя основанія освобожденной Болгаріи и искалъ, такъ сказать, со свѣчкою въ рукѣ способныхъ нашихъ соотечественниковъ, которыхъ, къ несчастію, не всегда могъ найти“.

Въ Филиппопольскомъ кафедральномъ соборѣ была отслужена торжественная панихида по почившемъ князѣ, послѣ чего мѣстный проповѣдникъ, архимандритъ Меодій Кусевичъ, произнесъ рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами: „Скорѣе неуспынные труды по устройству Болгаріи (которыхъ я часто былъ очевидцемъ), чѣмъ что-либо другое, унесли преждевременно въ могилу этого перваго гражданскаго управителя освобожденной Болгаріи: не забыть ей никогда трудовъ, положенныхъ въ основаніе ея будущаго устройства“.

Послѣ смерти князя Черкасскаго временнымъ замѣстителемъ его былъ назначенъ генералъ Д. Г. Анучинъ. Однажды, когда онъ до-

¹⁾ Чорбаджіями у болгаръ пазываются тѣ ихъ соотечественники, которые находились на службѣ у турокъ.

кладывалъ Великому Князю Николаю Николаевичу свою записку о дѣятельности гражданскаго управленія, Великій Князь былъ удивленъ тѣмъ, что это управленіе успѣло сдѣлать такъ много за время своего существованія, и выразилъ сожалѣніе, что не зналъ этого ранѣе. Фраза эта сдѣлалась понятной генералу Анучину только впоследствии, а именно въ 1889 году, когда онъ ознакомился съ содержаніемъ всеподданнѣйшаго письма отъ 13 февраля 1878 г., въ которомъ главнокомандующій, между прочимъ, доносилъ: „Мнѣ пріятно также, что мы съ Тобою сошлись въ выборѣ князя Дондукова комиссаромъ и командующимъ оккупационными войсками въ Болгаріи. Я именно хотѣлъ Тебѣ объ этомъ писать и просить. Долгомъ считаю Тебѣ конфиденціально сказать, что я совершенно недоволенъ княземъ Черкасскимъ въ отношеніи его управленія гражданскою частью въ Болгаріи. По этой части почти что до сей минуты имъ ничего не сдѣлано и не подготовлено. Напротивъ, по дѣламъ Краснаго Креста онъ выказалъ много энергии и умѣнья. Князь Черкасскій теперь серьезно боленъ, и если выздоровѣетъ, то возстановленіе здоровья потребуетъ много времени. Его обращеніе съ болгарами и вообще съ подчиненными возбудило съ перваго начала уже нерасположеніе къ нему, и росло оно все болѣе и болѣе; я лично съ нимъ ладилъ, хотя, признаюсь, работать съ нимъ не легко. Теперь, по случаю его болѣзни, возможна его замѣна другимъ лицомъ: его страшное самолюбіе не будетъ такъ раздражено, и замѣну его для пользы дѣла нахожу до крайности необходимой“.

Принявъ во вниманіе выраженіе удивленія и сожалѣнія Великаго Князя при чтеніи записки генерала Анучина, слѣдуетъ заключить, что вышеизложенное мнѣніе его о князѣ Черкасскомъ было видимымъ недоразумѣніемъ, явившимся, быть можетъ, вслѣдствіе внушеній со стороны его приближенныхъ.

Немало нареканій на князя Черкасскаго появилось и въ нашей печати, особенно послѣ его смерти; исходили они преимущественно отъ лицъ, пѣвшихъ съ чужого голоса или обиженныхъ чѣмъ-нибудь бывшимъ устройтелемъ Болгаріи. Таковы: князь В. Д. Дабика (см. его статью „Санъ-Стефано и Константинополь въ февралѣ 1878 г.“ въ „Русской Старинѣ“ 1888 г.), В. И. Немировичъ-Данченко (написавшій книгу „Послѣ войны“, Спб. 1880 г.) и И. С. Ивановъ (издавшій „Сборникъ статей“, Кишиневъ, 1896 г.). Два первые изъ названныхъ писателей, основываясь на слышанныхъ ими мнѣніяхъ, упрекаютъ князя Черкасскаго въ томъ, что у него не было никакого плана при устройствѣ Болгаріи, что все дѣлалось безъ всякой обдуманности, по вдохновенію, что онъ не

принималъ никакихъ мѣръ для искорененія злоупотребленій и что выдвигалъ болгаръ-чорбаджій. Первый и послѣдній жалуются еще на рѣзкость обращенія князя съ болгарами.

Даже изъ бѣглаго очерка дѣятельности гражданскаго управленія можно, кажется, заключить, насколько обдуманно, систематичны и основательны были мѣры, принимавшіяся кн. Черкасскимъ для устройства Болгарскаго края,—его преемнику оставалось только продолжать начатое имъ дѣло. Что же касается злоупотребленій въ администраціи, то таковыхъ при кн. Черкасскомъ было обнаружено очень мало, и нельзя сказать, чтобы они оставались безнаказанными (такъ систовскій губернаторъ Геровъ былъ смѣщенъ съ должности за незаконныя дѣйствія). Если же и были „капитаны съ нагайками“, которые, по словамъ г. Немировича-Данченко, охотно прибѣгали къ этому средству воздѣйствія, то вѣдь это же не было зауряднымъ явленіемъ въ болгарской администраціи. При томъ не нужно упускать изъ виду того, что устройство завоеваннаго нами края происходило въ военное время, когда необходима была быстрота и точность въ исполненіи приказаній начальствующимъ лицъ,—вотъ это и вызывало иногда саморучную расправу. А г. Немировичъ-Данченко постарался отдѣльные случаи возвести въ общее явленіе. И вышло у него такъ, что гражданское управленіе въ Болгаріи ознаменовалось свистомъ нагаекъ, поборами и несправедливостями... Впрочемъ, г. Немировичъ-Данченко, кажется, самъ устыдился своего памфлета, такъ какъ не переиздавалъ его болѣе.

Совершенно несправедливо также обвиненіе кн. Черкасскаго въ покровительствѣ чорбаджіямъ: на административныхъ должностяхъ ихъ не было; а если ихъ выбирали въ городскіе и управительные совѣты, то вѣдь это была добрая воля населенія, такъ какъ на выборы администрація никакого давленія не оказывала.

На рѣзкость князя Черкасскаго въ обращеніи съ болгарами особенно упираетъ г. Ивановъ, самъ болгаринъ по происхожденію. Упрекъ этотъ справедливъ. Но вѣдь кн. Черкасскій былъ рѣзокъ не съ одними болгарами. Относительно же политикующей болгарской интеллигенціи онъ держался того взгляда, что ее нужно держать построже, такъ какъ дѣло освобожденія велось и должно было быть окончено русскими. Это онъ и высказалъ прямо депутаціи отъ болгарской оmlадины, которая до перехода русскихъ черезъ Дунай устроила въ Бухарестѣ комитетъ, намѣревавшійся подъ прикрытіемъ русскихъ штыковъ управлять судьбами Болгаріи; вмѣстѣ даже была издана особая прокламація „Къ болгарскому народу“.

Самъ г. Ивановъ ¹⁾ протезировалъ претенденту на болгарскій престолъ—румыну болгарскаго происхожденія князю Эмануилу Богориди. Въ Плоэштахъ Ивановъ водилъ Богориди въ лагерь болгарскихъ ополченцевъ и затѣмъ представилъ его кн. Черкасскому. Послѣдній сказалъ Богориди, что ему прежде всего нужно выучиться по-болгарски, а Иванову сдѣлалъ строгій выговоръ. Вотъ и явилась причина къ жалобѣ на „рѣзкость обращенія“. Кажется, личное неудовольствіе вдохновляло также и кн. Дабижу, когда онъ писалъ свою статью „Санъ-Стефано и Константинополь“. По крайней мѣрѣ, разбирая архивъ кн. Черкасскаго въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, я нашелъ въ пачкѣ прошеній лицъ, ходатайствовавшихъ о принятіи ихъ на службу по гражданскому управленію въ Болгаріи, и прошеніе кн. Дабижи; а принять-то онъ не былъ...

Кн. Дабижа утверждалъ также въ своей вышеупомянутой статьѣ, что кн. Черкасскій во время нахождения при дѣйствующей арміи уже не обладалъ той умственной силой и тѣми организаторскими способностями, которыя онъ проявилъ, напр., въ Царствѣ Польскомъ. На это ближайшій помощникъ князя, генералъ Анучинъ (бывшій съ нимъ и въ Польшѣ) возражаетъ, что во время войны такого умаленія способностей въ кн. Черкасскомъ онъ, по совѣсти говоря, не замѣтилъ, хотя нашелъ въ немъ много перемѣнъ. Измѣнился князь Владиміръ Александровичъ и по наружности, и нравственно. „Физическая сила и крѣпость не бросались уже въ глаза, какъ прежде; онъ видимо опустился, и здоровье его казалось пошатнувшимся. Волосы на головѣ и усахъ были съ большою сѣдиной, носъ и подбородокъ заострились и выказывали сильное стремленіе соединиться другъ съ другомъ; многихъ зубовъ не было, отчего ротъ впалъ, и произношеніе сдѣлалось пришепывающимъ. Одни глаза были по-прежнему быстры и ясны; смѣло и какъ-то саркастически смотрѣли они черезъ очки, которыхъ онъ никогда не снималъ. Лицо его, особенно въ профиль, весьма напоминало остроумную фizioномію Тьера съ примѣсью, однако, чего-то жестокаго и холодно-надменнаго“. „Умъ его, по-прежнему блестящій, сдѣлался, подъ вліяніемъ житейскихъ невзгодъ, болѣе скептическимъ, не потерявъ, однако, ни малѣйше прежней способности къ самой тонкой наблюдательности, безошадному анализу и неистощимому юмору, который онъ не всегда удерживалъ въ должныхъ границахъ. По-прежнему же, обсуждая какое-нибудь дѣло, онъ весь отдавался занимавшему его предмету, не ста-

¹⁾ Бывшій кишиневскій исправникъ, болгаринъ по происхожденію.

рался сглаживать своихъ мнѣній мягкими, круглыми фразами и, какъ встарь, безъ всякаго, однако, намѣренія съ своей стороны, подавлялъ собесѣдниковъ сознаниемъ своего превосходства надъ ними, что и сквозило, такъ сказать, во всѣхъ фибрахъ его лица. Наиболѣе значительная перемѣна сказывалась въ томъ, что „во время послѣдней войны въ немъ какъ бы совершенно исчезъ проявлявшійся въ Варшавѣ демократизмъ и замѣнился сословною нетерпимостью и убѣжденіями наиболѣе узкосмотрящаго аристократизма. Долгая и праздная жизнь въ Москвѣ наложила на него свой отпечатокъ“.

Изъ всѣхъ характеристикъ кн. Черкаскаго наиболѣе удачная принадлежитъ его другу съ молодыхъ лѣтъ, И. С. Аксакову. Приведу выдержку изъ блестящей рѣчи, произнесенной имъ въ торжественномъ засѣданіи Московскаго славянскаго общества 5-го марта 1878 г.

„Путемъ смертей и страданій призваны мы были совершить святое дѣло воскресенія нашихъ братьевъ. Болгарская почва упитана русскою кровью. На русскихъ костяхъ стала Болгарія. И еще недавно, уже по прекращеніи брани, послѣдній торжественный актъ ея освобожденія и признанія ея самостоятельнаго бытія ознаменовался великою русскою жертвою. Во главу угла ея вновь созижденнаго гражданскаго строя легъ самъ строитель, легъ человѣкъ, отмѣченный высшими дарованіями. Учредитель и организаторъ этой новой, сотворенной Россіею, Болгаріи сраженъ внезапно нервнымъ ударомъ въ селеніи Санъ-Стефано, въ виду Царьграда и св. Софіи, 19 февраля, въ самый день подписанія мирнаго договора, въ тотъ мигъ, когда, послѣ долгихъ, тяжкихъ трудовъ, онъ по праву могъ бы сказать себѣ: „теченіе скончалъ, подвигъ совершилъ“. Смерть Черкаскаго—не просто утрата умнаго, полезнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля: убыло знаменитымъ умомъ, убыло цѣлою крупною общественною силою, и замѣнить ее нечѣмъ.

„Странное, замѣчательное, совершенно оригинальное явленіе представлялъ собою въ Россіи князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій именно этимъ сочетаніемъ въ себѣ дѣятеля общественнаго и государственнаго. Онъ былъ безспорно человѣкомъ государственнымъ и принималъ дѣятельное участіе въ величайшихъ государственныхъ дѣяніяхъ нынѣшняго царствованія, но онъ никогда не принадлежалъ къ сонму ни царедворцевъ, ни сановниковъ, не считался у нихъ своимъ и не проходилъ обычныхъ ступеней нашей служебной іерархической лѣстницы. Онъ всегда, вольно и невольно, сохранялъ за собою характеръ какъ-бы представителя или

делегата отъ общества на государственномъ дѣлѣ, хотя бы онъ былъ и главнымъ его руководителемъ. Его имя служило уже знаменемъ, возвышавшимъ всякій разъ особую важность порученной ему работы, ея особое значеніе не только для государственныхъ, но и для общественныхъ, для національныхъ интересовъ. Таковы факты, представляемые его жизнью, которыхъ не можетъ отрицать никакое недоброжелательство, хотя бы и пыталось извратить ихъ дѣйствительный смыслъ.

„Это былъ умъ сильный, обширный, дѣятельный, просвѣщенный многосторонними познаніями, чрезвычайно ясный и обладавшій необыкновенною творческою способностью низводить абстракты на реальную почву, запутаннѣйшія отвлеченныя теоріи приводить къ конкретной, практической формулѣ, и многотруднымъ задачамъ отыскивать самое простое рѣшеніе. Онъ былъ чуждъ всякаго доктринерства въ смыслѣ подобострастія доктринѣ и насильственного подчиненія ей жизни, никогда не рабствовалъ отвлеченной логикѣ; напротивъ—онъ считался съ жизнью, съ бытомъ, цѣнилъ и уважалъ русскую исторію и органическія стихіи народа, умѣлъ въ своихъ работахъ примѣняться къ современной дѣйствительности и вступать съ нею въ плодотворное соглашеніе. Онъ не былъ ни идеалистомъ, ни теоретикомъ, но признавалъ значеніе и идеализма, и теоретической дѣятельности, и замѣчательно, что люди, съ которыми онъ былъ наиболѣе близокъ, были большею частію именно люди теорій и идеаловъ и нисколько не практики. Изъ идеаловъ онъ держался наиболѣе доступныхъ осуществленію и любилъ теорію лишь какъ освѣщеніе данныхъ жизни, какъ разумъ фактовъ. Но что онъ любилъ пуще всего и самоотверженно,—это честь и достоинство Россіи и, безусловно вѣруя въ русскій народъ, въ его великую всемірно-историческую будущность, трудился неутомимо, не щадя силъ,—какъ уже выразился князь Александръ Васильчиковъ въ своей прекрасной статьѣ,—надъ основаніями, а не надъ вѣнцомъ зданія.

„Значеніе князя Черкаскаго въ дѣлѣ славянскаго возрожденія не только даетъ мнѣ право, но и налагаетъ обязанность задержать нѣсколько долѣе ваше вниманіе на этомъ недавно отошедшемъ и возстановить, насколько мнѣ это возможно, его истинный нравственный образъ. Говорю „возстановить“, потому что, къ сожалѣнію, этотъ образъ большею частью совершенно искаженъ въ сознаніи русской публики, и если всѣ сходились въ признаніи за нимъ блистательныхъ дарованій, то, наоборотъ, нравственная сторона его дѣятельности подвергалась самой разнообразной, хотя большею же частью отрицательной оцѣнкѣ. Князь Васильчиковъ уже коснулся

этого явления и указалъ, что служило къ нему поводомъ, изъ кого главнымъ образомъ состоялъ хоръ ожесточенныхъ хулителей. Нѣтъ сомнѣнй, русскіе крѣпостники, реакціонеры, скрывающіеся теперь подъ псевдонимомъ „консерваторовъ“, польскіе паны и ксендзы, оторыхъ интересы имущественные и политическіе такъ много пострадали отъ реформъ, совершенныхъ при дѣятельномъ участіи Черкаскаго, цытали къ нему непримиримою ненавистью и, не жалѣя клеветъ, постарались и успѣли настроить враждебно къ нему людское мнѣніе. Было бы, однако же, ошибкою утверждать, что только они, и они одни, относились къ Черкасскому съ неприязнью. Вина лежала отчасти и на самомъ князѣ. Всегда радушный хозяинъ, любезный и привѣтливый съ близкими или съ сочувственными ему лицами, Черкасскій по большей части стоялъ къ людямъ только одною стороною — стороною мысли, ума, расчета. Онъ слишкомъ презрительно относился къ людскимъ толкамъ и пересудамъ, не заботился о мнѣнй лицъ, имъ не высоко цѣнимыхъ, и никогда не пытался разсѣять недоразумѣнй, вызванныя его рѣчами и внѣшнимъ обращеніемъ. Какъ острый лучъ свѣта рѣжетъ слабые, подслѣповатые глаза, такъ его острый умъ кололъ, рѣзалъ, особенно же глаза съ туманною мыслью, ублажающихся самооболеженіемъ. Онъ любилъ, къ сожалѣнй слишкомъ любилъ, издѣваться надъ добродушною глуповатостью, и уже безъ малѣйшей пощады клеймилъ высокомерную, злую глупость. Онъ владелъ удивительнымъ умѣнйемъ выворачивать изнанку высокопарныхъ рѣчей своего антагониста, и въ грудѣ фразъ о безкорыстй и гуманности обличать присутствіе тайнаго, своекорыстнаго мотива. Всякое излишество чувствительности, все, въ чемъ было ужъ очень мало ума, хотя бы и много сердца, мало толка, а только прекрасныя тщетныя пожеланй, что было больше по части праздныхъ чувствъ, чѣмъ настоящаго дѣла, встрѣчало въ немъ ироническую улыбку, которая, разумѣется, рѣдко ему прощалась. Дѣйствительно, онъ не всегда достаточно бережно отрезвлялъ юную идеалистическую восторженность, и этого, понятно, не могла любить пылкая молодежь. Таковы были особенности, скажу прямо, недостатки его натуры, связанные органически съ положительными свойствами его ума и дарованій. Онъ говорилъ въ свое оправданіе, что никто по крайней мѣрѣ не обвинить его въ притворствѣ. И дѣйствительно, онъ никогда не притворялся; но онъ не только никогда не щеголялъ, а даже какъ бы боялся покрасоваться своими добрыми нравственными качествами и, предпочитая казаться хуже, чѣмъ лучше, — вполне въ этомъ успѣлъ. Я позволю себѣ коснуться одной интимной его черты. Этотъ „безсердечный“ человекъ (какъ

его называли) былъ самымъ заботливымъ и великодушнымъ изъ родственниковъ. Я не знавалъ сына нѣжнѣе и почтительнѣе къ матери (скончавшейся только за два мѣсяца до него); но если бы кто-либо изъ самыхъ приближенныхъ друзей отважился похвалить ему такое его качество, онъ, вѣроятно, вызвалъ бы отъ Черкаскаго какой-нибудь не совсѣмъ пріятный отвѣтъ. Въ его добрыхъ личныхъ дѣлахъ, — а ихъ было немало, — не было вовсе той елейности, которая нерѣдко цѣнится людьми выше, чѣмъ самое добро.

„Но всѣ эти недостатки, сами по себѣ несущественные, могли подать поводъ только къ недоумѣніямъ. Гораздо серьезнѣе общія, ходячія, сложившіяся въ обществѣ обвиненія. Его постоянно клеймили и еще не перестаютъ клеймить прозваніемъ честолюбца, властолюбца, человѣка безъ убѣжденій, руководившагося лишь эгоистическимъ, личнымъ разсчетомъ.

„Хоть и справедливо, что историческихъ дѣятелей, какимъ былъ князь Черкасскій, судить исторія; хотя, можетъ быть, и приличнѣе было бы, въ виду еще не опущеннаго въ могилу гроба, воздержаться теперь отъ всякой строгой оцѣнки, — однако же эти соображенія не настолькоъ вѣски, чтобы давать безвозбранно укорениться ложнымъ навѣтамъ и оставлять въ заблужденіи современниковъ, въ чаяніи отдаленнаго суда потомковъ; тѣмъ болѣе, что смерть имѣетъ особенное свойство: разомъ подводя итогъ земному дѣланію человѣка, облегчаетъ его уразумѣніе и всему отводитъ свое мѣсто“.

Пропускаю біографическія черты и перехожу прямо къ характеристикѣ и дѣятельности князя Черкаскаго въ Болгаріи:

„Если только представить себѣ исполинскій объемъ, обстановку, всѣ трудности порученной Черкасскому задачи, такъ можно лишь дивиться, какъ сумѣлъ одолѣть ее князь Черкасскій и дать ей удовлетворительное рѣшеніе. Предстояло вводить гражданскій строй въ страну политически не существовавшую, которая даже не имѣла и признанныхъ географическихъ очертаній, которая была дотолѣ не болѣе, какъ этнографическимъ терминомъ; въ страну почти незнаемую, о которой ни русская наука, ни министерство иностранныхъ дѣлъ не заготовили никакихъ точныхъ свѣдѣній; въ страну, постепенно отвоевываемую у непріятеля, такъ что нельзя было даже заложить общаго фундамента сразу и вывести зданіе хоть вчернѣ, съ тѣмъ чтобы потомъ заняться его отдѣлкою и приспособить къ жилью, а приходилось, держа общій планъ, общую систему въ умѣ, строить кусками то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ и, не имѣя цѣлю, приводить въ жизнь и въ

дѣйствіе отдѣльныя второстепенныя части; наконецъ, въ страну, представлявшую менѣе удобствъ для рѣшенія подобной задачи, чѣмъ даже какая-нибудь Ферганская область. Въ послѣдней достаточно было смѣнить хана и высшихъ чиновъ и воспользоваться существующимъ гражданскимъ матеріаломъ; здѣсь же совершался цѣлый социальный переворотъ, перемѣщеніе слоевъ населенія. Весь верхній, правящій слой—турецкій—снялся или уничтожался; съ появленіемъ русскаго войска бѣжало все, отъ паши до послѣдняго каваса, рушился весь административный порядокъ: надлежало вновь созидать все, сверху до низу, спѣшно, безъ малѣйшаго промедленія“.

„Прибавьте къ этому, что этотъ гражданскій строй вводится на самомъ театрѣ войны, по пятамъ воюющихъ войскъ, дѣйствующихъ естественно въ сферѣ „военнаго положенія“, которое въ тоже самое время есть прямое отрицаніе гражданского! Рядомъ съ насиліемъ, хотя бы и организованнымъ, приходилось водворять организованную свободу, законность, порядокъ, и въ то же время удовлетворять военнымъ потребностямъ трехсоттысячной арміи! Идутъ полки, гонятъ турокъ, отнимаютъ городъ; вслѣдъ за ними водворяется гражданское управленіе,—и новые полки, проходя, не имѣя уже права распоряжаться по военному положенію, настойчиво предъявляютъ свои неотлагательныя нужды къ управленію, созданному лишь наканунѣ. Сколько поводовъ обвинять это управленіе въ недостаткѣ порядка и распорядительности! Прибавьте къ этому еще, что гражданскому организатору приходилось имѣть дѣло съ населеніемъ хотя и родственнымъ, расположеннымъ къ намъ, но терроризованнымъ и насиліями турокъ, и нашими неудачами, населеніемъ, отъ пятистолѣтняго рабства лишившимся всякой инициативы. Да и какое же могло быть добровольное содѣйствіе болгаръ въ тѣхъ мѣстностяхъ, на примѣръ, которыя не разъ переходили отъ турокъ къ русскимъ и отъ русскихъ къ туркамъ? Могли ли болгары, особенно въ селахъ, приниматься охотно за самоуправленіе по приглашенію русскихъ властей и способствовать успѣху гражданской организации, имѣя передъ собою примѣръ Ени-Загры, Казанлыка, Елены? Вспомните, наконецъ, что до самаго конца войны едва-ли кому могло быть извѣстно—вся ли Болгарія или только небольшая часть ея будетъ освобождена, будетъ ли она независима или полунезависима, и какую получить политическую форму“.

„А между тѣмъ русское правительство не могло поступить иначе и ограничиться введеніемъ только военнаго управленія, потому что военное управленіе упраздняется съ отбытіемъ войскъ, и тогда Болгарія была бы ввергнута въ тотъ хаосъ, въ которомъ

оставило ее падение турецкой администрации. Эта безурядица могла бы подать Европѣ поводъ къ вмѣшательству и снова поднять вопросъ о реформахъ посредствомъ европейской комиссіи; введеніемъ же гражданской организациіи Россія заявила, что призываетъ Болгарію къ немедленному самостоятельному бытію. И князь Черкасскій, что бы ни говорили, съ замѣчательнымъ искусствомъ рѣшилъ эту, повидимому, неразрѣшимую задачу. Введенное имъ гражданское управленіе не предопредѣляетъ и не исключаетъ никакой политической формы; оно—необходимая принадлежность всякаго благоустроеннаго гражданского организма. Для самоуправления сельскаго, земскаго и городского онъ далъ широкой просторъ, воспользовавшись порядками, уже существовавшими при туркахъ, и примѣнивъ ихъ къ потребностямъ болгарской политической автономіи. Благодаря ему, Болгарія имѣетъ теперь орудія, необходимыя для самостоятельнаго національнаго развитія и правильнаго, безпрепятственнаго управленія гражданской жизни.

„И при какихъ условіяхъ совершилъ онъ этотъ высокій подвигъ? Онъ не имѣлъ возможности свободнаго выбора подчиненныхъ. Откуда было взять людей для заполнения должностныхъ мѣстъ, когда болгары могли выставить лишь самое небольшое число образованныхъ работниковъ и почти никого способнаго къ административному дѣлу?.. Одинъ, вдаль отъ Россіи, безъ друзей и товарищей, среди тревогъ и лишеній походной жизни, въ суетѣ главной квартиры съ ея многочисленнымъ личнымъ составомъ, среди пререканій всегда борющихся двухъ стихій, военной и гражданской; среди интригъ и сплетенъ, неразлучныхъ съ высшими сферами власти; неся отвѣтственность и передъ арміей за слабость гражданского управленія и чуть ли не за всякаго запуганнаго болгарина, и предъ Болгаріей и общественнымъ мнѣніемъ Россіи—за каждый произволъ воинскаго начальника и за каждую излишнюю ревность гражданскихъ чиновниковъ при удовлетвореніи военныхъ нуждъ: вотъ та обстановка, при которой ему приходилось работать, та атмосфера, которою онъ дышалъ. Въ то же время онъ исполнялъ и другія, не менѣе тяжкія обязанности по званію уполномоченнаго Краснаго Креста и такъ же, конечно, былъ осыпанъ градомъ разнообразнѣйшихъ нареканій, какъ будто Красный Крестъ призванъ удовлетворять всѣмъ санитарнымъ нуждамъ арміи и выполнять собою недостаточность военно-медицинскаго управленія! Я впрочемъ не намѣренъ касаться этой стороны его дѣятельности. Позволю себѣ замѣтить только одно: едва-ли, не говорю уже о Бисмаркѣ или Питтѣ, но Пальмерстонъ или даже графъ Андраши, которому сравненіе съ Черкасскимъ, конечно, можетъ быть

только лестнымъ, пригодились бы для званія уполномоченнаго Краснаго Креста при дѣйствующей арміи. Эта высокопочтенная, благая дѣятельность едва-ли требуетъ способностей государственныхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ способностей нѣсколько иного калибра и иной категоріи. Замѣчу также, что князь Черкасскій не щадилъ жизни при уборкѣ раненыхъ подъ Плевною и, по свидѣтельству иностранныхъ корреспондентовъ, распоряжался дѣломъ подъ пулями съ поразительнымъ мужествомъ.

„Не подъ силу было одному человѣку нести такія задачи, такую тяготу труда, работъ и борьбы. Онъ изнемогалъ отъ истомы и раздраженія,—и раздраженіе плодило ему новыхъ враговъ... Въ то же время въ дорогомъ отечествѣ нашлись досужіе борзописцы, у которыхъ хватило духа пустить по Россіи лживые, дерзкіе пасквили, зная, что въ нашемъ обществѣ, при его дѣтской незрѣлости, всякому печатному слову еще готовы дать вѣру; зная также, что обвиняемый, по отдаленности и по своему оффиціальному положенію, поставленъ въ невозможность опровергнуть клевету“...

Н. Овсяный.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Петръ Великій въ Парижѣ въ 1717 году ¹⁾.

Въ 1717 г. исполнилось давнишнее желаніе Петра Великаго: онъ посѣтилъ Парижъ во время своего второго заграничнаго путешествія. Описанію его пребыванія въ этомъ городѣ посвящена цѣлая глава сочиненія виконта де Гишэна, бывшаго перваго секретаря французскаго посольства въ Петербургѣ, которое озаглавлено: „Pierre le Grand et le premier traité franco-russe 2).

Трудъ Гишэна, поскольку это касается главной задачи, поставленной себѣ авторомъ, т. е. исторіи изложенія возникновенія перваго франко-русскаго союза, представляетъ мало интереснаго, онъ не богатъ новыми данными, и авторъ не пользуется въ своемъ изложеніи какими-либо неизвѣстными или особенно интересными источниками; что же касается описанія путешествія Петра по Франціи, то въ немъ заслуживаютъ вниманія приводимые авторомъ отрывки изъ различныхъ документовъ парижскихъ архивовъ и выдержки изъ французскихъ газетъ того времени, какъ напр. „Mercure de France“ и „Gazette de France“. Вотъ какъ описываетъ путешествіе царя де Гишэнъ:

22 апрѣля, царь прибылъ въ Дюнкирхенъ, гдѣ онъ провелъ три дня, осмотрѣлъ старую гавань, арсеналь, укрѣпленія и эллинги. Его все интересовало, онъ все хотѣлъ видѣть. Имъ былъ произве-

1) Pierre le Grand et le premier traité franco-russe. Par le vicomte de Guichen. 1908. Paris.

2) Отрывокъ изъ этой книги, о сношеніяхъ Россіи и Франціи до Петра Великаго, помѣщенъ въ «Р. Ст.» кн. ноябрь 1908 г.

день, на эспланадѣ, смотрѣ кавалеріи и пѣхоты. „Желая видѣть установку орудій въ гавани, онъ отправился туда въ каретѣ, какъ вдругъ поднялся сильный вѣтеръ; начался приливъ, и вода залила дорогу, по которой ѣхалъ царь; едва успѣли отпрячь одну изъ лошадей, на которую онъ поспѣшно вскочилъ и усакалъ, избѣгнувъ такимъ образомъ неминуемой опасности.

Въ инструкціяхъ, данныхъ де-Либуа, который былъ назначенъ состоять при Петрѣ, ему было предписано ни о чемъ не разспрашивать царя и его свиту, но постараться какимъ-либо путемъ разузнать истинную цѣль его пріѣзда во Францію. По этому поводу де-Либуа писалъ: „Мнѣ до сихъ поръ не удалось узнать въ точности истинной цѣли поѣздки, предпринятой царемъ; она вызвана повидимому простой любознательностью и врожденной ему потребностью къ перемѣщенію. Мнѣ кажется, что имъ руководитъ также желаніе установить торговыя сношенія съ Франціей, но я сомнѣваюсь, чтобы это была главная цѣль... Я не замѣтилъ также, чтобы онъ велъ какія-либо серьезныя или дѣловыя совѣщанія; всѣ бесѣды ведутся за стаканомъ вина... Вообще никакого распредѣленія времени не существуетъ, царь рѣшаетъ на каждый день все самъ, внезапно и по своему личному усмотрѣнію“.

25 апрѣля царь прибылъ въ Кале, гдѣ онъ оставался до 4 мая. Осматривая укрѣпленія, портъ и морскія сооруженія, онъ интересовался всѣмъ, до послѣднихъ мелочей и выказывалъ при этомъ такую тонкую наблюдательность, которая поразила французовъ.

„Въ моментъ своего отъѣзда, пишетъ маркиръ de Nesle, который былъ посланъ въ Калѣ привѣтствовать царя, Петръ заявилъ, что онъ не желаетъ ѣхать въ двумѣстной каретѣ, и хочетъ, чтобы былъ устроенъ родъ дрогъ, на которыхъ можно было бы поставить кузовъ его кареты.

Такимъ способомъ онъ хочетъ ѣхать дальше, но что всего оригинальнѣе, это то, что онъ считаетъ возможнымъ ѣхать на этихъ дрогахъ съ такою же скоростью, какъ въ почтовой каретѣ. Я объяснилъ ему, что это невозможно, и что такъ какъ крестьянскія лошади не привыкли возить подобнаго рода экипажи, то онъ легко можетъ быть опрокинутъ; однако всѣ мои доводы не убѣдили царя, и онъ выразилъ желаніе, чтобы его приказаніе было исполнено. Всѣ эти перемѣны приводятъ меня въ бѣшенство. Никакія распоряженія не достигаютъ цѣли, и нѣтъ никакой возможности сказать, въ какой именно день онъ пріѣдетъ въ Парижъ“.

„Крестьяне вели подъ уздцы лошадей и поддерживали это оригинальное сооруженіе, на которомъ императоръ всея Россіи проѣхалъ преспокойно до самаго Парижа“.

5 мая царь осматривалъ въ Аббевилѣ суконную фабрику, но несмотря на самыя настоятельныя просьбы, категорически отказался остановиться въ Амьенѣ и Бовэ; весь поглощенный мыслью какъ можно скорѣе пріѣхать въ Парижъ, куда онъ стремился цѣлыхъ двадцать лѣтъ, онъ рѣшилъ нигдѣ болѣе не останавливаться.

„Вы, можетъ быть, не повѣрите“ писалъ изъ Амьена королевскій управляющій Бернажъ, „что царь проѣхалъ черезъ этотъ городъ, а я не имѣлъ счастья видѣть его. Такъ какъ онъ не любитъ, чтобы ему выѣзжали навстрѣчу, то мы съ маркизомъ Неллемъ и де Либуа ожидали его въ архіепископскомъ домѣ и полагали, что онъ, по крайней мѣрѣ, зайдетъ въ домъ отдохнуть и закусить въ ожиданіи лошадей, какъ вдругъ намъ сказали, что онъ уже послалъ своего курьера за лошадьми и сѣлъ въ приготовленную мною коляску у городскихъ воротъ, проѣхавъ черезъ городъ въ дилижансѣ, не пожелавъ остановиться въ Амьенѣ и не выразивъ желанія видѣть кого-либо. Очень возможно, что амьенскій епископъ будетъ жаловаться на меня, такъ какъ, не желая, чтобы все заготовленное угощеніе пропало даромъ, я пригласилъ здѣшнихъ дамъ отъ ужинать со мною тѣмъ, что было приготовлено для царя, и моя жена дала послѣ того большой балъ въ томъ же домѣ, предоставленномъ въ мое распоряженіе епископомъ“.

То же разочарованіе ожидало властей и въ гор. Бовэ, гдѣ епископъ приготовилъ для царя ночлегъ. „Для помѣщенія царя и части его свиты, пишетъ съ грустью епископъ,—я обставилъ свой домъ, который не отличается великолѣпіемъ, какъ можно уютнѣе, устроилъ для него вокальный и инструментальный концертъ, иллюминацію и фейерверкъ. Онъ увидѣлъ бы въ различныхъ мѣстахъ дома свои гербы, а въappartementѣ, гдѣ онъ долженъ былъ ночевать, я повѣсилъ портреты великаго князя и великой княгини московскихъ—отца и матери царя. Но всѣ эти приготовленія и всѣ мои заботы, чтобы приготовить для царя что-либо поѣсть, оказались напрасны!

Начиная отъ Сень-Дени, несмѣтное множество народа стояло по обѣ стороны дороги, въ надеждѣ увидѣть монарха, но когда стемнѣло, многіе разошлись по домамъ и не болѣе тысячи человѣкъ дождались проѣзда царя и были свидѣтелями того, какъ онъ, въ десять часовъ вечера, въѣхалъ въ Парижъ.

Личность царя возбуждала величайшее любопытство французовъ. „Придворныя дамы жаждали увидѣть медвѣдя съ Балтійскаго моря, Донскаго казака, который отзывался съ пренебреженіемъ о прелестныхъ парижанкахъ“. Его представляли себѣ чуть не дикаремъ.

Въ свитѣ царя были: князь Куракинъ, посланникъ въ Англіи и Голландіи, Шафировъ, Ягужинскій, Долгорукій, Бутурлинъ, Толстой, Нарышкинъ и другіе. Одинъ только Толстой, по увѣренію сотрудника французской газеты „*Mercur de France*“, говорилъ довольно правильно по французски. Всѣ эти лица, своими странными пріемами, возбуждали величайшее любопытство французской публики.

Либуа увѣрялъ, что нравъ всѣхъ этихъ господъ очень измѣнчивъ, они всѣ нерѣшительны, непостоянны и отъ царя до послѣдняго слуги очень часто предаются гнѣву“. О придворномъ священникѣ, сопровождавшемъ царя, онъ говоритъ: „Мнѣ кажется, онъ только и дѣлаетъ, что пьетъ. Онъ завалилъ насъ восковыми свѣчами для нашей часовни, а его прислужники продаютъ эти свѣчи по городу“, и далѣе: сегодня ни отъ кого изъ нихъ нельзя ничего добиться: сегодня у нихъ Пасха; желая отпраздновать ее достойнымъ образомъ, они всѣ перепились...

Въ Парижѣ Петра привезли прямо въ Лувръ, который былъ роскошно убранъ къ его пріѣзду. Выразивъ удивленіе по поводу этого великолѣпія и осмотрѣвъ бѣгло всѣ залы, царь выразилъ желаніе занять болѣе скромное помѣщеніе: „Я хочу быть свободнымъ“, сказалъ онъ сопровождавшему его маршалу Тессе.

Тогда его отвезли въ отель *Lesdigières*, подлѣ арсенала. Было уже около двѣнадцати часовъ ночи. Петръ потребовалъ походную кровать и отказался занять наскоро приготовленные для него парадныя комнаты.

Въ четыре часа утра онъ былъ уже на ногахъ, сѣлъ за письменный столъ и принялся работать.

На другой день по пріѣздѣ царя къ нему явился регентъ съ многочисленной свитой. Петръ обнялъ его, сказавъ, что какъ только до него дошелъ слухъ о томъ, что онъ сталъ регентомъ, онъ тотчасъ рѣшилъ ѣхать во Францію.

Въ отвѣтъ на эти любезныя слова, герцогъ Орлеанскій заявилъ Петру отъ имени юнаго короля, что онъ полный хозяинъ во Франціи, что онъ можетъ приказывать, и что всѣ его желанія съ радостью будутъ исполнены.

— Мнѣ говорили, сказалъ между прочимъ царь, что у васъ есть истинный другъ, такой же, какимъ для меня былъ мой бѣдный Лефортъ.

— Ваше величество, отвѣчалъ регентъ, истинныхъ друзей у меня довольно много и называлъ: *de Nocé, de Noailles, de Saint Simon de Canillac*.

— Понимаю, отвѣчалъ царь, это вѣрные слуги, но не друзья.

Я говорю о кардиналѣ Дюбуа, который ведетъ переговоры о тройственномъ союзѣ.

— Вотъ онъ, государь. Дѣйствительно я люблю его какъ чело-вѣка умнаго, оказавшаго при томъ государству большія услуги.

— Ваше величество, сказалъ въ свою очередь Дюбуа, имя Ле-форта, удостоившагося вашей августѣйшей дружбы, извѣстно всей Европѣ; я не посмѣлъ бы сравнивать себя съ нимъ.

Петръ просилъ регента избавить его отъ всякихъ церемоній и заявилъ, что онъ желаетъ только осмотрѣть госпитали, арсеналы, фабрики и заводы.

10 мая Петра посѣтилъ малолѣтній король Людовикъ XV, со своимъ наставникомъ Вильруа.

Петръ, восхищенный любезностью и привѣтливостью Людови-ка XV, поцѣловалъ его нѣсколько разъ и, какъ говорить въ сво-ихъ мемуарахъ кардиналъ Дюбуа каждый разъ прибавлялъ: „Ваше величество, это будетъ не поцѣлуй Иуды“; побесѣдовавъ съ королемъ съ четверть часа, царь проводилъ его до кареты, сказавъ: „Отъ всего сердца желаю вашему величеству рости, преуспѣвать и цар-ствовать со славою; быть можетъ, настанетъ время, когда мы ока-жемъ другъ другу взаимныя услуги“.

Въ тотъ же день царь принималъ представителей муниципалитета, которые пріѣхали въ парадныхъ каретахъ и поднесли ему подарки отъ города, при чемъ городской голова произнесъ при-вѣтствіе, которое было немедленно переведено царю переводчикомъ.

„Съ этого дня“, по словамъ кардинала Дюбуа, „царь, одѣтый, какъ простой буржуа, и сопровождаемый однимъ лишь лицомъ своей свиты, началъ осматривать городъ и посѣщать всѣ мѣста, которыя онъ находилъ достойными вниманія“.

„Онъ жаждалъ все видѣть, всезнать и высказывалъ при этомъ самыя здравыя сужденія“.

Когда онъ отдалъ визитъ королю, онъ взялъ его, какъ рассказы-ваетъ Дюбуа, на руки, горячо поцѣловалъ и сказалъ:

„Государь, мой братъ, я давно желалъ видѣть короля французъ во всемъ блескѣ его славы. Сегодня я имѣю удовольствіе видѣть юнаго короля, который обѣщаетъ повторить все то, что сдѣлали его предки. Я знаю нѣсколько языковъ, но я хотѣлъ бы ихъ всѣ забыть и говорить только по-французски, чтобы бесѣдо-вать съ вашимъ величествомъ“ и присовокупилъ:

„Государь, вы только начинаете свое царствованіе, а я свое оканчиваю, поэтому я надѣюсь, что вы не откажете въ своей дружбѣ моему преемнику.“

— Развѣ вы такъ стары, ваше величество, отвѣчалъ король

погодите, чтобы ваши волосы такъ же посѣдѣли, какъ у моего дѣдушки, чтобы назвать себя старикомъ.

— Увы, отвѣчалъ царь, я боюсь, что не кончу начатаго мною дѣла. Что же касается васъ, государь, то я предсказываю, что вы превзойдете своего дѣда умомъ, славой и могуществомъ.

— Я хотѣлъ бы это, сказалъ Людовикъ XV, но я не вѣрю этому.

Петръ произвелъ на регента и на его окружающихъ самое благопріятное впечатлѣніе. Его видимое стараніе всемъ понравиться и приспособиться къ условіямъ новаго для него положенія, его необыкновенный умъ, удачные и остроумные отвѣты пріобрѣли ему симпатію многихъ лицъ, какъ о томъ свидѣтельствуется слѣдующій отрывокъ изъ письма Вильруа къ маркизѣ Ментенонъ.

„Я не могу выразить вамъ, съ какимъ достоинствомъ, съ какой граціей и любезностью король принялъ царя и отдалъ ему визитъ, писалъ Вильруа, я долженъ сказать вамъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ монархъ далеко не такой варваръ, какъ о немъ говорили: онъ высказалъ такія возвышенныя, великодушныя чувства и такую вѣжливость, какихъ мы не ожидали“.

Изо всѣхъ учрежденій Парижа царя особенно заинтересовала мануфактура гобеленовъ, которую онъ посѣтилъ дважды и съ видимымъ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ рабочими: „Господа, сказалъ онъ имъ, между прочимъ, вы содѣйствуете славѣ вашего короля“. Увидавъ маленькихъ дѣтей, онъ осыпалъ ихъ ласками. Ему поднесли нѣсколько ковровъ, на которыхъ были воспроизведены, по картинамъ Жувене „Чудесный ловъ рыбы“, „Воскресеніе Лазаря“, „Исцѣленіе расслабленнаго“, „Изгнаніе изъ храма торгашей“. Послѣ перваго посѣщенія мануфактуры, царь писалъ Меншикову, что такъ какъ въ Россіи нѣтъ хорошихъ образцовъ и хорошихъ красильщиковъ, то онъ заказалъ во Франціи копіи съ нѣсколькихъ картинъ и выслалъ изъ Амстердана шерсть и красильщика; при этомъ царь выразилъ желаніе, чтобы были приготовлены ковры съ изображеніемъ Полтавской битвы.

Въ числѣ мастеровъ, привезенныхъ съ собою впослѣдствіи въ Россію архитекторомъ Леблономъ, было нѣсколько мастеровъ гобеленовской мануфактуры.

Посѣщая фабрики и заводы, царь вездѣ подолгу бесѣдовалъ съ рабочими и обращался съ ними такъ просто и фамиллярно, что это возмущало надменныхъ и гордыхъ приближенныхъ регента.

13-го мая Петръ посѣтилъ фабрику зеркалъ, въ Сантъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ. Между прочимъ онъ отправился и въ оперу, но во время представленія заснулъ. На вопросъ кардинала Дюбуа, не

оскучился ли онъ, „Напротивъ,—отвѣчалъ царь,—но я предпочелъ уснуть, чтобы не случилось этого скандала“. Болѣе онъ оперы не посѣщалъ.

Посѣтивъ Домъ Инвалидовъ, царь шилъ за здоровье „товарищей“ инвалидовъ и горячо пожалъ каждому изъ нихъ руку.

При осмотрѣ Сень-Клу, Люксембургскаго дворца, Марли, Версаля, онъ проявлялъ ту же жажду все видѣть, все знать, ту же страсть поучаться, ту же ненасытную любознательность, которая побуждала его бесѣдовать съ учеными, артистами, останавливать прохожихъ и предлагать имъ вопросы по поводу всего, что имѣло въ его глазахъ какое-нибудь значеніе.

На монетномъ дворѣ въ присутствіи царя была выбита золотая медаль, которая тутъ же была вручена ему на память. Съ одной стороны ея было сдѣлано его изображеніе, а съ другой была изображена рѣка, катающая свои волны вдаль; и сдѣлана надпись „*Vires acquirit eundo*“.

25-го мая Петръ отправился впервые въ Версаль, но, узнавъ, что въ Парижѣ, въ тотъ день, должна была состояться церковная процессія, поспѣшно вернулся въ городъ.

„Не знаю, писалъ по этому поводу маршалъ Тессэ, кто соблазнилъ царя видѣть кардинала де Ноаль и процессію; но мнѣ ничего не оставалось, какъ поспѣшить въ домъ архіепископа и занять помѣщеніе съ двумя балконами и нѣсколькими комнатами въ верхнемъ этажѣ. Съ этими вѣчными перемѣнами голова идетъ кругомъ“.

Нѣсколько дней спустя герцогъ d'Antin далъ въ честь царя роскошный обѣдъ, на которомъ присутствовала вся знать. Объ этомъ пиршествѣ, сопровождавшемся обильными возліяніями и напоминавшемъ сказки тысячи и одной ночи, рассказываютъ въ своихъ мемуарахъ всѣ современники.

Что касается пьянства, то авторъ говоритъ, что Петръ очень предавался ему; часто приходилось отвозить его домой со всей его свитой въ экипажахъ, а однажды онъ наговорилъ регенту, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, такія дерзости, что тотъ грозилъ отправить его въ Бастилію.

Царь съ самаго пріѣзда выразилъ желаніе видѣть г-жу Ментенонъ „эти живыя мощи прошлаго вѣка“. Воспользовавшись пребываніемъ въ Версалѣ, онъ отправился въ Сень-Сиръ.

Когда г-жѣ Ментенонъ доложили о пріѣздѣ царя, она велѣла отвѣтить, что она считаетъ его посѣщеніе за великую честь, но что болѣзнь не позволяетъ ей принять его.

„Не бѣда, —отвѣчалъ Петръ, я не буду беспокоить ее, но я долженъ ее видѣть и выразить ей свое уваженіе“; и не дожидаясь

отвѣта, онъ быстро прошелъ въ спальню, гдѣ г-жа Ментенонъ лежала на кровати подъ пологомъ, съ задернутыми занавѣсами, раздвинувъ ихъ слегка, поздоровался съ больной самымъ любезнымъ образомъ и сѣлъ у ея изголовья. Извиняясь за то, что онъ приѣхалъ несвоевременно, царь сказалъ ей, что, посѣтивъ Парижъ, онъ хотѣлъ видѣть всѣ его достопримѣчательности и не могъ не посѣтить маркизу и не засвидѣтельствовать ей своего глубочайшаго почтенія. На вопросъ, чѣмъ она больна: „Старостью“,—отвѣчала маркиза слабымъ голосомъ.

— Это болѣзнь, которой страдаетъ всякій, если онъ не умеръ въ молодости,—замѣтилъ Петръ, всталъ и простился, пожелавъ ей добраго здоровья.

Болѣе всего интересовало Петра посѣщеніе Сорбонны. Этотъ эпизодъ изъ пребыванія царя за границей разсказать въ сочиненіи о. Пирлинга ¹⁾ гораздо ярче и подробнѣе, нежели въ книгѣ де-Гишэна, поэтому мы не будемъ на немъ останавливаться.

Въ королевской библіотекѣ, которую царь внимательно осмотрѣлъ, его привѣтствовалъ аббатъ Лувуа, поднесшій ему нѣсколько греческихъ рукописей въ роскошныхъ переплетахъ, которыя такъ ему понравились, что онъ поднесъ ихъ къ губамъ, чтобы поцѣловать ихъ.

Въ парламентѣ, который былъ въ то время судебнымъ трибуналомъ, царя помѣстили въ одной изъ ложъ, которая была роскошно декорирована и откуда онъ могъ видѣть всю залу. Въ описаніи этого посѣщенія, которое де-Гишэнъ заимствуетъ изъ „Mercure de France“, говорится между прочимъ, что генераль-прокуроръ Ламуаньонъ, доложивъ дѣло, подлежащее разсмотрѣнію суда, всталъ и произнесъ:

„Нѣсколько разъ случалось, что иноземные монархи обращались въ эту палату за совѣтами по важнымъ государственнымъ вопросамъ, но это первый примѣръ, чтобы монархъ столь далекой страны, одинаково могущественный въ Европѣ и въ Азіи, захотѣлъ бы присутствовать при нашемъ засѣданіи, и это событіе заслуживаетъ того, чтобы память объ немъ сохранилась въ лѣтописяхъ парламента для потомства“.

Выходя изъ залы, царь поклонился сенаторамъ, которые засѣдали въ красныхъ мантияхъ, и выразилъ свой восторгъ, воскликнувъ:

¹⁾ См. «Русск. Стар». «Сношенія Россіи съ папскимъ престоломъ» книга ноябрь 1908 г.

„Законы нуждаются въ поддержкѣ, но ихъ уважаютъ настолько, поскольку почитаютъ ихъ представителей“.

Въ академіи наукъ Петръ былъ принятъ съ большимъ почетомъ. Ему показали модели нѣсколькихъ машинъ, которыя онъ осмотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ. „Президентъ академіи, аббатъ Гиньонъ, выразилъ желаніе, чтобы царь былъ выбранъ въ члены академіи“, но это совершилось позднѣе, уже по возвращеніи Петра въ Россію. Во французской академіи хранится благодарственное письмо Петра отъ 11 февраля 1721 года.

Пробывъ въ Парижѣ болѣе шести недѣль, Петръ „видѣлъ за это время болѣе, чѣмъ другой человѣкъ въ цѣлый годъ“. Не было той самой маленькой фабрики или завода, которыхъ бы онъ не осмотрѣлъ.

Онъ съ грустью покинулъ Парижъ, оставивъ по себѣ тамъ наилучшее воспоминаніе. Французы, говоритъ Гишэнъ, свыклись за это время съ царемъ; несмотря на его врожденную грубость и рѣзкость, которыя то и дѣло проглядывали въ его разговорѣ, на его поверхностность и легкомысліе, при дворѣ регента оцѣнили желаніе Петра понравиться, его стараніе улучшить отношенія Россіи къ Франціи, оцѣнили его быстрый и проницательный умъ.

„Этотъ монархъ обладаетъ несравненно большими качествами, нежели недостатками. Его внѣшніе приемы не особенно галантны, писалъ о немъ Лувиль, поэтому онъ не пользуется особымъ расположеніемъ у женщинъ. Его познанія весьма обширны, и у насъ во Франціи нѣтъ человѣка, который былъ бы такъ свѣдушъ, какъ онъ, въ вопросахъ, касающихся арміи, флота и инженернаго искусства. Онъ относится съ уваженіемъ къ своимъ врагамъ и особенно почтительно отзывается о королѣ шведскомъ и о покойномъ королѣ (французскомъ). Онъ любитъ искусство и ненавидитъ роскошь. Онъ не остается ни минуты безъ дѣла, ложится спать въ девять часовъ вечера и встаетъ въ четыре часа утра“.

„Все говорятъ, что вопросы, которые онъ предлагалъ ученымъ и артистамъ, свидѣтельствуютъ объ его умѣ и знаніяхъ“.

Во все время своего пребыванія въ Парижѣ Петръ выказывалъ величайшее уваженіе къ кардиналу Дюбуа, до такой степени, что, по словамъ этого послѣдняго, „онъ колебался, не поѣхать ли ему съ царемъ въ Россію“, гдѣ онъ могъ бы занять видное положеніе, „но меня удержала боязнь кнута“, говоритъ онъ.

20 іюня Петръ выѣхалъ изъ Парижа въ Спа.

Во время пребыванія царя во Франціи, русскими и французскими уполномоченными велись въ Гаагѣ переговоры о заключеніи

союза, которые завершились трактатомъ, подписаннымъ 15 августа 1717 г. въ Амстердамѣ, къ которому присоединилась и Пруссія.

Послѣ заключенія этого перваго, по времени, франко-русскаго договора, въ Россію былъ назначенъ полномочнымъ министромъ Кампредонъ, а консуломъ Виллардо. Такимъ образомъ въ Россіи впервые появились французскіе дипломатическіе агенты, аккредитованные при русскомъ правительствѣ, и сношенія между двумя державами сдѣлались постоянными, но, несмотря на это, почти всѣ политическіе дѣятели Франціи, стоявшіе во главѣ ея правленія въ XVIII вѣкѣ, не сочувствовали сближенію съ Россіей и гораздо болѣе склонялись на сторону Австріи, съ которой ими и былъ заключенъ тѣсный союзъ, „тяготѣвшій надъ европейской политикой въ теченіе восьмидесяти лѣтъ“. И въ послѣдствіи, во время семилѣтней войны, Шуазель не захотѣлъ сблизиться съ Россіей, помощь которой могла бы принести Франціи существенную пользу. Такимъ образомъ, несмотря на заключеніе трактата, которому Петръ Великій, сознавая всю важность союза съ Франціей, придавалъ огромное значеніе, отношенія между обѣими державами оставались долгое время холодными и далеко не дружественными.

В. Тимошукъ.

Поѣздка въ Грузино въ 1867 г.

Въ 1867 г. во время походнаго движенія изъ села Медвѣдя въ Новый Петергофъ компанія офицеровъ и я въ томъ числѣ рѣшили посѣтить с. Грузино, помѣстье гр. Аракчеева. Село это находится въ 30 вер. отъ ст. Чудова Ник. ж. д., въ мѣстности живописной особенно тамъ, гдѣ сама усадьба. По приѣздѣ намъ удалось отыскать проводника старика Абрама Пахомова, который не только зналъ графа, но и былъ посвященъ въ детали домашней жизни графа, состоя въ числѣ дворовыхъ въ званіи лакея, а въ 1867 г. Абр. Пахомову порученъ былъ присмотръ за усадьбой. Въ литературѣ нашей много писалось о гр. Аракчеевѣ и его фавориткѣ Настасѣ Минкиной, посему останавливаться на характеристикѣ графа не буду. Село Грузино, какъ выморочное, въ 1867 г. перешло въ удѣльное вѣдомство. Въ 1867 г. находились здѣсь: барскій домъ, въ которомъ проживалъ самъ графъ съ прилежащимъ фруктовымъ садомъ, церковь прекрасной архитектуры напротивъ дома, жилой флигель и подъ бронзовымъ, на колоннахъ, куполомъ художественное распятіе изъ мрамора въ человѣческій ростъ Св. Андрея Первозваннаго.

Къ усадьбѣ прилегало довольно обширное озеро, окруженное сосновымъ лѣсомъ, а недалеко отъ озера подъ навѣсомъ—лодка на каменныхъ устояхъ и въ ней два весла и руль. Въ лодкѣ этой совершалъ прогулку Императоръ Александръ I съ гр. Аракчеевымъ. По заявленію Абрама Пахомова Его Величество управлялъ рулемъ, а графъ веслами. Барскій домъ двухъэтажный со свѣтлой, въ обоихъ этажахъ сохранилась еще та мебель, которая была при

графѣ, такъ въ кабинетѣ графа, расположенномъ въ 1-мъ этажѣ, находились довольно большой письменный столъ, рѣзное краснаго дерева кресло, два небольшихъ стола и 4 мягкихъ кресла. Къ кабинету прилежала названная по цвѣту голубыхъ атласныхъ обоевъ, голубая комната, въ которой находились: большая оттоманка, два краснаго дерева изящной работы стола, нѣсколько мягкихъ креселъ, большое зеркало и на пьедесталѣ чернаго мрамора превосходный Каррарскаго мрамора бюстъ Императора Александра I. Здѣсь же ниже на черномъ мраморномъ пьедесталѣ стояли изящные серебряные часы, пріобрѣтенные, по увѣренію Абрама Пахомова, графомъ въ годъ кончины Императора Александра I и по увѣреніямъ Пахомова часы эти въ часъ этой кончины играли какую-то молитву, но послѣ смерти графа часы эти испортились. Въ голубой комнатѣ проживалъ Императоръ Александръ I во время пребыванія у графа. Изъ кабинета графа вела въ подвальный этажъ чугунная винтовая лѣстница и въ этомъ этажѣ было лишь 2 комнаты. Въ 1-й около стѣнъ были широкія оттоманки, а во 2-й большая мраморная ванна. Спальня графа находилась также въ 1-мъ этажѣ и прилежала къ кабинету; въ ней стояла узкая желѣзная кровать, умывальникъ, нѣсколько стульевъ и шкафчикъ. Въ 1-мъ этажѣ было еще нѣсколько комнатъ, и самая обширная называлась пріемной. Изъ всѣхъ комнатъ оригинальностью отличалось обширное зало съ нѣсколькими рѣзными краснаго дерева плетеными стульями и портретомъ въ человѣческій ростъ правофланговаго рядового Гренадерскаго имени графа полка въ полной формѣ съ ружьемъ у ноги. Физиономія солдата съ нафабранными усами была мрачна и выражала страданіе, а мундиръ, высокій тяжелый киверъ, большой ранецъ и другія принадлежности какъ бы объясняли причины его страданія. Изъ небольшой комнаты 2 этажа вела чугунная лѣстница въ свѣтелку на крышѣ дома, стѣны ея состояли сплошь изъ оконъ и только потолокъ въ формѣ купола былъ деревянный съ желѣзной крышей. Изъ свѣтелки открывался видъ на окрестность не мѣнѣе какъ версты на три; мѣстность вправо представляла равнину. По словамъ Абрамова, когда графъ лѣтомъ пріѣзжалъ изъ Петербурга, то рано утромъ заходилъ сюда наблюдать за работами въ полѣ, для чего и стояла здѣсь раньше зрительная труба. На вопросъ нашъ, строгъ ли былъ графъ? Пахомовъ отвѣтилъ: „какъ сказать, лѣнтяевъ не любилъ, наказывалъ за дѣло, самъ работалъ и требовалъ того же отъ другихъ“.

„Много болтали напрасно о жестокости графа, а по моему мнѣнію графъ былъ справедливъ и требовалъ только, чтобы у крестьянъ все было въ исправности, а если у кого случалось несчастье, то

всегда помогалъ“. На вопросъ, знаетъ ли онъ о фавориткѣ графа что-либо, Пахомовъ сказалъ: „какъ не знать, женщина тоже была хорошая, и къ ней часто обращались крестьяне умиловать графа и ходатайствовать. Ее графъ всегда уважалъ“. Не любили графа, по словамъ Пахомова, люди знатные, инженеры, за то, что онъ казенную копейку берегъ, не позволялъ обворовывать казну. Разъ съ одного инженера за недосмотръ по постройкамъ въ Медвѣдѣ графъ сорвалъ даже эполеты и ругалъ его такъ, что тотъ на колѣняхъ просилъ прощенія, но графъ только горячъ былъ, и гнѣвъ перемѣнилъ на милость. „Впрочемъ, добавилъ Пахомовъ, послѣ смерти фаворитки графъ перемѣнился, сталъ добрѣе и, въ послѣдніе годы, когда былъ не у дѣлъ, сталъ мало обращать вниманія и на крестьянъ и больше сидѣлъ въ кабинетѣ да читалъ и рѣдко выѣзжалъ“. По словамъ Пахомова, графъ жилъ скромно, вина не любилъ за обѣдомъ, выпивалъ одну рюмку водки, и обѣдъ былъ простой изъ 2-хъ блюдъ, любилъ же очень чай и много его пилъ. Во время пребыванія Императора Александра I у графа, по словамъ Пахомова, Государь держалъ себя очень просто, ходилъ въ сюртукъ безъ эполетъ, обѣдалъ только съ графомъ и съ нимъ же ѣздилъ кататься верхомъ или на лодкѣ, больно любилъ Его Величество графа и тотъ тоже Государя, а лицо Государя было чисто ангельское, „только посмотришь, какъ и свое горе забудешь и врагамъ всѣмъ простишь“.

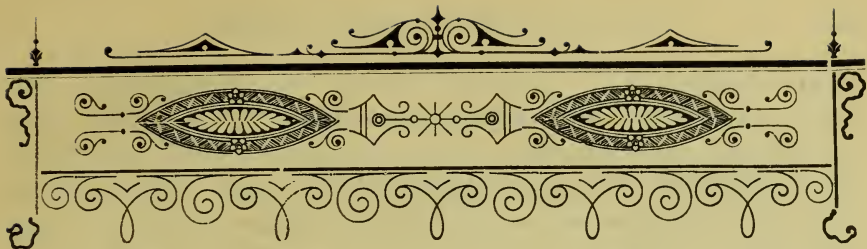
Въ церкви, называемой соборомъ, въ 1867 г. имѣлось много художественныхъ образовъ, всѣ они были безъ ризъ, а иконостасъ былъ отличной работы. Внутри церкви налѣво погребена фаворитка графа, а противъ нея у правой стѣны самъ графъ и надъ обѣими могилами много серебряныхъ украшеній. Флигель, гдѣ жила фаворитка, одноэтажный и въ 1867 г. занятъ былъ подъ квартиры служащихъ при усадьбѣ.

О болѣзни графа и его кончинѣ Пахомовъ сказалъ что графъ былъ боленъ недолго, съ недѣлю лежалъ въ постели. Въ то время въ Грузино пріѣзжало много генераловъ, а какой-то флигель-адъютантъ неотлучно находился до кончины графа. За день до смерти графъ исповѣдался и пріобщился, а умеръ тихо и произнесъ едва слышно: „простите меня, кого я обидѣлъ“. Похороны были торжественны, присутствовало много генераловъ, а флигель-адъютантъ изъ стола графа забралъ всѣ бумаги и переписку и, уложивъ, все увезъ и висѣвшія на стѣнахъ картины, бронзовыя вещи на столѣ графа разобраны были другими лицами. Живописное расположеніе усадьбы, выборъ мѣста, изящная архитектура дома и стили церкви, выборъ мѣста для постановки распятія Андрея Первозванного, сви-

дѣлствуютъ, что и графъ Аракчеевъ не былъ лишенъ вкуса, хотя портретъ правофланговаго и служилъ доказательствомъ крайней ограниченности идеаловъ графа. Крестьянскія постройки по однообразію архитектуры тоже свидѣлствуютъ о любви графа къ порядку и казенной размѣренности.

Сообщ. Н. П. Хитрово.

М. И. Драгомировъ передъ войной 1877—8 гг.

(Изъ воспоминаній).

Ранней весной 1876-го года объявленіе штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа возвѣстило войсковымъ частямъ, что, по желанію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, прибывшій въ Петербургъ изъ Кишинева, начальникъ 14-ой пѣхотной дивизіи, свиты его величества генераль-маіоръ Драгомировъ, сдѣлаетъ въ собственномъ его высочества дворцѣ сообщеніе, на которомъ могутъ присутствовать всѣ желающіе начальники частей и офицеры.

То было время разгара крупнаго возстанія славянъ, подвластныхъ султану; еще съ лѣта 1875 года поднялся весь Боснійско-Герцеговинскій районъ; организованы были во многихъ мѣстахъ не только четы, шайки, банды, но и цѣлыя арміи; турки употребляли громадныя усилія къ тому, чтобы подавить это возстаніе, но тщетно: появившійся на поляхъ Отоманской имперіи доблестный славянский вождь, — „главнокомандующій“ возставшихъ армій Любобратичъ больше полугода не давалъ покоя султану Абдулъ-Азису, не смотря на то, что для справы съ возмущившимися были посланы лучшія войска подъ начальствомъ опытнѣйшихъ сырдарей — Аали и Мухтара-пашей.

Англія, по обычаю тѣхъ временъ, — временъ властвованія господиномъ д'Израэли (впослѣдствіи получившимъ титулъ лорда и фамилію Биконсфильдъ) надъ трономъ предстарѣлой королевы Викторіи, уже просидѣвшей къ тому времени на престолѣ 37 лѣтъ, —

играла двойную роль,—съ одной стороны она какъ будто бы под-держивала славянъ, а съ другой, несомнѣнно, всѣми силами помогала Портѣ, тайно помогаясь однако возможности свергнуть Абдуль-Азиса съ престола. Австрійское правительство въ лицѣ тогдашняго главнаго дѣятеля двуликой австро-венгерской монархіи—министра-президента Юліуса Андраши, прилагалъ все свое рвеніе къ тому, чтобы, подъ видомъ умиротворенія востока и успокоенія христіанскихъ земель, поднявшихъ знамя возстанія,—извлечь изъ сумятицы возможно больше выгодъ себѣ,—наловить, какъ говорится, побольше рыбы въ мутной водѣ.

Грозныя тучи заволокли весь восточный горизонтъ; чувствовалось, что событія тѣхъ дней не окончатся простымъ усмиреніемъ зашумѣвшихъ турецкихъ провинцій; вездѣ предвидѣлись громадныя осложненія, ожидалась сумятица, которая была готова вызвать со стороны большей части близкихъ къ востоку странъ то или иное участіе въ борьбѣ съ луной и въ распутываньи ея дѣлъ.

Въ Петербургѣ все было наэлектризовано; толкамъ и неизбежности вмѣшательства Россіи не было конца, но похоже было на то, что открытыхъ разговоровъ объ этомъ всѣ какъ будто бы сговорились избѣгать. Въ военныхъ кругахъ того времени было извѣстно, какой интересъ вообще возбуждали сообщенія М. И. Драгомирова; поэтому понятно, какое оживленіе вызвало извѣщеніе штаба округа. Но видно было, что въ день сообщенія задолго до его начала апартаменты дворца великаго князя наполнились,—не только въ виду обычнаго интереса военной среды къ сообщеніямъ такого лектора: офицеры и начальники частей, отъ мала до велика,—спѣшили въ гостепріимно раскрывшій, по волѣ августѣйшаго владѣльца, свои двери, дворецъ—съ затаенной надеждой услышать хоть что нибудь о предстоящемъ или вѣроятномъ разрѣшеніи вопросовъ, касавшихся поднятой на востокъ бури. Такой авторитетъ могъ и самъ надумать, хотя-бы намеками высказаться обо всемъ, что ему было тогда извѣстно; кромѣ того—кто зналъ—быть можетъ онъ и прямо получилъ указаніе разъяснить кое, что, въ видахъ уясненія событій и обстоятельствъ или въ видахъ успокоенія общества, очевидно, волновавшагося и, нестолько сдерживавшаго свои волненія, сколько скрывавшаго свои тревоги.

Прослуживъ болѣе девяти лѣтъ въ Царствѣ Польскомъ—начала въ полевой конной артиллеріи, а затѣмъ семь съ лишнимъ лѣтъ въ 3-ей батареѣ гв. конно-артиллерійской бригады, я въ ноябрѣ 1875 г. былъ переведенъ въ петербургскія батареи этой бригады; изъ нихъ двѣ—первая полковника Григ. Гавр. Допельмайра и вторая полковника Александра Яковлевича фонъ-Таля, стояли въ то время въ Петербургѣ, а двѣ—четвертая и пятая въ Стрѣльнѣ; шестая—казачья донская имѣла квартирное расположеніе въ Пелѣ, Петербургской губ.

Командиромъ бригады состоялъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Магнусъ Ивановичъ Бревернъ, который передъ тѣмъ, около пяти лѣтъ, былъ моимъ прямымъ начальникомъ, какъ командиръ батареи, расположенной въ Варшавѣ; отношенія у офицеровъ съ нимъ были вообще прекрасныя,—въ такихъ мы и разстались, когда онъ, въ мартѣ 1873-го года, получилъ повышеніе на должность командира гв. конно-артиллерійской бригады, тотчасъ послѣ смутнаго въ ней времени. Для того, чтобы перевести меня въ Петербургъ, онъ воспользовался переформированіемъ батарей всей конной артиллеріи—гвардейской и полевой изъ восьми-орудійнаго состава въ шести-орудійный; это переформированіе вызвало необходимость произвести уравниеніе чиновъ и дало удобный предлогъ къ перетасовкѣ состава офицеровъ.

Явившись въ Петербургъ 2-го декабря, я былъ немедленно назначенъ въ вновь формировавшуюся въ Стрѣльнѣ 5-ую батарею; въ должность командира этой батареи былъ тогда только-что назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Николай Александровичъ Безакъ ¹⁾).

Условія стрѣльнинской стоянки батарей отличались отъ стоянки батарей, расположенныхъ въ самой столицѣ. Офицеры стоявшихъ въ Стрѣльнѣ батарей—пятой полковника Безака и четвертой полковника Александра Аполлоновича Кирдана ²⁾), ежедневно послѣ

¹⁾ Впослѣдствіи ярославскій, затѣмъ нижегородскій губернаторъ, начальникъ гл. управл. почтъ и телеграфовъ; скончался въ 1896 году въ званіи члена Госуд. Совѣта.

²⁾ Молодымъ офицеромъ участвовалъ въ защитѣ Севастополя и въ сраженіи подъ Инкерманомъ; въ 1879 году былъ назначенъ завѣдыв. артил. Оренбургскаго военного округа, затѣмъ командовалъ 5-й артил. бригадой; скончался въ 1892 году въ должности начальника артиллеріи войска Донскаго.

утреннихъ фронтовыхъ занятій, которыя производились въ тепломъ манежѣ или въ казармахъ,—сходились два раза въ день въ артель, —къ завтраку и къ обѣду; это вызывало непрерывное общеніе ихъ между собой. Проводя такимъ образомъ большую часть дня въ совместной бесѣдѣ, въ обмѣнѣ мыслей, они всѣ были довольны и службой и другъ другомъ. По вечерамъ обыкновенно разѣзжались въ городъ съ тѣмъ, чтобы утромъ рано, опять съѣхаться въ Стрѣльну и собраться на службу; такъ ежедневно, въ воскресенье и праздничныхъ дней, мы проводили время въ товарищескомъ кружкѣ. Изъ города каждый привозилъ рассказы, толки, слухи и сужденія тѣхъ круговъ, въ которыхъ приходилось бывать.

Только въ описываемый годъ я началъ впервые знакомиться съ петербургской служебной и жизненной обстановкой; все это для меня было совершенно ново.

Въ горячихъ обсужденіяхъ всего происходившаго, больше всего накопилось разговоровъ о восточныхъ дѣлахъ вообще и о герцеговинско-боснійской смутѣ въ частности; не разъ вырывалось сожалѣніе о томъ, что все скрыто, и что нельзя даже предвидѣть—какъ въ ближайшемъ развернутся событія, повидимому предвѣщавшія много сложнаго, способнаго потрясти ходъ дѣлъ въ Европѣ, а въ особенности въ Россіи. Всѣхъ удручала томительная неизвѣстность и неопредѣленность. И въ этой тѣсной, сплоченной офицерской средѣ, какъ и повсюду въ военныхъ кружкахъ, высказывалось много надеждъ на то, что Драгомировъ сообщеніемъ во дворцѣ дастъ какое-либо разъясненіе, выведетъ всѣхъ изъ мрака несносныхъ беспочвенныхъ гаданій.

* * *

Вечеромъ въ воскресенье 22 февраля въ дворцѣ в. к. Николая Николаевича, на сообщеніе собрались: августѣйшій хозяинъ—главнокомандующій съ сыновьями, наслѣдникъ цесаревичъ в. к. Александръ Александровичъ, незадолго передъ тѣмъ (30-го августа 1875 г.) назначенный, съ должности начальника 1-ой гв. пѣхотной дивизіи, въ должность командира гв. корпуса, нач. гв. стрѣлковой бригады вел. кн. Владиміръ Александровичъ, великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, командиръ л.-гв. Преображенск. полка принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, герцоги Лейхтенбергскіе—Николай и Евгеній Максимиліановичи, начальникъ штаба войскъ гв. и окр. графъ П. А. Шуваловъ и только-что, по выбору цесаревича, назначенный на постъ начальника штаба гв. корпуса

—блестящій командиръ л.-гв. Гусарскаго Его Величества полка гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ. Начальники дивизій, командиры пѣх., кав. и артил. бригадъ, полковые командиры, а также массы офицеровъ всѣхъ родовъ оружія.—собрались послушать опытнаго лектора—профессора академіи.

Свое первое сообщеніе—„о приѣмахъ обученія совокупнымъ дѣйствіямъ пѣхоты съ кавалеріей“.—Михаилъ Ивановичъ началъ какъ бы извиненіемъ за недочеты, которые могли оказаться въ его сообщеніи: предъ такимъ большимъ и блестящимъ собраніемъ мнѣ приходится говорить въ первый разъ въ жизни, сказалъ онъ. Лекція была полна разнообразнаго интереса, она увлекла слушателей, всецѣло захвативъ ихъ вниманіе, несмотря на то, что въ сущности, по темѣ, содержаніе сообщенія могло показаться сухимъ.

Сквозныя атаки кавалеріи черезъ пѣхотный строй, приученіе кавалерійскаго коня не бояться этого строя, приученіе пѣхотныхъ солдатъ къ лошади, оглаживаніе ея ими, необходимость и обязательность взаимной поддержки и выручки, необходимость полного знакомства начальниковъ частей съ другими родами оружія, обязательность для состава офицеровъ различныхъ частей, знакомства между собой,—словомъ, все то, что Драгомировъ раньше проводилъ на лекціяхъ въ училищахъ и въ академіяхъ, а впослѣдствіи вкоренялъ въ понятія и въ жизнь войскъ, коими командовалъ,—все это, въ общихъ чертахъ, онъ поднесъ „блестящему“ собранію; сообщеніе было приправлено ссылками на болѣе рельефныя примѣры изъ исторіи, подкрѣплено доказательными разсужденіями и изложено въ краснорѣчивой, легкой, живой формѣ.

По поводу всего высказаннаго, онъ коснулся также способовъ производства малыхъ маневровъ,—примѣрно въ составѣ батальона пѣхоты, эскадрона кавалеріи и двухъ-четырехъ орудій, при чемъ придавъ особое значеніе дружному и одинаковому усвоенію всѣми родами оружія взаимныхъ отношеній частей именно во время веденія этихъ малыхъ маневровъ съ тѣмъ, чтобы, съ самаго начала совмѣстныхъ дѣйствій, при домашней обстановкѣ, всѣ могли свыкнуться, сжиться съ этимъ дѣломъ взаимныхъ отношеній и усвоить себѣ важность взаимнаго тѣснаго сближенія.

Оцѣнивъ важность обученія больше „показомъ“, чѣмъ разсказомъ, т. е. примѣрнымъ продѣлываніемъ всего того, чему необходимо обучить часть, и пояснивъ, что это является важнымъ не только при первоначальномъ обученіи единицъ, а главнымъ образомъ при обученіи частей—лекторъ развилъ передъ слушателями понятіе о томъ, на сколько важно, чтобы начальникъ при обученіи умѣлъ

щадить самолюбіе подчиненныхъ, а самъ всегда и при всякомъ случаѣ имѣлъ мужество во-время, открыто признавать свои промахи и ошибки; такое отношеніе всегда, во, первыхъ, возвыситъ его въ глазахъ всѣхъ, увеличивъ его престижъ, столь необходимый для дѣла, и во-вторыхъ, въ высокой степени подниметъ духъ подчиненныхъ—неопѣнимое условіе для достиженія сознательнаго, разумнаго воспринятія ими всего преподаваемаго.

*
*
*

Второе сообщеніе Мих. Ив. Драгомирова состоялось также во дворцѣ главнокомандующаго во вторникъ 24-го февраля,—„о военныхъ призракахъ или миражахъ“.—Начавъ съ совѣта никогда, ни въ чемъ ни создавать себѣ чего-либо предвзятаго, дабы избѣжать расплаты бѣдой за руководство этимъ предвзятымъ, созданнымъ въ собственной фантазіи и принимаемымъ за дѣйствительное, Мих. Ив. пояснилъ, что бѣда, нажитая человѣкомъ такимъ путемъ въ частной жизни, почти всегда можетъ быть поправлена. Въ военномъ же быту, въ военное время, такая бѣда сказывается тѣмъ, что за созданный призракъ платятся поражениемъ; за миражъ бьютъ и бьютъ не разъ подъ рядъ, бьютъ до тѣхъ поръ, пока поддавшійся призраку не спохватится и не пойметъ, въ чемъ суть, т. е. что его бьютъ больше всего за созданіе имъ себѣ призрака, и за руководство этимъ призракомъ. Одинъ напримѣръ глубоко не довѣряетъ штыку и благодаря этому „призраку“ онъ пренебрегаетъ этой почтенной и внушительной частицей вооруженія, а потому къ ней не только во-время, но и никогда, не прибѣгаетъ;—отъ этого всегда остается побитымъ въ ту самую минуту, когда штыкъ могъ бы спасти и его самого и отрядъ его. Самый модный призракъ послѣдняго времени—это боязнь обхода со стороны непріятеля; сколько извѣстно примѣровъ того, какъ создававшіе себѣ этотъ призракъ, сосредоточившись на устраненіи его, всецѣло предавались самосохраненію, забывали о самоотверженіи, не давали своимъ войскамъ развернуть этотъ крайне важный элементъ—и несли поражение за поражениемъ. Вѣдь извѣстно, что вполне естественнымъ является преувеличеніе опасности въ бою; объ этомъ надо думать, это надо устранять; если поражение является прямымъ слѣдствіемъ преувеличенія, опасности, то тѣмъ болѣе пагубно отзывается прямое созданіе мысли о ней въ бою въ видѣ страха передъ обходомъ, о которомъ зачастую непріятель не думаетъ да и думать не имѣетъ ни возможности, ни случая, ни повода.—Оберегай свои

фланги, охраняй ихъ отъ непріятеля, но не предавайся этому всецѣло и исключительно; объ этомъ неустанно думаютъ частные приставленные къ этому начальники, коимъ это внушаетъ ихъ прямой долгъ; оставь въ себѣ воли и ума на другія распоряженія; въ минуты хода боя, они такъ разнообразны и такъ назойливо требуютъ полного отрѣшенія отъ чего бы то ни было предвзятаго, созданнаго, измышленнаго, ни на чемъ не основаннаго и потому вполне призрачнаго. Такъ приблизительно Мих. Ив. началъ свое второе сообщеніе.

Говоря о чувствѣ самосохраненія вообще, онъ назвалъ его самой могущественной силой нашего организма; изъ этого слѣдуетъ, что въ бояхъ оно вообще играетъ первенствующую роль.

Далѣе онъ вообще сопоставилъ неизбежность самосохраненія съ обязательностью самоотверженія; одно является дѣломъ ума, другое находится всецѣло во власти воли.

Много говорилъ Мих. Ив. о товариществѣ вообще, а въ бою особенно; рассказывалъ, каково оно у насъ и каково у пруссаковъ, разбиралъ частныя причины разницы, а затѣмъ установилъ, что отъ развитія товарищества въ частяхъ въ мирное время много зависитъ духъ товарищества въ военное время — дорогое проявленіе товарищества въ сраженіяхъ. Ради него всякъ долженъ твердо знать и свято исполнять заповѣдь, распадающуюся на двѣ части:

- 1) Не думай о себѣ, думай о товарищахъ.
- 2) Товарищи сами о тебѣ подумаютъ.

* * *

Вотъ что М. И. Драгомировъ говорилъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ; говорилъ онъ это не только во дворцѣ вел. князя, на сообщеніи 24 февраля 1876 года, но говорилъ всегда, вездѣ, при чемъ неустанно вѣдрилъ это въ понятія, знанія и въ мышленія широкаго круга своихъ подчиненныхъ — и большихъ и малыхъ.

Сообщенія доровитаго генерала произвели большое впечатлѣніе вообще; со всѣхъ сторонъ слышались восторженные отзывы; все высказанное лекторомъ разбиралось до мелочей, повторялось на разные лады.

Нашлось не мало лицъ, которые, повторяя по адресу Михаила Ивановича, увидѣли въ его словахъ прямое указаніе на неизбежность войны, въ очень близкомъ будущемъ; къ такому заключенію пришли конечно люди, слышавшіе его въ первый разъ и не знавшіе ни характера, ни тона, ни сути его повѣст-

вованій вообще; эти люди не знали, что профессор Драгомировъ всегда твердилъ о необходимости въ каждый данный моментъ быть готовымъ къ войнѣ, и что всѣ его собесѣдованія постоянно сводились къ разсужденіямъ о томъ, „какъ вести войну“.

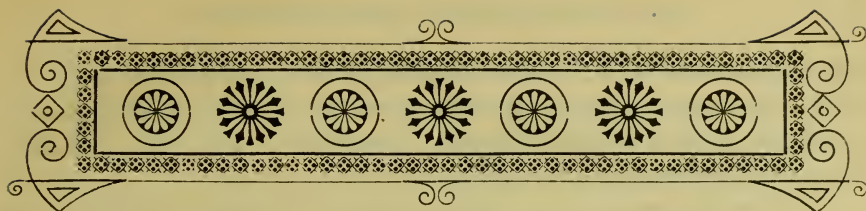
Для большинства присутствовавшихъ сообщенія тѣ оказались глубоко поучительными и, принятыя очень серьезно, они несомнѣнно принесли много пользы не далѣе какъ черезъ полтора года, когда совершенно случайно „близорукіе оказались дальновидными“, т. е. когда казавшееся несообразнымъ и нисколько въ его словахъ не проглядывавшее заключеніе о близости войны явилось точно исполненнымъ предсказаніемъ. Нечего говорить о томъ, что заурядные командиры и начальники частей вообще помнили совѣты и уроки Мих. Ив.,—самъ Мих. Дм. Скобелевъ любилъ вспоминать слышанное имъ отъ такого учителя и ссылаться на его слова онъ нерѣдко цитировалъ его нетолько тогда, когда, близъ боевой позиціи, въ штабѣ, за стаканомъ вина и за гостепріимно предлагавшимся имъ шашлыкомъ, велъ со своими гостями простую бесѣду на военныя и боевыя темы, но и при назиданіяхъ войскамъ, когда приходилось ему напутствовать ихъ передъ выступленіемъ въ бой; вспоминая и напоминая слова Мих. Ив-ча, онъ, нисколько не стѣсняясь, открыто называлъ источникъ, изъ котораго, какъ онъ самъ говорилъ, доводилось и ему нерѣдко черпать много мудраго.

Приходится невольно задуматься надъ тѣмъ, въ какой степени именно повторенныя во второмъ сообщеніи назидательныя слова Мих. Ив-ча оказались фатально пренебреженными черезъ тридцать съ лишнимъ лѣтъ: чѣмъ же, какъ не предвзятымъ призракомъ на самомъ верху нашей славной, хотя въ этотъ разъ злополучной, арміи явилась постоянная, болѣзненная боязнь обходовъ въ Манчжуріи!

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о крѣпостномъ правѣ.

Въ старину именитое петербургское купечество щеголяло своими пышными выѣздами. Въ большіе годовые праздники по главнымъ улицамъ столицы нерѣдко мчались огромныя, роскошныя кареты четверкою откормленныхъ тысячныхъ коней, съ мальчикомъ-форрейторомъ впереди, звонко оравшимъ во все горло: „па-а-ди“! а на широкихъ, монументальныхъ козлахъ, украшенныхъ яркой покрывкой съ бахромой и большими кистями, величественно возсѣдалъ еще болѣе монументальный кучеръ, непремѣнно огромнаго роста, плечистый, съ бородою лопатой во всю грудь и съ необыкновеняно пышнымъ задомъ. Отсутствіе природной пышности этой части тѣла восполнялось подушками. Одежда кучера, конечно, соотвѣтствовала его собственному великолѣпію. Свѣтлосиній, голубой или коричневый кафтанъ подпоясывался большимъ широкимъ кушакомъ и обшивался дорогимъ мѣхомъ, а шапка, часто голубого или алаго бархата, украшалась и блестѣла серебряными или золотыми шнурами.

Въ одинъ изъ первыхъ дней рождественскихъ праздниковъ начала сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, къ подъѣзду огромнаго дома купца Крохоткина, на Невскомъ проспектѣ, около церкви Знаменія, подкатила именно такая карета. Изъ нея вышелъ, въ дорогой собольей шубѣ, самъ домовладѣлецъ, купецъ-милліонеръ Крохоткинъ, и, приказавъ отпрягать, скрылся въ широко-распахнувшихся передъ нимъ дверяхъ подъѣзда. Изъ-подъ воротъ сейчасъ же выбѣжало нѣсколько конюховъ въ короткихъ синихъ поддевкахъ, съ непокрытыми головами, и бросились помогать кучеру слѣзть съ высокихъ козелъ. Грузная фигура величествен-

наго Автомедонта, небрежно бросивъ возжи, поднялась, и съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства возложивъ бревенобразныя руки на плечи подобострастныхъ конюховъ, опустилась на тротуаръ и направилась къ воротамъ.

— Смотри, ребята, проводите коней-то хорошенько! Ёзда была большая,—вишь, какъ упарились!,—строго прикрикнулъ кучеръ.

— Не сумлѣвайтесь, Яковъ Ефимычъ, проведемъ на совѣсть!—почтительно отвѣчалъ одинъ изъ конюховъ.

Служилъ этотъ Яковъ Ефимычъ у Крохоткина уже нѣсколько лѣтъ и жилось ему во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно. Вся его служба только въ томъ и состояла, что отвезти и привезти хозяевъ, куда потребуется, да и то, когда они выѣзжали запросто, въ санихъ или дрожкахъ, въ одиночку, вмѣсто него часто ѣздили другой, молодой кучеръ, или старшій конюхъ. Никакой черной работы онъ не зналъ, такъ какъ все рѣшительно около лошадей, экипажей, конюшенъ и сараевъ исполняли конюхи, форрейторы и дворники, и на немъ, сверхъ выѣздовъ съ господами, лежали только распорядительно-хозяйственная часть и общее наблюдение за порядкомъ въ содержаніи лошадей и экипажей. Кромѣ весьма значительнаго по тому времени жалованья, онъ получалъ много и постороннихъ доходовъ, въ видѣ щедрыхъ наградъ, главнымъ же источникомъ его благоденствія было продовольствіе лошадей, которыхъ постоянно было не менѣе десяти.

Войдя въ свою комнатку, помѣщавшуюся во дворѣ надъ каменными сараями, Яковъ снялъ съ себя богатый кучерской нарядъ и, оставшись въ одной кумачной косовороткѣ и плисовыхъ широкихъ шароварахъ, заткнутыхъ въ блестящіе высокіе сапоги, надѣлъ новую плисовую поддевку, сталъ расчесывать мѣднымъ гребнемъ свои кудрявые, русые волосы и такую же бороду, густо покрывшую его широкую, мощную грудь. Это былъ высокій, плотный и очень представительный красавецъ-мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ большими темными и чрезвычайно добрыми глазами. Небрежно накинувъ на плечи широкій овчинный полушубокъ, крытый сѣрымъ сукномъ, и надѣвъ круглую баранью шапку, Яковъ вышелъ изъ воротъ и степенной, неторопливой походкой направился по Знаменской, къ третьему дому отъ Невского проспекта, къ своей сожительницѣ. Тамъ, на заднемъ дворѣ, въ самомъ верху, по черной лѣстницѣ, старая торговка яблоками нанимала въ чердачномъ помѣщеніи кухню съ небольшою при ней комнаткой, въ которой Яковъ и помѣстилъ свою Дуню, когда она почувствовала себя въ такомъ положеніи, при которомъ ей уже нельзя было оставаться въ томъ господскомъ домѣ, гдѣ она служила горничной.

Когда онъ вошелъ въ эту горенку, Дуня, высокая и красивая 25-ти лѣтняя дѣвушка, оставила уже закипавшій самоваръ и бросилась на шею давножданному дорожному гостю. Ласково расцѣловавшись, оба усѣлись у столика, и началось чаепитіе. Послѣ третьей или четвертой чашки, раскраснѣвшійся Яковъ, любуясь на свою краю, стройность стана которой нѣсколько нарушалась сильно поднявшимся животомъ, окончательно пришелъ въ благодушное настроеніе и, придвинувшись къ Дунѣ поближе, сталъ любовно гладить ее по головѣ своею широкою ладонью.

— Слышь, Дуниха! Скоро ли кумовьевъ-то звать, ась? спросилъ онъ, весело ухмыляясь.

— Ой, Яша, и не вспоминай лучше! Такъ-то боязно!

— Чего боязно? Рожай, знай, да и все тутъ! Это ужъ ваше бабье дѣло такое! А я ужъ обмозгую все, какъ слѣдуетъ, насчетъ, значить, повитухи, кумовьевъ и все прочее. Не бойсь, все справимъ въ лучшемъ видѣ, рожай только поскорѣй, да смотри,—парнишку, а не дѣвку... Не люблю я, признаться, этой слабосильной команды!

— Еще не очень скоро,—чай, мѣсяца черезъ два слишкомъ... А только,—страшно, зазорно ужъ больно не въ законѣ-то рожать!... Вотъ, кабы повѣнчаться намъ, Яковъ Ефимычъ... не въ примѣръ лучше бы... А такъ-то... и мнѣ со стыда помирать надо, и дите наше на всю жите несчастнымъ будетъ!... Дуня, опустивъ голову тихо заплакала.

— Дура ты, Дуниха, вотъ что! Какъ есть дура! И ничего-то въ толкъ не хочешь принять, что я тебѣ не одна ужъ сказывалъ! Пойми-жь ты, сердешная: вѣдь коли-бъ можно было, неужто я не повѣнчался бы! Да съ превеликимъ бы моимъ удовольствіемъ, хоть сейчасъ же! Вотъ, провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли вру! А что же дѣлать, коли это никакъ не возможно!...

— Яша, желанный! Все, все бы я, кажись, претерпѣла, лишь бы жить намъ съ тобой въ законѣ! Какъ Богъ велѣлъ, да чтобъ дите наше было не блудное, а законное!

— Да вѣдь ты знаешь, что я крѣпостной! Если ты будешь моею законной женой,—и ты и всѣ наши дѣти будутъ крѣпостными!.. А барыня-то у меня какая? Вѣдь, настоящая аспидка! Кажись, на свѣтѣ нѣтъ звѣря лютѣе ея! Вѣдь, она всю кровь изъ тебя выпьетъ, а натѣшится-то, надругается-то сколько надъ тобой! Посмотрѣла бы ты, какъ она мучаетъ да терзаетъ тѣхъ, кто сейчасъ при ней состоятъ, такъ у тебя все сердце изныло бы!... Нѣтъ, лучше бы, кажется, мнѣ похоронить тебя, чѣмъ смотрѣть, какъ она власть свою господскую стала бы на тебѣ, да на дѣтяхъ

нашихъ показывать! Нѣтъ, не бывать этому никогда! Легче мнѣ помереть самому, чѣмъ видѣть тебя крѣпостной этой аспиды! И не смѣй ты мнѣ поминать объ этомъ!... Не бывать тому,—вотъ тебѣ послѣдній мой сказъ! И, ударивъ кулакомъ по столу, Яковъ въ сильномъ волненіи сталъ ходить по горенкѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова подошелъ къ Дунѣ и заговорилъ спокойнѣе:

— Кабы знала бы ты, Дунька, да вѣдала, какая змѣя лютая наша барыня, что за каторжная жизнь у нея намъ, крѣпостнымъ, такъ и сама ни въ жисть не согласилась бы пойти на эфтакое мученье, а не то чтобы проситься,—повѣнчаемся, да повѣнчаемся! Вѣдь, она что: и всего-то у нея имѣнья, что насъ четверо, да и сама-то изъ себя—плюнуть не на что, а поглядѣла бы ты, какъ она ломается да кочевряжится надъ нами,—страсть!... На что ужъ я, кажись, ражій мужикъ... съ одного щелчка моего отъ нея только мокренько осталось бы; да и не токма что не на ейныхъ голодныхъ харчахъ проживаю, а ей же еще кажинный мѣсяць хорошій оброкъ приношу; а она и мнѣ, чуть что не по ейному, первымъ долгомъ въ морду да въ бороду лѣзетъ... Иной разъ, такъ бы и звѣзданулъ злющую бабу,—и духъ бы изъ нея вонъ... а нельзя, потому,—и въ Писаніи сказано: рабъ да повинуется господину своему!... Нѣтъ, Дуняха, не гоже тебѣ вѣнчаться со мной! Ужъ коли судилъ тебѣ Богъ спознаться со мной, съ рабомъ горемычнымъ, такъ ужъ, по крайности, сама-то въ петлю не лѣзь!... Что дѣлать, проживемъ какъ-нибудь и безъ вѣнца... Оно, что говорить, извѣстно, грѣхъ, и самъ знаю, да вѣдь Богъ то, не бойсь, видить, что не по своей волѣ грѣшимъ!... чай, смиляется надъ нами Милосердный и простить наше прегрѣшеніе!... А ты будь спокойна: я тебя и такъ никогда не оставляю, все единственно, какъ свою законную жену, а ребеночекъ нашъ все равно, роднымъ, своимъ, нашимъ будетъ... Такъ-то, любя моя! И Яковъ опять сталъ нѣжно гладить Дуню по головѣ.

— Дѣлай, какъ знаешь, твоя воля!.. Эхъ, голубь ты мой сизый!—грустно промолвила Дуня, обнявъ руками шею Якова и спрятавъ свое заплаканное лицо въ его густой бородѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, когда Яковъ опять величественно подкатилъ своего хозяина къ подъѣзду его дома и слѣзъ съ козелъ, одинъ изъ конюховъ, принимая отъ него возжи, сказалъ ему:

— А безъ васъ тутъ, Яковъ Ефимовичъ, прибѣгалъ Васька отъ вашей барыни и наказывалъ, чтобы вы безпремѣнно пришли къ ней сегодня же къ вечеру. Безпремѣнно, говорить, чтобы пришелъ!..

По лицу Якова промелькнула тревожная тѣнь...

— А что ей понадобилось, не сказываль?

— Ничего не сказываль, а только, чтобы безпремѣнно, говорить, пришелъ.

— Заладилъ одно,—безпремѣнно да безпремѣнно!..

Пошелъ убирать лошадей!—сердито произнесъ Яковъ, и въ раздумѣ, понуривъ голову, тихо побрелъ къ себѣ.

Наскоро сбросивъ верхнюю одежду, онъ усѣлся у столика, опустил свою кудрявую голову на руки и сталъ размышлять.

Должно быть денегъ опять будетъ требовать, думаль онъ, или еще увеличить оброкъ; а гдѣ я про ея ненасытную утробу денегъ возьму? Ужъ и такъ, почитай, все жалованье отбираетъ... Кабы не доходы, ничего бы у меня не было... А тутъ Дунька скоро рожать станетъ,—сколько расходовъ будетъ,—страсть!.. Нѣтъ, ни за что я этой змѣѣ подколодной не дамъ ни гроша сверхъ того, что положено!.. Нѣту у меня—вотъ и все!.. На этомъ рѣшеніи, Яковъ успокоился и прилегъ на кровать въ грустномъ раздумѣ о своемъ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи крѣпостного раба.

До начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, на мѣстѣ нынѣшней широкой и, прекрасно обстроенной Николаевской улицы, отъ Невскаго проспекта до Ямскаго рынка, тянулась очень неказистая улица, подъ названіемъ Грязной, вѣроятно, отъ невылазной грязи, покрывавшей ее, особенно весной и осенью. За Ямскимъ рынкомъ шли уже заборы и пустыри, упиравшіеся въ обширное поле, часть котораго сохранилась и понынѣ подъ именемъ Семеновскаго плаца. По обѣимъ сторонамъ этой Грязной улицы, вмѣсто нынѣшнихъ огромныхъ каменныхъ палатъ, стояли маленькіе одноэтажные и двухъ-этажные деревянные домики, окрашенные въ веселую свѣтлосѣрую краску, съ зелеными палисадниками передъ ними.

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ на этой улицѣ проживаль скромный и чрезвычайно добродушный учитель русскаго языка и словесности, или элоквенціи, какъ ее называли въ старину, Сергѣй Николаевичъ Слѣдновъ, съ женой и тремя дѣтьми. Но далеко не отличалась добродушіемъ его супруга, Агаѣя Захаровна. Небольшого роста, худощавая, съ маленькими, сѣрыми и злыми глазами, крючковатымъ носомъ, выдававшимся впередъ острымъ подбородкомъ и тонкими губами, она весьма успѣшно и безъ большого грима могла бы исполнять роль одной изъ вѣдьмъ въ трагедіи „Макбетъ“. Эта дама, собственно, и была главою дома, такъ какъ

милой элоквентъ, кроткій поэтъ, по призванію, очень не дурно переводившій иностранныя и сочинявшій собственные стихотворенія, но совершенно чуждый житейской прозы идеалистъ, не входилъ въ своемъ домашнемъ быту ни во что и во всемъ подчинялся своей бурной половинѣ.

Учительскій трудъ въ то время даже и въ Петербургѣ оплачивался весьма скудно; учителя, за исключеніемъ иностранцевъ, преимущественно французовъ, жили, что называется, впроголодь. Слѣдновъ пополнялъ свои скромные доходы разными литературными работами и жилъ со своей семьей хотя и безъ особенной нужды, но и далеко не роскошно. Нѣкоторымъ подспорьемъ служили четверо крѣпостныхъ людей, доставшихся ему въ приданое отъ жены, дочери захолустнаго мелкаго помѣщика, проживавшей въ Петербургѣ у какихъ-то знатныхъ родственниковъ, гдѣ онъ съ ней и познакомился. Двое изъ этихъ крѣпостныхъ, портной Ефимъ и кучеръ Яковъ, жили на оброкѣ, а двое, поваръ Васька и дѣвушка Наталья, оставались у своихъ господъ для домашнихъ услугъ.

Но именно въ то время, къ которому относится этотъ разсказъ, произошелъ случай, послужившій для Слѣднова источникомъ необычайныхъ доходовъ. Какъ-то на придворномъ балу въ Зимнемъ дворцѣ, Императоръ Николай Павловичъ обратился къ одной изъ фрейлинь, кажется, графинѣ Браницкой, съ какимъ-то вопросомъ на русскомъ языкѣ.

— Pardon, Votre Majesté!..—начала была знатная полька, дѣлая граціозный реверансъ...

— Должно отвѣчать на томъ языкѣ, на которомъ обращается къ вамъ вашъ государь!..—строго оборвалъ ее грозный царь.

— Pardonnez moi, Sire, je ne possède pas la langue...

— Надо учиться!—уже грозно произнесъ императоръ и, отвернувшись, отошелъ отъ переконфуженной и растерявшейся дѣвицы.

Такъ какъ въ то время большинство дамъ и дѣвицъ не только польской, но и коренной русской аристократіи очень плохо знали русскій языкъ, то на другой же день бросились искать по всему Петербургу учителей этого языка, которыхъ тогда было очень не много, въ особенности,—хорошихъ. Поэтому, Слѣдновъ, пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью, въ нѣсколько дней былъ заваленъ уроками въ самыхъ знатныхъ домахъ столицы. Его приглашали на перебой, и поурочная плата доходила до неслыханныхъ прежде размѣровъ, а именно—до 10 рублей (ассигнаціями) за часъ. Каждый день онъ привозилъ и съ сіяющимъ лицомъ выкладывалъ на столъ предъ своей супругой презрительную сумму денегъ.

Скоро у Агаѣи Захаровны закружилась голова, и она возмечтала! У нея появились роскошные наряды, начались безпрестанные выѣзды по гостямъ и театрамъ, обѣды, вечера и ужины... ъ ездѣ она стала чваниться и хвастать, хвастать безъ конца блестящими успѣхами своего мужа и его знакомствомъ съ знатѣйшими вельможами, къ крайнему конфузу скромнаго и слишкомъ умнаго для подобныхъ выходокъ Слѣднова.

И вотъ, въ увлеченіи этимъ неожиданнымъ изобиліемъ денегъ, этой легкомысленной дамѣ пришла блажь завести собственную лошадь. Ей такъ соблазнительно представлялась возможность прокатиться по Невскому проспекту въ собственныхъ хорошенькихъ саночкахъ съ красивымъ кучеромъ на козлахъ! Чувство мелочного тщеславія разжигалось въ ней болѣе и болѣе при мысли, съ какой гордостью она будетъ обгонять знатныхъ барынь, до сихъ поръ, какъ ей казалось, свысока смотрѣвшихъ на нее, когда она тряслась мимо ихъ на обтрепанной извозчичьей гитарѣ, какъ называли тогда крайне уродливыя и неудобныя извозчичьи дрожки. И вотъ, однажды, когда Слѣдновъ возвратился домой со своихъ уроковъ, и всѣ услыли обѣдать, она, еще не кончивъ супа, вдругъ выпалила:

— А знаешь, Serge, тебѣ необходимо завести свою лошадь. Ты такъ много проѣзжаешь на извозчикахъ, да и при твоей нынѣшней практикѣ тебѣ просто неприлично подѣзжать къ графскимъ и княжескимъ подѣздамъ на какомъ-нибудь несчастномъ Ванькѣ!

-- Вотъ, выдумала! Ты вѣрно не сообразила, чего будетъ стоить эта затѣя, да и съ какой стати!

— Ничего не выдумала, и, повѣрь, все сообразила лучше тебя! Саночки и лошадку мы купимъ по случаю и, значить, не дорого; сарай и конюшня стоятъ у домоваго хозяина свободные, и онъ отдастъ намъ ихъ за пустяки; на содержаніе лошади пойдутъ тѣ деньги, да и то не всѣ, которыя ты теперь проѣзжаешь на извозчикахъ, а кучеръ намъ ничего не будетъ стоить, потому что мы возьмемъ отъ Крохоткина нашего Якова... Видишь, какъ я прекрасно все сообразила и рассчитала... Да, это дѣло рѣшеное! Я на-дняхъ же все устрою и ты будешь разѣзжать по своимъ урокамъ въ собственномъ экипажѣ, какъ важный аристократическій преподаватель въ знатнѣйшихъ домахъ, а затѣмъ скоро будешь преподавать и при Дворѣ, и тогда не только сани и дрожки, — мы заведемъ карету и коляску!.. Прелесть! Прелесть!.. Да, рѣшено и подписано, и ты лучше и не возражай!

— Да позволь же, однако: положимъ, теперь мы получаемъ не

мало; но вѣдь не вѣкъ же будетъ продолжаться это благополучіе; пройдетъ оно, и тогда что? И сбереженій нѣтъ у насъ никакихъ, потому что мы стали жить ужъ слишкомъ широко...

— Ты просто байбакъ и ничего не понимаешь,—уже запальчиво прервала его Агаѣя Захаровна. Вовсе не пройдетъ твоя практика, а напротивъ, будетъ расширяться болѣе и болѣе, если не будешь дуракомъ! Ты и теперь уже входишь въ славу и скоро тебѣ должны будутъ платить не по 10, а по 25 рублей!.. Ты только слушайся меня: я, вѣдь, куда практичнѣе тебя!

— Да ты, матушка, кажется, съ ума спятила!—началъ было Слѣдновъ...

— Не смѣй говорить такъ!—сердитымъ крикомъ прервала его нетерпѣвшая возраженій женщина, и ударила по столу кулакомъ такъ, что тарелки запрыгали и задребезжали,—и рѣшила, что у насъ должна быть лошадь,—и будетъ!

— Ну, ладно, ладно! Дѣлай какъ знаешь!—поспѣшилъ оторопѣвшій Слѣдновъ успокоить грозную супругу и, наскоро проглотивъ свой кофе, ушелъ въ кабинетъ.

Тотчасъ послѣ обѣда, Агаѣя Захаровна позвала Ваську-повара и приказала ему:

— Какъ только уберешься,—ступай къ Крохоткину и скажи Якову, чтобы непременно пришелъ сегодня вечеромъ ко мнѣ... Да смотри у меня, мерзавецъ,—не провались тамъ!

Съ названіемъ „мерзавецъ“ и т. п. милыми эпитетами барыня постоянно обращалась къ своимъ слугамъ даже и при болѣе спокойномъ расположеніи духа, считая это необходимымъ для поддержанія своего барскаго достоинства и чтобы эти „твари“, какъ она обыкновенно ихъ называла, не забывались. Въ минуты же гнѣвнаго раздраженія, что съ нею случалось ежедневно по нѣскольку разъ, оскорбительныя ругательства подкрѣплялись еще и пощечинами, вырываніемъ ключевъ волосъ и пусканіемъ въ фізіономіи чѣмъ попало. Въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ, какъ, напримѣръ, побѣговъ, пьянства, воровства и т. п., провинившійся отправлялся съ городовымъ на „сѣѣзжую“, какъ тогда называли управленіе полицейской части, съ запиской къ частному приставу, и тамъ производилось надлежащее исправленіе провинившагося розгами.

Васька очень часто былъ въ бѣгахъ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно подавались объявленія въ полицію, бѣглеца ловили, и будничники приводили его на веревочкѣ къ господамъ, а затѣмъ—вели въ полицію, тамъ нещадно сѣкли, обрывали половину головы и послѣ этихъ терзачій окончательно водворяли на мѣсто, гдѣ онъ и сидѣлъ смирно, пока заростетъ бритое мѣсто, и снова наступать

теплые дни. Въ то патріархальное и варварское время ежедневно можно было видѣть на модныхъ улицахъ города цѣлыя ватаги разнаго сброда людей, влекомыхъ на веревочкахъ полицейскими стражами, или — съ начертанными мѣломъ на спинѣ крестами, подмечавшихъ мостовую. Въ числѣ этихъ подневольныхъ метельщиковъ съ разбитыми и обезображенными лицами и въ самыхъ ужасныхъ лохмотьяхъ, нерѣдко попадались и болѣе или менѣе молодые и красивыя дѣвушки, въ бархатныхъ бурнусахъ и шляпкахъ съ перьями, съ огромными метлами въ рукахъ и съ мѣловыми крестами на спинахъ. Это были погибшія созданія, забранныя въ полицію за разные безобразія на улицахъ.

Вечеромъ, когда Слѣднова не была дома, Яковъ пришелъ къ своей госпожѣ.

— Здравствуйте, матушка барыня! — произнесъ онъ встревоженнымъ голосомъ, низко поклонившись и почтительно остановившись у косяка двери въ столовой, гдѣ за кипящимъ самоваромъ возсѣдала Агаея Захаровна.

— Вотъ что, Яковъ, — начала она, — завтра же объяви Крохоткину, чтобы онъ искалъ другого кучера и скажи, что долго я ждать не буду и не позже, какъ черезъ недѣлю, возьму тебя къ себѣ!

Мужикъ поблѣднѣлъ и сталъ нервно переминаться съ ноги на ногу, почувствовавъ сильную дрожь въ ногахъ...

— Тоись, какъ это, сударыня?.. По какой тоись причинѣ? осмѣлюсь спросить...

— А по такой причинѣ, что у насъ будетъ свой экипажъ, и ты у насъ будешь кучеромъ, понялъ?

Яковъ поблѣднѣлъ еще болѣе.

— Оно, конечно... воля ваша, сударыня... А только, осмѣлюсь доложить: вѣдь я — кучеръ каретный... четверкой, значить... съ фаяеторомъ... Какъ же это?..

— Ну, ну! Не разсуждать! Дѣлай, что приказано и чтобы въ будущій вторникъ утромъ ты непременно здѣсь былъ!.. Такъ и скажи Крохоткину!..

Слезы брызнули изъ глазъ Якова.. Онъ упалъ на колѣни и, кланяясь въ ноги своей грозной госпожѣ, сталъ всячески умолять ее не губить его, не брать съ мѣста, предлагалъ отдавать къ своему оброку и тѣ послѣдніе два рубля, которые она оставляла ему на его собственные нужды и просилъ нанять другого, болѣе подходящаго для маленькихъ одиночныхъ санокъ кучера, — ничто не помогало!

Барыня ткнула ногой въ распростертую передъ ней огромную фигуру своего раба и сердито закричала:

— Это еще что! Какъ ты смѣешь, каналья, разсуждать и перечить мнѣ! Да я сейчасъ же прикажу отправить тебя на Стѣзжую и запороть до полусмерти!.. Вставай, бестія! Да помни: если во вторникъ не явишься, — вытребую черезъ полицію — и не миновать тебѣ порки!.. Ступай!

Яковъ поднялся и, низко понутивъ голову, вышелъ.

Купецъ Крохоткинъ очень разсердился, когда Яковъ объявилъ ему волю своей барыни; но, вполне сознавая всю силу свирѣпствовавшего тогда крѣпостного права, сообразилъ, что можетъ удержать у себя любимаго кучера только путемъ мирнаго соглашенія съ его госпожей, и рѣшилъ отправиться къ ней самъ, совершенно увѣренный, что не можетъ же она, какая-то тамъ учительша не сдѣлать уваженія ему, Крохоткину, которому всячески стараются угодить и не такія, какъ она, персоны.

Черезъ день Яковъ привезъ его къ скромному жилищу Слѣдновыхъ на Грязной улицѣ.

Войдя въ маленькую, въ сравненіи съ его раззолоченными палатами, слишкомъ бѣдную гостиную, милліонеръ окинулъ ее презрительнымъ взглядомъ и, пока о немъ докладывали, разсуждалъ: и съ чего эта дура-баба вдругъ взбредила заводить собственный экипажъ?.. Кажись, не къ рылу бы ей такія затѣи... Аль наслѣдство какое вдругъ съ неба свалилось?.. Вишь, сколько времени ждаты заставляетъ! Ломается тоже, кочевряжится... Поди жъ ты!.. Барыня, вишь ты, чиновница!.. А и вся-то цѣна ей — пятакъ мѣдный!

— Что это вы спозаранку! меня беспокоите!.. — прервала его размышленія Слѣднова, входя въ комнату и даже не поздоровавшись, — что вамъ отъ меня нужно?

Какъ ни мало былъ свѣтски образованъ Крохоткинъ, но такое грубое обращеніе сильно покорило его. Однако, чтобы не портить дѣла, онъ сдержался.

— Какъ же, сударыня, спозаранку: добрые люди, чай, ужъ за обѣдъ садятся! А обезпокоилъ я вашу персону вотъ по какой собственно причинѣ: за что это вы у меня моего любимаго кучера Якова отнимаете?

— А за то, что я такъ хочу, вотъ и все! Онъ — мой крѣпостной, — и я не обязана никому отдавать отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ надъ моими крѣпостными людьми!

— Оно, конечно, ваша воля, а только Яковъ, вѣдь, хорошій оброкъ приносить вамъ, и если этого мало, я готовъ прибавить и прошу васъ оставить его у меня, да и на что вамъ каретный кучеръ? Вѣдь вы кареты не держите!

— Почему вы знаете,—можетъ, и карету буду держать!.. Это—мое дѣло, а не ваше!..

Крохоткинъ съ замѣтной ироніей обвелъ глазами всю комнату и опять подумалъ: „съ ума спятила баба“!

— Ну, вотъ что: я привыкъ къ этому кучеру и не хочу искать другого, извольте получать двойной оброкъ за вашего Якова и не берите его отъ меня!

— Да что вы, въ самомъ дѣлѣ, пристали ко мнѣ съ вашими деньгами! Вы привыкли думать, что со своей толстой мощной можете все купить! Напрасно! Не забывайте, что вы и хоть богачъ, а все-таки—купецъ,—ничего больше!

— И это ваше послѣднее слово? Ни за какія, значить, деньги и никакимъ манеромъ?—произнесъ уже съ видимымъ раздраженіемъ Крохоткинъ.

— Да, да! Ни за какія деньги и никакимъ манеромъ!

— Счастливо оставаться!—И, презрительно усмѣхаясь, купецъ вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько дней, слѣдовавшихъ за неудачнымъ посѣщеніемъ Крохоткинымъ г-жи Слѣдновой, онъ раздумывалъ, какъ бы сохранить у себя Якова, который ему очень нравился и къ которому онъ, дѣйствительно, сильно привыкъ; но ничего не могъ придумать. Купить его въ свою собственность ему, какъ купцу, было нельзя; предложить Слѣдновой деньги за выкупъ Якова совсѣмъ на волю,—представлялось неудобнымъ: упрямая баба или совсѣмъ не согласится, или заломить несуразную цѣну, а главное, это было бы рискованно; очутившись на волѣ, Яковъ можетъ уйти на всѣ четыре стороны. Сообразивъ все это, Крохоткинъ рѣшилъ нанять другого кучера и успокоился, вполне увѣренный, что на такое мѣсто, какъ у него, всякій пойдетъ съ удовольствіемъ.

Не такъ легко было бѣдному Якову примириться съ бѣдой, столь неожиданно свалившейся на него! Всѣ дни этой недѣли онъ ходилъ самъ не свой, низко понутивъ голову. Отъ ѣды его отбило, и по ночамъ онъ ворочался на своей койкѣ и не могъ уснуть.

— Что жъ это теперь будетъ,—раздумывалъ онъ,—какъ же это я буду ѣздить на какой-то паршивой клячѣ и паскудныхъ санишкахъ? Съ какими глазами буду встрѣчаться въ какомъ-нибудь нищенскомъ кафтанишкѣ со своими благопріятелями—кучерами

министровъ, посланниковъ и купцовъ-богатѣевъ?.. А барыня-то? аспид-то эта проклятушая, прости Господи!.. Вѣдь она поѣдомъ меня фсть будетъ! И не только что ругаться и драться будетъ! а то и взаправду на Съѣзжей пороть... Меня-то, меня-то! Эдакаго знатнаго кучера да на Съѣзжей!.. О Господи!.. И отпорютъ, да еще какъ! потому—сила,—и ничего не подѣлаешь!.. Батюшка, Царь Небесный!.. Господи Іисусе!..—И ворочался, ворочался бѣдный Яковъ на своей койкѣ до разсвѣта, и ничего не могъ придумать для своего спасенія... Порѣшить съ собой,—и вся не долга! — приходило ему въ голову; но онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя эту мысль, такъ какъ по его понятіямъ—великій грѣхъ загубить свою христіанскую душу. — А Дуняшка-то моя сердешная! — вспомнилъ онъ — куда дѣнется, да еще съ ребеночкомъ?.. Нѣтъ! нѣтъ!.. Потерпи, Яшка! твердилъ онъ себѣ, — святые угодники — не тебѣ чета, а и не то терпѣли: а вѣдь самоубивецъ,—чорту баранъ! Порѣшить самое аспиду-то эвту, — такъ вѣдь тоже — грѣхъ смертный, да и на каторгѣ-то не легче вѣдь будетъ! Такъ и вставалъ на утро истомленный душевной тревогой мужикъ, не придя ни къ какому опредѣленному рѣшенію.

Наканунѣ рокового вторника Крохоткинъ приказалъ Якову всю свою богатую верхнюю одежду сдать новому кучеру, разсчитавъ его жалованьемъ, далъ, сверхъ того, 25 рублей ассигнаціями. въ награду за службу и, выругавъ крѣпкимъ словомъ его полуумную барыню. объявилъ, что на утро онъ можетъ уходить. Къ вечеру Яковъ собралъ всѣ свои пожитки, которыхъ у него накопилось немало, уложилъ ихъ въ сундукъ, сверхъ того—въ большой узелъ, и все это перетасилъ къ Дунѣ, оставивъ себѣ только самое необходимое и что было похуже.

— Вотъ, Дуняха,—говорилъ онъ сильно упавшимъ голосомъ, сѣдя у нея на прощаньѣ, за чаемъ,—побереги все это пока, а тамъ видно будетъ, что со всѣмъ этимъ добромъ дѣлать.

— Чтой-то, Яковъ Ефимычъ, ты съ собой-то такъ мало берешь?—замѣтила Дуня, указывая на маленькій узелокъ, положенный у окна, на стулѣ.

— А на что мнѣ много-то брать?—съ горькой усмѣшкой отвѣтилъ онъ, къ господамъ своимъ вѣдь иду,—они должны обустраивать и одѣвать своего слугу!

— Охъ, ненаглядный ты мой! Да какъ же ты съ лица-то спалъ! — говорила Дуня, обвивъ его шею руками, ласкаясь къ нему и смотря любовно въ его глаза. А ужъ какъ я - то всѣ эти ноченьки ревѣла по тебѣ, голубъ ты мой сизый! Тошнехонько мнѣ, Яшенька, родненькій мой! Куды какъ тяжело! Моченьки моей нѣтъ!

Какъ и-то, я, горемычная, буду жить-то безъ тебя... Ужъ и ума не приложу!—причитывала Дуня, заливаясь горькими слезами.

— Ну, ну! Дуняха, не скули!—утѣшаль ее Яковъ, сказано,—я тебя не покину ни въ жисть! Вѣдь, не на смерть же я иду и не въ солдатчину. Все нѣтъ,—нѣтъ, а какъ только мало-малю способно будетъ, завсегда урвусь къ тебѣ на часокъ-другой, да тутъ же вѣдь и недалече. Да и то сказать, не вѣкъ же будетъ этакъ-то намъ мучиться! Вотъ, помани мое слово,—поблажить эта аспида и гляди,—со своей лошадежкой-то, прогорить, какъ шведъ подъ Полтавой, увидить, что статья не подходящая, не по карману, значить, и отпустить меня опять на оброкъ, по-старому... Такъ-то, моя ягодка! А пока, вотъ, возьми мой кошель, да схорони его хорошенько. Тутъ всѣ мои средства, что скопилъ я за всю мою службу у Крохоткина: сотни три наберется. На пропитаніе и на все, на что потребуется, бери безъ всякаго сумлѣнія, что мое, — то твое, все единственно; а остальное береги про черный день!

— Спасибо, родимый, а только,—на что мнѣ деньги-то? Нѣсколько копеекъ въ день на ѣду, да хозяйкѣ за покойчикъ заплачивать,—вотъ и все!.. А знаешь, Яша, что я надумала: откупился бы ты этими самыми деньгами! на волю... то-то бы хорошо было-то. А коли мало,—возьми всѣ мои колечки, сережки, бусы, шубку мою новую, — все, все, что ты дарилъ мнѣ, продай, и все, все, отдай аспидѣ этой, только ослобовиться бы отъ нея совсѣмъ, — и стали бы мы жить съ тобой по-настоящему, по-семейному!.. Господи! вотъ бы счастье-то было бы! Деньги мы опять заработали бы; я тоже стала бы работать, рукъ не покладаячи... Яшенька! золотой мой! желанный!.. Отдай! отдай ей! откупись!..

— Эхъ, Дуняха, Дуняха! Нешто я и безъ тебя не обмозговывалъ ефтого самаго дѣла,—откупиться-то! Ужъ и такъ и сякъ прикидывалъ... а не выходитъ! Не знаешь ты ефту самую чертиху, прости Господи! Помани-ка я только, что у меня деньги есть,—она сейчасъ же отниметъ ихъ, да еще меня же ругательски изругаетъ и оплеухами накормитъ, какъ-де смѣлъ утаить ихъ!.. Вотъ оно дѣло-то какое... вѣрно тебѣ говорю!.. И останусь я, по-прежнему, холономъ, и безъ гроша мѣднаго, и тебѣ опять въ горничныя идти придется... а тутъ еще ребеночекъ родится... Нѣтъ, эта статья неподходящая!..

— Владычица, Царица Небесная! Не избыть памѣ, знать, долюшки нашей—и Дуня снова заплакала.

— Ничего не подѣлаешь, горемычная моя! Видно, ужъ судьба твоя такая слюбиться съ крѣпостнымъ холономъ, съ рабомъ окаяннымъ!.. А ты все-таки не плачь, говорю, не убивайся! Береги себя

ребеночка ради, что подъ сердцемъ носишь! Молись Богу; Онъ многомилостивъ и не допуститъ пропасть душѣ христіанской! Опять же говорю,—не на вѣкъ же ухожу къ барынѣ-то!.. Вотъ! увидишь,—пройдетъ мѣсяць-другой, и какъ ни на есть, а вызволюсь я отъ нея опять на оброкъ... Ну, а теперь прощенья просимъ! Христосъ да Пресвятая Богородица надъ тобой! Дай, я перекрещу тебя! Господи помилуй! Господи Іисусе! Спаси насъ, грѣшныхъ! Благослови и ты меня, родная, на новую жизнь, на тяжелую!

— Благослови тебя Царь Небесный! — едва произнесла Дуня сквозь душившія ея слезы и, перекрестивъ Якова три раза, съ громкими рыданіями обняла его...

— Ну, полно, полно, голубонька! Что-ты! ровно хоронишь меня!... Пусти! Надо идти! Завтра еще забѣгу проститься, а тамъ черезъ день, много черезъ два, безпремѣнно улечусь къ тебѣ!... Ложись же и спи спокойно! Онъ тихо снялъ руки Дуни со своей шеи, крѣпко поцѣловалъ ее еще разъ и, смахнувъ ладонью крупную слезу, побѣжавшую по его щекѣ, быстро вышелъ изъ комнаты.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ своего рѣшенія, Агаѣя Захаровна, со свойственной ей горячему темпераменту быстротой, успѣла все устроить, уговорила домового хозяина уступить ей маленькую конюшню съ помѣщеніемъ для фуража, дѣйствительно, за небольшую плату. Для саней и сбруи оказалось достаточно мѣста въ деревянномъ сараѣ: самъ же Яковъ долженъ былъ жить вмѣстѣ съ остальными ея слугами въ людской. Для содѣйствія ей въ приобрѣтеніи лошади, саней и прочихъ принадлежностей выѣзда, она привлекла старика-дворника, жившаго нѣкогда въ кучерахъ, а потому знакомаго съ этимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, ко дню прихода Якова все было готово: маленькая рыжая лошадка изъ породы шведокъ, полуторные дешевыя санки подъ орѣхъ и проч.

Когда, въ назначенный день вечеромъ ей доложили о приходѣ Якова, она позвала его въ свою спальню, гдѣ обыкновенно занималась хозяйственными и административными дѣлами. Увидѣвъ въ дверяхъ громадную фигуру кучера съ осунувшимся, блѣднымъ лицомъ, съ ввалившимися глазами и растрепанными волосами, Агаѣя Захаровна гнѣвно накинулась на него:

— Это что такое! Да ты пьянъ, бестія! Какъ ты смѣлъ, каналья, явиться ко мнѣ въ такомъ видѣ!

— Никакъ нѣтъ, сударыня!—ослабѣвшимъ голосомъ отвѣчалъ онъ,—какъ передъ Богомъ! не токма что вина, а и маковой росинки во весь день во рту не было.

— Врешь, мерзавецъ! Я по рожѣ вижу, что пьянъ! На что она похожа? Вѣрно, всю ночь пьянствовалъ!

— Не пьянствовалъ я, вотъ, провалиться на эфтомъ мѣстѣ!... А недужится мнѣ, шибко недужится!

— Скажи, пожалуйста, какія нѣжности!... Смотри, чтобы у меня этого не было!... А теперь ступай! Тамъ тебѣ покажутъ лошадь и сани, и все, что нужно! Баринъ завтра выѣзжаетъ въ 9 часовъ, такъ чтобы къ этому времени и сани были поданы! Да вотъ еще что: если замѣчу, что сѣна и овса выходитъ слишкомъ много, если лошадь и экипажъ не въ порядкѣ,—я съ тобой раздѣляюсь!... Пошелъ вонъ!

Когда Яковъ увидѣлъ жалкія санишки, ничтожную, въ сравненіи съ привычными ему величавыми конями лошадедку и нищенскую на его взглядъ кучерскую аммуницію, слезы градомъ побѣжали по его щекамъ и бородѣ, и не замѣчая, какъ онѣ быстро капали одна за другой, на полъ, онѣ долго стоятъ передъ всѣмъ этимъ рыночнымъ хламомъ, съ глубокою болью нестерпимой обиды представляя себѣ, какъ онѣ завтра появится съ такой закладкой на улицѣ.

Въ кухнѣ, за ужиномъ, Васька и Наталья, сочувствуя душевнымъ страданіямъ Якова и уважая ихъ, не беспокоили бѣднягу своими разговорами, притихли, ѣли молча, и всѣ скоро разбрелись по своимъ угламъ съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. На утро когда Якова разбудили, онѣ съ невыразимою болью въ сердцѣ отправился въ конюшню обрывать лошадь.

Убийственно скорбные дни потянулись для несчастнаго мужика: съ началомъ утра онѣ чистилъ конюшню, выгребалъ навозъ, выносилъ помои. Окружавшіе его люди старались какъ бы не замѣчать его черныхъ работъ, инстинктивно понимая и щадя его слишкомъ больно оскорбленное самолюбіе. Только одинъ старикъ-дворникъ, давно уже не долюбивавшій его за гордость и величіе, иной разъ зло подшучивалъ, при видѣ его съ ведромъ помоевъ или съ лопатой навоза въ рукахъ.

— Что, Ефимычъ, не по вкусу? Гдѣ жъ конюхи-то твои? Дай, ужъ такъ и быть, помогу!

— Не трожь!—сердито обрывалъ его Яковъ и при этомъ окидывалъ стараго зубоскала такимъ страдальческимъ и въ то же время строгимъ взглядомъ, что тотъ сконфуженно спѣшилъ шмыгнуть въ сторону.

Особенно тяжело было Якову встрѣчаться на улицахъ съ прежними своими пріятелями-кучерами знатныхъ и богатыхъ господъ. Всякій разъ, при встрѣчѣ ихъ, онѣ старался отвернуться въ сто-

рону и такъ или иначе избѣгнуть необходимости здороваться съ ними; но не всегда это удавалось, особенно, когда лихіе рысаки обгоняли его скромно трусившую шведку." Въ такихъ случаяхъ кучера оглядывались и сами привѣтствовали своего бывшего товарища, обмѣривая презрительно-удивленными глазами и его самого, и его выѣздъ. Невыразимо больно было ему отвѣчать на такія привѣтствія! Онъ низко, низко опускалъ голову, и слезы опять затуманивали его глаза.

Барыня, несмотря на все пренебреженіе къ своимъ, холопамъ, не могла не замѣтить, что ея кучерь, великолѣпіемъ котораго она думала щеголять, съ каждымъ днемъ таетъ, какъ сальная свѣча, и попробовала поправить дѣло своимъ обычнымъ способомъ.

— Послушай!,—обратилась она къ нему, однажды,—ты это что-же, каналья, фигуриешь, да ломаешься? Рожи какія-то мертвецкія строишь, отъ ѣзды, говорятъ, отлыниваешь!... Смотри у меня! Я изъ тебя дурь-то выбью!... Покукись у меня еще! Къ Эртелю ¹⁾ отправлю на излѣченіе! Онъ съ тебя три шкуры спуститъ! Позабудешь тогда чортомъ смотрѣть!

Нѣсколько разъ Слѣднова повторяла свои материнскія увѣщанія и все грознѣе и грознѣе выкрикивала: „всю шкуру спущу!“ „запору до смерти“... и т. п. Наконецъ, Яковъ не выдержалъ: онъ упалъ на колѣни передъ висѣвшимъ въ углу спальни образомъ Богородицы и громко произнесъ: Барыня! вотъ передъ Матушкой нашей, Царицей Небесной, клянусь вамъ: не останусь я послѣ порки жить на бѣломъ свѣтѣ! Видитъ Богъ,—сейчасъ же наложу на себя руки! Душу свою загублю, а страму эфтого не выживу!

Слѣднова испугалась неподдѣльной горячности и глубокой искренности этого внезапнаго душевнаго порыва, но и сильно разсердилась отъ такой неслыханной дерзости. Она сорвалась съ кушетки и подскочила съ поднятой на отмашь рукой къ Якову...

— Не трожь, барыня!.. Не вводи въ грѣхъ!—сказалъ мужикъ, такъ выразительно сверкнувъ своими темными глазами, что она невольно опустила руки и отступила шагъ назадъ.

— Чго-о?! Да какъ ты осмѣлился!.. Вонъ съ глазъ моихъ, мерзавецъ!

Яковъ круто повернулся и вышелъ.

Сильно взволнованная Агаѣя Захаровна заперлась въ своей спальнѣ и, ставъ на колѣни передъ крестомъ, стала усердно молиться. При многихъ своихъ злостныхъ качествахъ, она была очень набожна.

Тогдашній брантъ-маіоръ петербургскаго пожарнаго депо, прославившійся невѣроятпо жестокими истязаніями вѣхъ, попадавшихъ въ его руки.

Часа черезъ два послѣ этой сцены, вся семья Слѣдновыхъ сидѣла за чайнымъ столомъ. Сергѣй Николаевичъ, въ благодушнѣйшемъ настроеніи, по обычаю того времени, въ туфляхъ и халатѣ, мирно покуривалъ трубку и прихлебывалъ чай, пробѣгая послѣдній № „Сынъ Отечества“. Дѣти весело щебетали и приставали съ разными вопросами къ отцу, къ которому всегда относились совсѣмъ не такъ боязливо, какъ къ своей грозной матери. Только одна хозяйка дома сидѣла молча и нервно передвигала чашки на жестяномъ лакированномъ подносѣ.

— А съ нашимъ Яковомъ что-то неладное, Агаша, — началъ Слѣдновъ, — вѣдь на немъ лица нѣтъ, говорить, сильно нездоровится... Показала бы ты его Августу Марковичу, какъ пріѣдетъ. — можетъ, прописалъ бы ему что...

— А вотъ, я ему пропишу, — погоди ужю! — желчно возразила жена. Вздѣлся мужикъ, — вотъ и все!.. Не хочетъ служить у насъ кучеромъ, — вотъ и фигурируетъ! Просто никакого нѣтъ сладу съ нимъ; отбился отъ рукъ совсѣмъ! Ну, да ничего, найду я управу: забрѣю лобъ ¹⁾, вотъ и все!

— Что ты, что ты, матушка! Этакого-то красавца да въ солдаты!.. По-моему, лучше всего отпустить его опять на оброкъ: и намъ выгоднѣе, и мужикъ не пропадетъ напрасно...

— Такъ я и знала! Тебѣ только бы потакать этимъ скотамъ! Всѣхъ ты ихъ избаловала... Нѣтъ настоящаго мужчины въ домѣ, — вотъ мое несчастье!.. Наказалъ меня Господь такимъ муженькомъ!.. Байбакъ ты, кисель какой-то, а не мужчина!..

— Да что ты на меня то напустилась?! Я-то тутъ при чемъ? Говорилъ вѣдь я тебѣ, что не резонъ было отрывать Якова отъ настоящаго мѣста... Понятно, что у насъ ему слишкомъ тошно...

— Его настоящее мѣсто тамъ, гдѣ ему приказываетъ быть его госпожа, — понимаешь?! А впрочемъ, не стоитъ съ тобой и разговаривать!.. и, сердито двинувъ подносомъ, Агаея Захаровна удалилась въ свою спальню.

Однако жъ, при всемъ самодурствѣ и взбалмошности своего характера, при всемъ своемъ крѣпостническомъ презрѣніи къ людямъ, она невольно сознавала, что съ этимъ огромнымъ мужикомъ, сильнымъ не только тѣломъ, но и душою, не такъ легко

¹⁾ Старинное выраженіе, означавшее сдачу въ рекруты и происшедшее отъ того, что при приемѣ и освидѣтельствованіи новобранцевъ въ рекрутскомъ присутствіи, въ случаѣ принятія его, обыкновенно выкрикивали «лобъ!» и тотчасъ обрывали переднюю часть головы, а по признаніи негоднымъ къ военной службѣ, восклицали: „затылокъ!“ и брили затылочную часть.

справиться, какъ, напимѣрь, съ юркимъ и чрезвычайно легкомысленнымъ Васькой, котораго драли по нѣсколько разъ въ годъ и онъ каждый разъ, тотчасъ же по возвращеніи изъ полиціи, какъ ни въ чемъ не бывало, балагурилъ и паясничалъ въ людской, или потѣшалъ въ комнатахъ дѣтей разными шутовскими штуками. Нѣтъ,—этотъ „мужичище“, какъ она называла Якова, и въ самомъ дѣлѣ исполнить свою глупую клятву.

— Да, да! непременно исполнить!—болѣе, болѣе убѣждалась Слѣднова, вспоминая, съ какою твердостью, не допускающей никакихъ сомнѣній, онъ выкрикнулъ ее, и рѣшила подождать, пока онъ одумается. „А какъ посмотрѣлъ на меня этотъ звѣрь!“—думала она, —какимъ голосомъ-то страшнымъ сказалъ: „не трожь, барыня!“... Дрожь пробѣжала по ея тѣлу, при мысли: а что, если въ самомъ дѣлѣ,—„не ровень часъ?“.. Отъ такого дьявола всего можно ждать...

И чѣмъ болѣе утихало въ Агаѣи Захаровнѣ чувство гнѣва, тѣмъ болѣе овладѣвалъ ею страхъ передъ этимъ чудовищемъ, которымъ теперь представлялся Яковъ ея потрясенному воображенію.

Со слѣдующаго дня, видя, въ окно, какъ онъ темнѣе тучи, ходилъ по двору, барыня стала всячески избѣгать его и даже всѣ необходимыя распоряженія и приказанія начала отдавать ему не иначе, какъ черезъ Ваську.

Дни тянулись за днями. Положеніе обѣихъ сторонъ становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ и невыносимымъ. Агаѣя Захаровна начала просто бояться своего раба; а между тѣмъ, не могла же она совсѣмъ отказаться отъ пользованія собственнымъ экипажемъ, о которомъ такъ мечтала и на который истратила столько денегъ, и хотя уже не такъ часто, а все же выѣзжала съ Яковымъ; но каждый разъ ей было жутко ѣхать съ нимъ, особенно, когда было необходимо обращаться къ нему съ разными вопросами, на которые онъ отрывисто отвѣчалъ, какъ ей казалось какимъ-то ужаснымъ и угрожающимъ голосомъ. Когда приходилось пробѣжать вечеромъ по какой-нибудь глухой уединенной улицѣ, ей думалось: „а что, какъ этотъ душегубецъ вдругъ обернется, да и хватить ее ножомъ?..“ По ночамъ, когда мужъ западывалъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, ей было особенно страшно и въ дремотѣ безпрестанно мерещилась громадная фигура Якова, пролѣзающая въ дверь съ громаднымъ кухоннымъ ножомъ, или—съ топоромъ въ рукѣ.

Съ другой стороны, ее сильно раздражали все увеличивавшіеся расходы на лошадь и экипажъ. Безпрестанно докладывали ей, что

нѣтъ сѣна и овса, или соломы, о необходимости подковать лошадей, починить сани или хомутъ, и т. д. и т. д. Какъ-то, во время ожиданія ея у театра, украли полость. Вскипѣвъ, она было, по-прежнему, накинута на Якова; но онъ только угрюмо отвѣтилъ: „я знать не знаю! все время никуда не отходилъ и только одинъ разъ отступилъ на нѣсколько шаговъ по своей надобности. Какъ тутъ въ темнотѣ подкрались, — ничего не видѣлъ“, — и затѣмъ всю дорогу молчалъ. Изливъ на него цѣлый потокъ всяческихъ ругательствъ, на этотъ разъ, барыня уже не грозила ни поркой, ни Эртелемъ, а общала сдать въ солдаты, или—унечь въ Сибирь.

Привыкнувъ къ безпрекословному исполненію ея воли, Слѣднева, для пополненія сильно истощеннаго за послѣднее время кошелька, вздумала посылать Якова въ извозъ въ свободное отъ ея собственныхъ выѣздовъ время, и затѣмъ,—пріискивать денежнаго человѣка, который пожелалъ бы за извѣстное вознагражденіе поставить за себя рекрута, что въ то время практиковалось очень часто.

Опасаясь объявить Якову о такомъ рѣшеніи съ глазу на глазъ, Агаея Захаровна на слѣдующій день, въ концѣ обѣда, велѣла позвать его въ столовую и, въ присутствіи мужа, приказала ему съ завтрашняго же утра, какъ только отвезетъ барина, куда слѣдуетъ, остановиться на перекресткѣ двухъ улицъ и возить желающихъ по найму до того часа, къ которому баринъ прикажетъ ему пріѣзжать за нимъ въ указанное мѣсто.

— Да смотри у меня: если будешь привозить выручки слишкомъ мало, или загоняешь лошадь, я тебя... но на привычной своей угрозы,—„запорю“, запнулась, вспомнивъ недавнюю сцену, и поправились: „ты у меня жестоко отвѣтишь!.. Пошелъ!“ Яковъ вздрогнулъ, сдѣлавъ движеніе упасть на колѣни, но удержался, ступилъ шагъ впередъ, вдругъ повернулся назадъ и, какъ-то нервно дернувъ рукой, вышелъ.

Такое, столь неожиданное и столь страшно унижительное приказаніе поразило несчастнаго мужика какъ громомъ. Онъ совсѣмъ ошалѣлъ, ничего не могъ сообразить и быстро пробѣжалъ чрезъ кухню на дворъ, безъ шапки и кафтана, въ одной поддевкѣ, и оттуда на улицу, и сталъ бродить по ней взадъ и впередъ, стараясь собраться съ мыслями, до тѣхъ поръ, пока Васька, выбѣжавшій за ворота, уговорилъ его вернуться въ людскую. Тамъ, его, сильно продрогшаго, почти насильно напоили чаемъ и уложили спать, успокоивая обыкновенными въ подобныхъ случаяхъ утѣшеніями и надеждами.

Сергѣй Николаевичъ тоже былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ

и для него оборотомъ дѣла и, какъ только Яковъ исчезъ за дверью, обратился къ женѣ:

— Что это, Агаша, ты вздумала? Какой же Яковъ извозчикъ, посуди сама. И какъ же онъ будетъ извозничать безъ билета? Вѣдь его въ полицію заберутъ вмѣстѣ съ лошадыю и саними! Совсѣмъ ты погубишь бѣднягу!..

— Что-о?!.. Я его погублю?!.. Нѣтъ, ты меня погубишь! Я несчастная съ такимъ рохлей, какъ ты!—закричала быстро воспламенившаяся супруга.—Ты своимъ потворствомъ такъ избаловалъ моихъ людей, что они совсѣмъ отбились отъ рукъ, и, благодаря тебѣ, дошли ужъ до того, что осмѣливаются грозить убить меня!..

— Что ты, что ты, матушка! Никакъ совсѣмъ ужъ рехнулась!..

— Какъ ты смѣешь говорить такъ, да еще при дѣтяхъ!.. Самъ ты рехнулся!.. оселъ вислоухій!..—истерически завизжала разъяренная женщина,—и кофейная чашка, пролетѣвъ надъ головою Слѣднова, ударила въ противоположную стѣну.

— Ну, пошла писать!—произнесъ Сергѣй Николаевичъ и, запахнувъ свой халатъ, быстро удался въ кабинетъ, давно привыкнувъ къ подобнымъ сценамъ, которыя обыкновенно называлъ семейными бенефисами.

Присмирѣвшія дѣти пугливо вытаращили глаза и вдругъ, какъ по командѣ, громко заревѣли.

— Молчать, пострѣлята!.. Убью!—закричала на нихъ мать, замахнувшись надъ головой ближайшаго ребенка и, порывисто отбросивъ свой стулъ, ушла въ спальню. Сначала Агаѣя Захаровна въ сильномъ волненіи ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, но скоро утомилась и прилегла на кушетку. Затѣмъ, поуспокоившись, она сообразила, что, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, полиція придется, увидѣвъ извозчика безъ установленной жестянки, и забрать Якова на Съѣзжую... Не оберешься тогда хлопотъ и расходовъ... Нѣтъ, лучше подождать!.. Пусть возьметъ сначала жестянку!..—Барыня кликнула Ваську и приказала объявить Якову, что выѣздъ въ извозъ отлагается впредь до новаго приказанія.

Наступила масляница, и морозные дни смѣнились оттепелью. Распустившійся снѣгъ на улицахъ превратился въ жидкую грязно-сѣрую кашу, и санный путь испортился. Плохо мощенныя улицы во многихъ мѣстахъ обнажились, и бѣдные извозчики клячи надрывались, таща сани по голому камню. Извозчикамъ безпрестанно приходилось слѣзать съ козелъ, чтобы облегчить измученному животному непосильный грузъ. Яковъ, огромный, увѣсистый мужикъ, вынужденъ былъ почти постоянно идти пѣшкомъ и мѣсить доходившій чуть не до коленъ смѣшанный съ грязью снѣгъ чтобы за-

ставить свою маленькую и слабосильную шведку какъ-нибудь двигаться.

Дня черезъ три Агаѣя Захаровна сообразила, что толку отъ еязатѣи съ извозомъ не будетъ; содержаніе лошади обходится очень дорого; а главное, что отъ этого мерзавца, Якова, всего можно ожидать, и пришла къ окончательному рѣшенію продать его охотникомъ, вмѣсто сдаточнаго рекрута. Какой-то мелкій чиновникъ, котораго она прикармливала на всякій случай, состряпалъ ей публикацію въ „Полицейскія Вѣдомости“ о продажѣ рослаго и здороваго парня за рекрута, по сходной цѣнѣ и приказала Васькѣ отнести ее въ контору этихъ Вѣдомостей. Васька, во время многократныхъ отсиживаній по арестантскимъ, научившійся грамотѣ, дорогой разобралъ четко написанную публикацію и поразился ея содержаніемъ на столько, что, тотчасъ же по возвращеніи, бросился къ Якову, сидѣвшему въ глубокомъ раздумѣ въ сараѣ.

— Яковъ Ефимычъ! А Яковъ Ефимычъ! Слышь, какую я тебѣ новость скажу!.. Вотъ такъ фунтъ!..

— Ну, чего тамъ еще? Говори, что-ли!

— Скверная, дядюшка Яковъ, новость! а только ты не пужайся очень-то; а главное,—чтобы аспида-то наша не знала, что я тебѣ рассказалъ, а то вѣдь, заѣстъ, анаѣема зачѣмъ сказалъ... Не выдашь, а?

— Стану я выдавать своего брата, да еще—аспидъ!.. Вотъ, выдумалъ!..

— Ну, такъ вотъ что, Яковъ Ефимычъ: послала она меня въ контору „Полицейскихъ Вѣдомостей“, объявку, значить, сдѣлать, что продается, дескать, человекъ за рекрута, по сходной цѣнѣ, и адресъ, значить, нашъ, тутошній, указанъ... Вѣдь, это тебя она продать хочетъ... такъ и сказано: рослый, здоровый парень...—ну,—ты, значить, и есть... Вотъ казія-то! Яковъ вздрогнулъ, но спокойно произнесъ:

— Ну, такъ что жъ? Нешто здѣсь, въ каторгѣ-то ефтой самой, лучше, нежели чѣмъ въ солдатахъ?! Не токмо что въ солдаты, а я хоть на тотъ свѣтъ пойду, лишь бы отселева вырваться... вотъ что!

— Яковъ Ефимычъ!—закричала съ крыльца горничная Наталья,—закладайте барину сани, въ кіятру ѣхать!.. А ты, Василій, что къ барынѣ-то нейдешь? ужъ сколько разъ спрашивала!

— Смотри же, дядюшка Яковъ, не выдай!—кинулъ Васька, убѣгая въ комнаты.

Это было въ концѣ масляницы. Душевные страданія Якова достигли крайняго предѣла, когда ему пришлось безпрестанно вы-

ѣзжать то съ барыней и дѣтьми вокругъ балагановъ на Адмиралтейской площади, то возить господъ въ гости на блины и т. д. Когда вскорѣ послѣ разговора съ Васькой, онъ повезъ барина въ театръ, голова его была совсѣмъ въ чаду. Всѣ мысли въ ней перемѣшались, и бѣдняга никакъ не могъ въ нихъ разобраться. Не замѣчалъ онъ ни ужасной дороги по петербургской распутицѣ, ни рѣзкаго лязга полозьевъ по обнаженнымъ камнямъ, ни жалкаго выволакиванія надрывавшейся лошады санишекъ изъ полужидкаго снѣжнаго мѣсива. Въ его смятенномъ и страшно подавленномъ сознаніи мелькали лишь мрачныя представленія о солдатчинѣ, объ ужасѣ переживаемой кабалы у господъ и... о самоубійствѣ... Нопослѣднее тотчасъ же вызывало мысль о Дунѣ и вопросъ, — что съ нею будетъ? и, какъ отвѣтъ на него, — другой вопросъ: а что будетъ, когда его въ солдаты угонять?

Ссадивъ барыню у театральнаго подъѣзда и не разслышавъ приказанія, къ какому часу быть на указанномъ мѣстѣ, Яковъ съ небывалымъ до тѣхъ поръ ожесточеніемъ сталъ хлестать свою лошаденку и погналъ ее по направленію къ Невскому проспекту.

По окончаніи спектакля, Слѣдновъ не нашелъ своего кучера на его обычномъ мѣстѣ. Всѣ поиски его, при содѣйствіи будочниковъ и жандармовъ, оказались напрасными и пришлось возвратиться домой на извозчикѣ. Агаея Захаровна пришла въ неописуемую ярость отъ такой неслыханной наглости своего холопа. Въ теченіе цѣлаго вечера она рвала и метала, истощая весь имѣвшійся у нея обильный запасъ самыхъ энергичныхъ ругательствъ и изобрѣтая все болѣе и болѣе тяжкія наказанія преступнику, какъ только онъ вернется. Однако, наступила поздняя ночь, а Яковъ не являлся, и, послѣ сильной баталіи, которую пришлось выдержать ни въ чемъ не повинному Сергѣю Николаевичу, супруги разошлись по своимъ комнатамъ. Барыня въ сильномъ волненіи, все болѣе и болѣе овладѣвавшемъ ею, зажгла всѣ лампы передъ образами, то безпрестанно принималась молиться, то опять срывалась съ мѣста, начинала снова ходить, произнося ругательства и угрозы по адресу Якова, то подбѣгала къ дверямъ, звала Ваську и спрашивала, не пріѣхалъ ли Яковъ, чуть не въ десятый разъ, повторяла, чтобы какъ только пріѣдетъ, тотчасъ бы ей доложили. Когда она, наконецъ, улеглась въ постель и старалась заснуть, — передъ нею возставалъ страшный призракъ кучера, съ топоромъ въ рукѣ приближающійся къ ней. Она вскакивала, пробовала, хорошо ли заперта дверь изъ спальни, и опять ложилась, и только подъ утро забылась тревожнымъ, тяжелымъ сномъ.

Но и на утро Якова не оказалось. Встревоженная до послѣдней степени, Агаѣя Захаровна не знала, какъ быть: сердиться, или печалиться... Отъ дурно проведенной ночи и нервнаго расстройства, она ослабѣла и невольный страхъ сталъ овладѣвать ею. Пропомнилось ей, что Яковъ никогда не пьянствовалъ, и потому, трудно предположить, чтобы онъ просто загулялъ. Должно быть, что-нибудь случилось... Но зачѣмъ же онъ не остался на мѣстѣ, у театра, а уѣхалъ куда-то?... Вотъ, и другіе кучера говорили, что видѣли, какъ онъ погналъ лошадь изо-всей силы черезъ площадь по Офицерской...—и чувство гнѣва загоралось снова въ ея сердцѣ. Послали въ кварталъ (по-нынѣшнему,—въ полицейскій участокъ) за помощникомъ квартальнаго надзирателя, вручили ему „объявку“, т. е. объявленіе объ исчезновеніи крѣпостного человѣка такой-то госпожи, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ его отличительныхъ примѣтъ. Такая объявка публиковалась обыкновенно въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“, съ обязательствомъ, чтобы всякій, кто увидитъ гдѣ бы то ни было разыскиваемого человѣка, немедленно задержалъ его и представилъ въ мѣстную полицію. Кромѣ того, Агаѣя Захаровна отправилась къ самому частному приставу и самолично просила его принять всѣ мѣры къ наискорѣйшему розысканію пропавшаго.

Прошло нѣсколько дней... О Яковѣ ни слуху, ни духу!... Точно сквозь землю провалился. Приставъ сталъ, наконецъ, уже всячески избѣгать ежедневныхъ неотступныхъ нападеній на него энергичной и назойливой барыни, требовавшей во что-бы то ни стало „возвратить ей собственнаго ея крѣпостного“, какъ она говорила,— „котораго никто не можетъ ее лишить и полиція обязана разыскать его, такъ какъ она на то и полиція“... Но всѣ поиски были безуспѣшны. Выведенная изъ терпѣнія, Агаѣя Захаровна обратилась къ оберъ-полипеймейстеру, генералу Кокошкину, и чуть не ежедневно заставляла своего вѣчно полупьянаго юрисконсульта изъ чиновниковъ Управы Благочинія строчить ему то жалобы на бездѣятельность мѣстной полиціи, то слезныя мольбы о строжайшемъ предписаніи розыскать бѣглеца всенепремѣнно и водворить къ его господѣ. Кокошкинъ много разъ посылалъ приставу самыя строгіе выговоры и приказы и лично разносилъ его за неуспѣшность розысковъ; но, наконецъ, и самъ, потерявъ всякое терпѣніе, распорядился не принимать болѣе эту неотвязчивую просительницу и обязать ее подпиской не утруждать болѣе начальства ни письменными, ни личными просьбами. Но госпожа Слѣднова была не изъ тѣхъ дамъ, которыхъ легко укротить. Отъ такого распоряженія она не только не присмирѣла, но пришла въ

ярость. Какъ?... кричала она, меня, столбовую дворянку, лишаютъ моего собственнаго крѣпостного человѣка, да еще хотятъ заставить молчать?... Нѣтъ, я этого такъ не оставлю!... Не отступлюсь ни за что и дойду до самого Царя!...—Тотъ же управскій чиновникъ, вдохновленный ею, сверхъ денежной мзды, еще и добрымъ графиномъ водки съ приличествующей закуской, постарался и смастерилъ удивительно трогательное прошеніе на Высочайшее Имя, посовѣтовавъ Агаѣ Захаровнѣ пойти какъ-нибудь около двухъ часовъ дня на Дворцовую набережную, гдѣ Государь обыкновенно прогуливался въ это время, пасть предъ нимъ на колѣни и подать лично свою просьбу. Въ то время это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и совершалось чуть не ежедневно.

Готовясь къ столь торжественному акту, Слѣднова съ вечера тщательно завила свои локоны въ папильотки и на утро, набѣлвившись и нарумянившись свыше всякой мѣры и разодѣвшись, какъ можно лучше, отправилась къ Зимнему Дворцу.

Императоръ Николай Павловичъ показывался въ то время безпрестанно по всему Петербургу, то въ экипажѣ, то пѣшкомъ, иногда по Невскому проспекту, но чаще—по Дворцовой набережной и Лѣтнему Саду. Къ нему можно было подойти безпрепятственно и подать прошеніе прямо въ руки. Такъ было и въ этотъ разъ. Агаѣ Захаровнѣ, увидѣвъ шедшаго ей навстрѣчу Государя упала на колѣни, когда онъ былъ отъ нея шагахъ въ трехъ, и высоко поднявъ руку, держала свое прошеніе.

— Встаньте! О чемъ вы просите?—произнесъ Императоръ, беря бумагу.

— Ваше Величество! Я,—несчастная женщина. Полиція скрываетъ моего крѣпостного человѣка и не отдаетъ мнѣ! Явите Вашу Царскую милость, земной Богъ нашъ! Прикажите отдать мнѣ моего кучера.

— Что за чепуха! сказалъ государь, пробѣжалъ нѣсколько строкъ, насупилъ брови и, грозно сверкнувъ своими выразительными глазами, отъ взгляда которыхъ въ минуту сильнаго гнѣва, нервныя дамы падали въ обморокъ, какъ тогда говорили, сурово прибавилъ:

— Ступайте! Отвѣтъ будетъ! И, круто повернувшись, пошелъ дальше, сунувъ прошеніе въ карманъ шинели.

Вся смѣлость Агаѣ Захаровны моментально исчезла. Она струсила, совѣмъ растерялась и залилась слезами. Тотчасъ же къ ней подскочилъ какъ изъ земли выросшій квартальный надзиратель.

— О чемъ вы просили Его Величество? Кажется, прогнѣвили

Государя! Какъ ваша фамилія? Гдѣ вы живете? Что вамъ сказалъ Государь Императоръ?—засыпаль ее вопросами полиціантъ и воѣ ея отвѣты занесъ въ свою записную книжку.

— Ну, теперъ идите скорѣе домой и ждите разрѣшенія вашей просьбы!

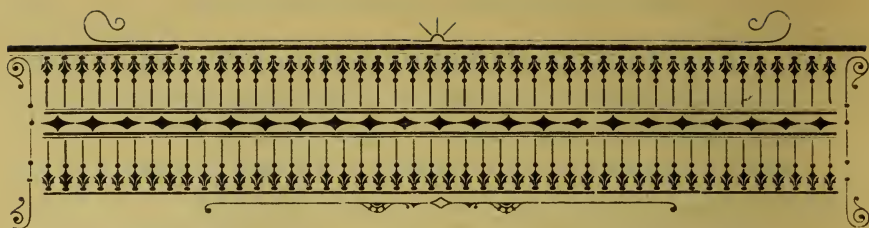
Прошеніе Слѣдновой было отправлено къ Кокошкину, съ приказаніемъ представить подробный докладъ по его содержанію. Составленіе этого доклада генераль поручилъ приставу той части, гдѣ проживала просительница. Перетрусившій и обозленный жалобой приставъ постарался представить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ жестокое обращеніе Слѣдновой съ ея крѣпостными людьми вообще, а съ Яковымъ—въ особенности, подробно изложивъ все, продѣланное ею съ этой несчастной жертвой господскаго самоуправленія. Этотъ докладъ, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, и былъ представленъ оберъ-полицеймейстеромъ Государю и затѣмъ возвращенъ со слѣдующей Высочайшей резолюціей:

„Объявить Слѣдновой, чтобы сидѣла смирно и впредь своихъ людей не мучила; а ея кучера, по разысканіи, опредѣлить въ гвардію“.

Но Яковъ такъ и не разыскался. Дуня потомъ рассказывала конюху купца Крохоткина, что въ день исчезновенія онъ заходилъ къ ней, когда уже смеркалось, крайне разстроенный, въ одномъ старомъ полушубкѣ, безъ кафтана, далъ ей двѣсти рублей (асигнаціями), наказавъ беречь деньги, но и не стѣсняться тратить на все необходимое, и таково жалостливо простившись и залившись слезами, вырвался отъ нея, бѣгомъ сбѣжалъ съ лѣстницы внизъ и съ тѣхъ поръ она его уже не видала.

Вл. Сорокинъ.

Къ масонской дѣятельности кн. Баратаева.

Князь Михаилъ Петровичъ Баратаевъ ¹⁾ (родился въ 1784 г. умеръ въ 1856 г.) въ масонскомъ братствѣ Александровскаго времени былъ дѣятельнымъ членомъ. Признавая за масонствомъ великое значеніе, онъ всячески работалъ надъ разнасаженіемъ масонства: проповѣдью масонскихъ завѣтовъ и личнымъ примѣромъ, т. е. соотвѣтствующей дѣятельностью, Баратаевъ возбуждалъ въ „профанахъ“ желаніе искать свѣта масонства; охотно принималъ онъ на себя и обязанность учрежденія новыхъ ложъ. Масонская дѣятельность Баратаева за пребываніе его въ Петербургѣ выразилась, между прочимъ, переводомъ съ французскаго на русскій языкъ ритуаловъ трехъ низшихъ Іоанновскихъ степеней

¹⁾ Происходилъ изъ древнегрузинскаго рода, былъ сынъ симбирскаго губернатора, генераль-поручика Петра Мельхиседековича Баратаева. Образованіе получилъ домашнее; въ 1796 г. поступилъ на службу въ 11-й артиллерійскій полкъ, въ 1805 г. вышелъ въ отставку, а въ 1806 г. снова поступилъ на службу въ Павлоградскій гусарскій полкъ и участвовалъ въ кампаніи 1809 г., послѣ чего вышелъ вторично въ отставку съ чиномъ штабсъ-ротмистра. Въ 1816 г. онъ былъ избранъ симбирскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1820 по 1835 гг. безсмѣнно былъ губернскимъ дворянскимъ предводителемъ. За это время имъ основано въ Симбирскѣ вѣсколько благотворительныхъ заведеній; его же избирали въ попечители богоугодныхъ заведеній. Изъ-за своихъ масонскихъ связей былъ заподозрѣнъ въ соучастіи въ бунтѣ 14 декабря и арестованъ, но, оказавшись неповиннымъ, освобожденъ. Баратаевъ былъ извѣстный впослѣдствіи нумизматъ. Смотри о немъ Русскій Біографическій Словарь, т. II, стр. 483.

(ученика, товарища и мастера) и открытіемъ работъ на русскомъ языкѣ 2-го апрѣля 1817 года въ ложѣ Соединенныхъ Друзей, до этого времени работавшей на французскомъ языкѣ. Но особенно полезенъ Вольно-Каменщическому братству Баратаевъ былъ по возвращеніи своемъ въ 1817 году на родину, въ Симбирскъ, гдѣ имъ была основана ложа подъ наименованіемъ „Ключа къ Добродѣтели“.

21-го января 1817 г. Великая Директоріальная ложа Астреи въ великомъ четверномъ собраніи рѣшила дать самое ясное доказательство довѣренности Баратаеву, предоставивъ ему „право, способности и полномочіе въ губерніяхъ Казанской и Симбирской именемъ великой ложи Астреи давать три степени (ученика, товарища и мастера) такому числу искателей, которое достаточно быть можетъ для образованія двухъ новыхъ ложъ въ той и другой губерніи и въ особенности такимъ людямъ, коихъ онъ найдетъ достойными и за коихъ приметъ на себя отвѣтственность“. Выдача этого почетнаго полномочія явилась слѣдствіемъ сообщенія князя Баратаева „о желаніи своемъ возвратиться въ обыкновенное свое мѣсто жительства, губернію Казанскую и Симбирскую, а также всѣми силами въ отсутствіи своемъ споспѣшествовать славѣ и благу Ордена и распространенію благотѣльного дѣйствія онаго и спасительнаго вліянія“. Князь Баратаевъ на своей родинѣ еще въ 1816 году былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а съ 1820 г. состоялъ губернскимъ предводителемъ и по положенію своему имѣлъ немалыя знакомства и связи; въ Баратаевкѣ же, собственной его деревнѣ, по близости Симбирска, онъ могъ принимать въ совершенной тиши ищущихъ свѣта, если бы таковые оказались; подобныя собранія носили бы тотъ именно характеръ временной ложи, который на первое время предписывался даннымъ Баратаеву полномочіемъ. Всѣ благопріятствующія обстоятельства для достиженія цѣли, т. е. для основанія хотя бы одной еще новой ложи на столь отдаленной крайнѣ были приняты въ соображеніе при снабженіи князя Баратаева полномочіемъ.

Князь Баратаевъ вполне оправдалъ возложенныя на него масонами надежды: 5-го сентября 1819 года письмомъ отъ Великой ложи Астреи ему было предоставлено право управленія новоучрежденною имъ ложею въ Симбирскѣ, подъ наименованіемъ „Ключа къ Добродѣтели“; въ письмѣ выражено, однако, какъ-то глухо сожалѣніе, что открытіе ложи было замедленно и высказана надежда, что стараніе Баратаева о распространеніи благотѣльныхъ учреждений, конечно, ускоритъ все дѣло. Дѣйствительною причиною замедленія, однако, былъ не князь Михаилъ Петровичъ, съ самаго

своего возвращенія въ Симбирскъ съ рвеніемъ вербовавшій новыхъ братьевъ; тормозила дѣло Великая ложа: такъ, когда новая ложа насчитывала уже 35 братьевъ, Великая ложа-мать все еще медлила обезпечить ей надежное, т. е. вполне законное, существованіе съ вѣдома гражданскихъ властей, и Баратаевъ счелъ себя въ правѣ послать по этому поводу письменно горькій упрекъ Великой ложѣ; онъ писалъ, что братья „оставлены“ ею, что она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на братій, подверженныхъ опасности и на страхъ свой соединившихся безъ того гражданского позволенія къ начальникамъ губерніи, которымъ всѣ ложи пользуются, и чрезъ сіе принужденныхъ не имѣть ни дома, ни даже мѣста пристойнаго для собранія братій къ столь благой цѣли“. Положеніе новой ложи становилось особенно затруднительнымъ, по объясненію Баратаева, когда онъ, въ силу необходимости, изъ Симбирска переѣзжалъ на житѣе въ свою деревню и не имѣлъ возможности ограждать своимъ именемъ собранія братьевъ, обыкновенно происходившія въ его квартирѣ; наемъ же дома для устройства въ немъ масонской ложи „безъ особаго позволенія— есть невозможность“, докладывалъ Баратаевъ. Вотчина Баратаева расположена была по близости отъ Симбирска и въ случаѣ, если бы ложа существовала съ вѣдома властей, онъ могъ бы ѣздить на братскія собранія „на недѣлю нѣсколько разъ“, а что такія братскія собранія очень важны для крѣпчайшей связи членовъ Вольно-Каменщического ордена — было мнѣніемъ всѣхъ вообще вожаковъ-масоновъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Баратаевъ.

Особенно настаивалъ Баратаевъ на узаконеніи новой ложи въ виду ея полезной дѣятельности, онъ приводилъ въ доказательство ревностнаго ея отношенія къ масонскимъ законамъ различныя ея благія „начинанія“. „По всѣмъ протоколамъ нашимъ вы узрите,—увѣрялъ онъ Великую ложу,—что по количеству членовъ почтенной ложи мною управляемой она не можетъ упрекнуть себя въ неисполненіи пріятнѣйшей обязанности Ордена вспомоществовать вдовицѣ и сиротѣ. По сему вы можете усмотрѣть, сколь горестно ей при благихъ ея зачинаніяхъ не знать вѣрнаго продолженія существованія (ибо всякій новый губернаторъ можетъ ее запретить). Сіе въ рукахъ вашихъ, высокопочтенные братія, и ни одного слова надежды и утѣшенія отъ васъ въ столь долгое время! Оно бы дало новую бодрость братьямъ и не приводило бы ихъ въ сумлѣніе, къ огорченію; въ горѣ долженъ признаться, что мать, долженствующая пешиись о своихъ дѣтяхъ, оставляетъ ихъ безъ вниманія почти на отдаленнѣйшемъ востокѣ царства русскаго и

отъ молодыхъ братьевъ отнимаетъ благотворную увѣренность, что братья—братья“.

Нѣкоторую рѣзкость своего посланія князь Михаилъ Петровичъ какъ бы желаетъ смягчить, заканчивая письмо такими словами: „вотъ что долженъ былъ представить вамъ, высокопочтенные братья, вольный каменщикъ, истинно приверженный и много обязанный Ордену и готовый жертвовать всѣмъ для его благосостоянія. Примите сіе какъ залогъ моего къ нему и къ вамъ, высокопочтенные братья, усердія и братской приверженности и простите, если я не могъ словами достойно то выразить, что чувствуетъ вамъ приверженное сердце мое“.

Въ своей ложѣ Баратаевъ не уставалъ служить Ордену и словомъ и дѣломъ. Имъ поднятъ былъ вопросъ о введеніи въ русскихъ ложахъ, по примѣру иноземныхъ, усыновленія сыновей масоновъ въ младенчествѣ. Такое „масонническое усыновленіе“ должно было обезпечить ребенку нравственное и физическое воспитаніе, научное образованіе и поддержку матеріальную и нравственную въ первыхъ шагахъ его самостоятельной дѣятельности. Въ ноябрѣ 1818 года, т. е. еще до оффиціального разрѣшенія отъ Великой ложи на управленіе имъ ложею Ключа къ Добродѣтели, Баратаевъ представилъ въ ложу Великую свое предложеніе о введеніи масонскаго усыновленія съ приложеніемъ переведеннаго имъ съ французскаго ритуала подобной церемоніи. Польза отъ пріема въ лоно масонства младенца по его мнѣнію громадная. Орденъ съ младенчества пріобрѣталъ бы новаго члена, котораго воспитывать могъ въ духъ орденскаго ученія; общая забота членовъ ложи о принятѣмъ ребенкѣ способствовала бы тѣснѣйшему ихъ единенію, наконецъ, самъ отецъ усыновленнаго ребенка могъ быть вполне спокоенъ за будущность своего сына; въ случаѣ его смерти и необезпеченности оставшейся семьи, въ заботахъ о ней, его замѣнили бы братья по масонству. Дѣло воспитанія новаго поколѣнія вообще повидимому очень занимало мысль Баратаева, и онъ предложилъ братьямъ Симбирской ложи собрать средства на воспитаніе хотя бы бѣднѣйшихъ дворянъ Симбирской губерніи; предложеніе было принято наличными членами ложи, по выраженію самого Баратаева. „съ восхищеніемъ“, и „пламенное желаніе употребить себя на полезное человѣку было утверждено ежегодной подпиской“, давшей въ первомъ году возможность отправить четырехъ бѣднѣйшихъ дворянъ (лишенныхъ средствъ къ воспитанію) въ императорскую Казанскую гимназію съ платою за cadaго по 400 рублей въ годъ. Непосвященные въ масонскія таинства, по увѣренію Баратаева, видя благотворительную дѣятельность членовъ новообразовавшейся ложи,

также желали принять участіе въ „благотвореніяхъ человѣчеству“ и вступали въ ложу; превзошли его надежды и число примкнувшихъ профановъ, и ихъ усердіе, и рвеніе; „дружество и взаимная связь къ благу соединила, могу сказать, тѣхъ, которые до сего времени почти другъ съ другомъ были незнакомы“, писалъ Баратаевъ и добавлялъ: „мнѣ лестно представлять сіе вамъ и, какъ управляющій мастеръ, раздѣлить съ вами, высокопочтенные братья, всю радость, которою исполнено сердце мое, видя въ семъ еще маломъ разсадникѣ молодыхъ и добродѣтельныхъ братій истинное желаніе, принявъ руководителями своими законы и правила, вами намъ доставленные, шествовать по онимъ и содѣлываться чрезъ оныя вѣрнѣйшими друзьями, честнѣйшими гражданами, истинными сынами отечества и вѣрнопреданнѣйшими подданными благословеннаго и великаго отца нашего“.

Взирая на ложу, какъ на питомникъ добродѣтельныхъ гражданъ, Баратаевъ постоянно собиралъ братьевъ для поучительныхъ бесѣдъ и зачастую самъ, какъ руководитель,—обращался къ нимъ съ поучительными рѣчами. Изъ такихъ-то поучительныхъ рѣчей можно уяснить себѣ взгляды Баратаева на цѣль и значеніе масонства, а также и на нѣкоторые добродѣтели и пороки современнаго ему общества. Привожу рѣчь Баратаева о гордости какъ рисующей понятія богатаго и именитаго родомъ масона о богатствѣ и „титлахъ“.

„Привѣтствую васъ, любезные братья, снова собравшихся въ священномъ храмѣ семъ, во имя человѣчества! Съ утѣшеніемъ зрю любовь и согласіе, посреди васъ царствующія, и восхищаюсь мыслію, что добродѣтель не совсѣмъ еще оставила землю. Стремленіе разума, незатмеваемого предразсудками къ открытію истины, дышетъ въ чертахъ вашихъ, твердая воля шествовать по пути великодушія и состраданія оживляетъ взоры. Все увѣряетъ меня въ согласіи чувствованій вашихъ съ законами Высочайшаго Строителя міра! Какая разительная противоположность съ царствующимъ духомъ общества неозаренныхъ истиннымъ свѣтомъ! Тамъ пороки искажаютъ величественную природу человѣка, страсти посякаютъ въ самомъ началѣ прекрасный цвѣтъ нравственныхъ его дѣйствій, и разумъ, подобно всеобъемлющей, изъ ничего воздвигшей и правящей мірами силы, вѣнецъ трудовъ творческихъ истлѣваетъ въ заблужденіяхъ. Прольемъ слезу сожалѣнія о слѣпотствующихъ ближнихъ нашихъ и голосомъ друга опытнаго, предостерегающаго юнаго странника отъ угрожающей ему пропасти, въ пользу и наученіе младшихъ членовъ священнаго союза нашего въ дни недавніе пришедшихъ искать въ святилищѣ семъ щита про-

тиву пороковъ, предложимъ объ одномъ изъ главнѣйшихъ и повсемѣстныхъ заблужденій, владычествующихъ надъ душами непросвѣщенныхъ.

„О гордости слово, любезные братья! Сей змѣй, въ послѣдствіи грызущій внутренности человѣка, главная причина себялюбія, холодности къ ближнему и жестокосердія къ страждущему, въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ благородныхъ предпріятій и подвиговъ смертнаго. Чувствованіе на себѣ знака благодати Вѣчно-Премудраго, поставившаго насъ на чредѣ возвышенной предъ другими его созданіями, отличавшаго насъ отъ прочихъ твореній свѣтомъ неугасаемымъ и показавшаго намъ для достиженія цѣли великую и божественную, до коей когда-либо умъ, воля и воображеніе человѣка возносились, познаніе внутренняго достоинства, свѣдѣнія о преимуществѣ и превосходствѣ своемъ предъ нѣкоторыми изъ собратій, благодію природы, воспитаніемъ и случаемъ доставшихся въ удѣлъ намъ, умѣряемые законами благоразумія, суть главная вина благородства и возвышеннаго духа, побужденіе къ дѣламъ великимъ и отважнымъ, путь къ добродѣтели. Это рождаетъ героевъ, кровью искупающихъ свободу отечества; производитъ правдивыхъ судей, покрывающихъ сироту и вдовицу отъ насилій богатаго; творитъ нѣжнаго супруга, чадолюбиваго отца, мудраго гражданина; вдыхаетъ снисхожденіе къ слабому, помощь страждущему и благорасположеніе ко всякому изъ ближнихъ. Что можно сказать вопреки сей гордости? Она страсть благородная, необходимая человѣку, какъ вѣтръ попутный, несущій корабль къ цѣли его назначенія. И вольный каменщикъ имѣетъ, долженъ имѣть ее, какъ человѣкъ, какъ зритель таинственныхъ судебъ, какъ ковчегъ истиннаго свѣта, истинной премудрости.

„Но сію ли гордость, любезные братья, встрѣчаемъ въ обществѣ? Нѣтъ, тамъ богатство, пустыя титулы и порода, даръ случая, даръ ничтожный рожаютъ надменность особеннаго рода. Они заставляютъ часто мечтать непросвѣщеннаго, что ему все возможно, все позволено, что онъ мудрѣ всѣхъ и добродѣтельнѣе всѣхъ и отличную породу отъ другихъ человѣковъ имѣетъ. Лестцы низкіе, поклонники блестящаго кумира укрѣпляютъ его въ мысляхъ сихъ, и тогда слабый смертный, забывъ себя, природу и ближнихъ неистовствуетъ въ дѣлахъ своихъ, давитъ слабого, роетъ яму сильному, устрояетъ ковы великому, гонитъ добродѣтеля, презрѣніемъ встрѣчаетъ истинное достоинство, посмѣвается благороднымъ усиліямъ друга человѣчества, съ улыбкой самодовольствія своимъ порокамъ чернотѣ души своей даетъ громкое титуло великодушныхъ поступковъ. Можно ли въ такомъ извергѣ природы

искать чувства жалости, состраданія, любви къ ближнему, помощи къ сиротѣ, утѣшеніе оскорбленному? Нѣтъ, здѣсь и слово, сказанное страдальцу, слово обиды и обязательнаго презрѣнія почитается милостію и одолженіемъ. Здѣсь разсуждаютъ о своей возвышенности, о своемъ спокойствіи помышляютъ, ибо „что равно мнѣ?“ говоритъ надменный; о своихъ выгодахъ бесѣдуютъ; всякій взглядъ толкуютъ, всякое слово взвѣшиваютъ, всякій поступокъ неопытности считаютъ себѣ оскорбленіемъ непростительнымъ. „Я почтеннѣе по титулу тебя“, говоритъ безумецъ, „какъ отважился ты вопрошать меня? я богатѣе, какъ дерзнулъ встать на ряду со мной въ требованіяхъ своихъ, въ правахъ на человѣчество? Мои предки многія столѣтія назадъ были люди великіе, и потому душа моя совсѣмъ иная, нежели въ тебѣ, твоя не лучше инстинкта животныхъ, моя близка къ небожителямъ! Я бѣгу тебя и въ часъ моего истлѣнія ограждаю бронзою, мраморомъ и великимъ пространствомъ прахъ свой отъ смѣшенія съ бренными твоими остатками!“

Таковы слѣдствія заблужденій, слѣдствія необузданной гордости! И человѣчество навсегда оставляетъ несчастнаго безумца, и самолюбіе грызетъ внутренность его; нѣтъ ему утѣшенія; веселіе навсегда оставляетъ душу его, спокойствіе позабыло сердце его, ибо внутреннее самосознаніе, голосъ совѣсти, пробуждаетъ подчасъ сибарита, въ легкомъ снѣ опочивающаго на розахъ, напоминаетъ о бренности его жребія, убѣждаетъ въ его ничтожествѣ. „Злодѣй“, вопить оно, „ты отрекся своихъ братьевъ, и вѣчная благодать отъ тебя отрекается! Ты презираешь въ нихъ подобіе Всемогущаго, и Великій Строитель міра презираетъ тебя самого, какъ недостойное твореніе рукъ Его! Онъ равнымъ знакомъ милостей своихъ отличилъ ихъ, и слеза тобою угнетенныхъ не вотще достигаетъ слуха Его!“

Что значитъ богатство, любезные братья, если оно сокрыто въ сокровищницахъ, не удѣляется ближнему, вздохами встрѣчающему утро, томящемуся въ день голодомъ и слезою привѣтствующему вечеръ?

Что значитъ санъ высокій, если снисхожденіе, добродѣтель и человѣколюбіе не украшаютъ смертнаго, облеченнаго въ оный. И высокая порода, если отрасли оной столь чуждо благородное поведеніе, какъ ночи свѣтъ?

Не будетъ ли досадительная насмѣшка, упрекъ въ низости, бездѣйствіи и порокахъ тому, кто содѣлался скареднымъ потомкомъ великихъ предковъ? Можно ли гордиться сими преимуществами, если они не сопряжены съ внутренними достоинствами

обладающаго оными? Лишь благодѣтельность прямо цѣнить богатство, лишь снисхожденіе украшаетъ величіе, и благія дѣла оправдываютъ преимущество породы!

Гордиться сими благами, драгоценными слабоумному и ничтожными мудрецу, есть непростительное безуміе, признакъ разума непросвѣщеннаго, воли развратной.

То только принадлежитъ мнѣ, что составляетъ сущность мою, съ которою сею теряются и права мои на имя человѣка. Богатство, знатность, порода суть такія качества, кои хотя придаютъ достоинства нашему существу, но не прямо составляютъ принадлежности наши; развѣ человѣкъ, благородный по душѣ, добродѣтельный изъ внутренняго побужденія, почтенный по дѣламъ своимъ, богатый заслугами отечеству, знатный по чувствамъ сердца, теряетъ свои достоинства потому, что низкая порода досталась въ удѣлъ ему, бѣдность живетъ въ скромной хижинѣ его, кругъ дѣятельности его ограниченъ дѣлами, хотя не менѣе важными, но менѣе блистательными? Ни мало! Онъ все право имѣетъ считать себя выше всѣхъ людей, только одними титулами извѣстныхъ свѣту.

Знатный безъ сомнѣнія почтеннѣе низкаго, если добродѣтель украшаетъ его, но и презреннѣе, если только порода и чинъ различаютъ его отъ обыкновеннаго туземца. Богатство и высокая порода суть залоговѣ благотворительности и добрыхъ качествъ души.

Итакъ, что значить гордость свѣтская, пожирающая слабоумныхъ? Признакъ отсутствія добродѣтели и лишенія разума, чувство души низкой, недостойной обитать въ тѣлѣ созданія по образу и подобію Великаго Строителя міра.

Любезные братья, васъ сопричили къ сонму мужей избранныхъ, почтили знакомъ мудрости и добродѣтели! Вспомните слова мои, когда подобные порывы страстей станутъ возмущать спокойствіе духа вашего, одержите верхъ надъ внушеніями лукавыхъ и льстецовъ и знайте, что снисхожденіе есть единственный источникъ любви и почтенія, питаемыхъ къ намъ ближними!"

Сообщ. Тира Соколовская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЪ НАГАСАКИ ДО ВЛАДИВОСТОКА И СИНГАПУРА.

(Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсере «Африка»).

Глава III ¹⁾).

Хорошо было крейсеру „Африка“ стоять на рейдѣ, пользуясь благодатнымъ климатомъ Японіи, среди цвѣтущей зелени, но адмиралъ сѣшилъ во Владивостокъ и потому 14 сентября намъ пришлось разстаться съ уютнымъ рейдомъ Нагасаки.

17 сентября поздно вечеромъ крейсеръ отдалъ якорь въ бухтѣ около Владивостока съ тѣмъ, чтобы утромъ перейти въ Золотой рогъ. Входъ состоялся при торжественной обстановкѣ и громкѣ салютовъ, когда крейсеръ сталъ на якорь, все морское и сухопутное начальство прибыло представиться генералъ-адъютанту С. С. Лесовскому и привѣтствовать его съ приходомъ.

Со слѣдующаго дня адмиралъ началъ дѣлать визиты, и сейчасъ же пошли засѣданія, коммисіи и др. скучныя вещи, по крайней мѣрѣ съ нашей точки зрѣнія, стремившихся на берегъ. Засѣданія причиняли намъ безпокойство, и потому мы были рады приходу крейсера „Европа“, который принялъ къ себѣ весь штабъ, а съ нимъ и коммисіи, жаль только было разстаться съ любимымъ адмираломъ.

Скажемъ теперь о Владивостокѣ. Городъ растянутъ на одной сторонѣ бухты Золотого рога, тогда какъ другая сторона покрыта лѣсомъ, да у самой воды стоятъ угольные склады Маковского. Въ описываемое нами время на углахъ были прибиты дощечки съ названіями улицъ, но самыхъ улицъ еще не было кромѣ вымо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1908 г.

щенной Свѣтланской и такой же въ офицерскую слободку. Неблагоустройство города и печальное состояніе порта выказывались во многомъ. Напримѣръ, недостатокъ воды и средствъ доставлять ее на суда заставлялъ просить у знакомыхъ одолжить воды изъ колодца или приходилось посылать шлюпки въ бухту Діомидъ. Изъ казенныхъ зданій только два имѣли солидный видъ: штабъ главнаго командира порта и казармы 1-го линейнаго баталіона. Портовые мастерскія и склады поражали своею ветхостью и несмотря на старанія поддержать ихъ подпорами и штукатуркой—грозили паденіемъ. Самая планировка города вызвала недоумѣніе вновь прибывшаго: зачѣмъ портъ расположенъ у относительнаго мелководья въ одномъ концѣ, тогда какъ зданіе экипажа помѣщается у самой глубокой части бухты на противоположномъ концѣ въ 3-хъ верстномъ разстояніи. Церковь была одна, очень маленькая, деревянная; на соборъ собирали деньги, но онѣ куда-то исчезали, и долгое время Владивостокъ не имѣлъ собора. Домъ главнаго командира въ 1880 году былъ небольшой и старый, постройка новаго остановилась долгое время на высотѣ фундамента. Передъ домомъ развели большой общественный садъ, спускающійся къ берегу бухты. Теперь, конечно, все имѣетъ другой видъ, но торговля какъ тогда, такъ и теперь не выходитъ изъ рукъ торговаго дома Кунстъ и Альберсъ.

На военныхъ совѣтахъ у адмирала рѣшили, въ числѣ другихъ мѣропріятій въ ожиданіи военныхъ дѣйствій, также укрѣпленіе крѣпости, а именно: постройку новыхъ батарей и установку орудій. Вся крѣпость для этой цѣли была раздѣлена на раіоны, которые распредѣлили между судами эскадры. Но долю „Африки“ и фрегата „Мининъ“ достался мысъ Эгершельдъ. Обыкновенно рано утромъ раіонъ объѣзжалъ инженеръ, онъ назначалъ работы, иногда довольно сложныя, какъ напримѣръ постройку укрѣпленій и при этомъ не находилъ времени объяснить детали, ссылаясь на то, что насъ обучали фортификаціи въ училищѣ, и мы должны знать, помнить, а не спрашивать. Бывали и такіе случаи: помню, какъ-то послали очереднаго мичмана на берегъ съ командами „Африки“ и „Минина“ (офицеры обоихъ судовъ очередовались между собою). Пріѣхавшій артиллерійскій офицеръ предложилъ мичману втащить огромный, тяжелый пушечный станокъ на гору. Приспособленій никакихъ нѣтъ, даже досокъ и веревокъ, а команда стоитъ во фронтѣ, ожидая приказаній—положеніе для мичмана критическое. Сосчитавъ людей, боцманъ съ „Минина“ подходит и спрашиваетъ: „Ваше Благородіе, какъ прикажете втаскивать станокъ?“

— „Какой же ты боцманъ, если меня спрашиваешь, какъ надо тащить станокъ, я думалъ, ты спросишь, куда надо тащить, а не какъ тащить“. Эффектъ получился громадный, команда вступилась за своего боцмана, неизвестно откуда достали доски, брусья и все прочее, запѣли „дубинушку“, и къ концу работъ станокъ былъ на горѣ. Конечно, самая работа и устройство салазокъ шли подъ указаніями мичмана, но достали все необходимое сами матросы.

Погода довольно благопріятствовала работамъ, только однажды задулъ „Суйфунъ“ со снѣгомъ (такъ называется штормовой вѣтеръ, дующій со стороны рѣки Суйфунъ), штормъ продолжался сутки, мы стояли въ густомъ туманѣ и снѣгу, не видя ничего кругомъ. Утромъ на слѣдующій день стихло, и мы увидѣли, что одни суда помѣнялись мѣстами, другихъ прижало къ берегу, а у насъ затонулъ паровой катеръ. Старшій офицеръ послалъ меня доложить командиру объ этомъ обстоятельстве, такъ какъ я завѣдывалъ катеромъ. Страшно было идти „передъ свѣтлыя очи“ грознаго командира, но дѣлать нечего,—вошелъ въ каюту.

— „Вамъ что угодно“?

— „Ев. Ив.! во время вчерашней пурги паровой катеръ сорвался съ бакштова и затонулъ“.

— „Вы имъ завѣдуете, а потому извольте найти и безъ этого не возвращайтесь на судно“.

— „Есть“.

Сообразивъ, гдѣ могъ затонуть катеръ, я отправился на поиски, вскорѣ нашелъ и съ торжествующимъ видомъ доложилъ командиру.

— „Ев. Ив.! катеръ найденъ“.

— „Хорошо, теперь его поднимайте“.

Взявъ барказъ и катеръ съ водолазами, отправился къ мѣсту нахожденія катера, тамъ послалъ водолазовъ заложить тали, и установивъ надлежащія приспособленія, поднялъ катеръ до поверхности воды и въ такомъ видѣ привелъ къ борту крейсера для подъема на свое мѣсто.

Въ пылу мичманскаго восторга и гордости по случаю быстрого выполненія приказанія командира, мнѣ казалось, что командиръ осыпаетъ благодарностями, а онъ только ограничился новымъ приказаніемъ—слѣдить за починкой катера на берегу.

У насъ было много знакомыхъ, и потому время шло быстро и весело, мы увлекались хорошенькими барышнями, но никто изъ насъ не попался въ сѣти, хотя свадьбы случались не рѣдко вообще на эскадрѣ и на берегу. Рассказывали намъ такой случай: молодой офицеръ ухаживалъ за барышней, говорилъ ей комплименты и

какъ-то поцѣловаль руку, конечно въ этотъ злосчастный моментъ „случайно“ вошла маменька.

— Ну, вотъ и слава Богу, поздравляю и благословляю васъ, милыя дѣтки.

Офицеръ сталъ было отнѣкиваться, но энергичная дама заставила сдѣлать предложеніе, и онъ, браня свою неосторожность, поѣхалъ къ командиру повѣдать горе.

— Вы сдѣлали предложеніе?

— Заставили сдѣлать.

— А въ какой формѣ вы были, когда дѣлали предложеніе?

— Просто въ сюртукѣ.

— Безъ эполетъ?

— Въ погонахъ.

— Ступайте, не кручиньтесь и будьте осторожнѣе другой разъ.

Командиръ поѣхалъ къ энергичной дамѣ и объяснилъ ей, что по морскому уставу полагается дѣлать предложеніе въ эполетахъ, а потому сдѣланное въ погонахъ не дѣйствительно, и онъ разрѣшить эту женитьбу не имѣетъ права. Конечно, былъ страшный протестъ, но тѣмъ не менѣе дѣло этимъ и кончилось.

13 ноября крейсеръ „Европа“, ушедшій въ Нагасаки, по пути попалъ въ штормъ, надѣлавшій ему много бѣдъ и поврежденій, главная бѣда заключалась въ несчастіи съ адмираломъ С. С. Лесовскимъ—котораго, влившаяся на палубу волна бросила къ мачтѣ и онъ сломалъ себѣ ногу. Болѣзнь уложила адмирала въ постель, на долго, командованіе эскадрой перешло къ нашему адмиралу барону О. Р. Штакельбергу, его телеграммой потребовали въ Нагасаки вмѣстѣ съ крейсеромъ „Африка“. 18 ноября мы ушли изъ Владивостока; за два мѣсяца стоянки, офицеры со многими пере-знакомились и потому разставаться было грустно, но благодаря экстренному уходу, простились быстро, не успѣвъ надавать барышнямъ разныхъ обѣщаній на будущее. Какъ ни были теплы наши отношенія съ жителями города, все-таки на рейдѣ было холодно, и мы съ радостью встрѣтили островъ Дажелетъ (по-японски Матцу-сима), у котораго уже замѣтно вліяніе теплаго теченія. Самый островъ ничего радостнаго не представляетъ—голый камень съ стѣсненными берегами, необитаемый и безводный, никого къ себѣ не заманиваетъ. Въ теплую, прекрасную погоду 26 ноября пришли въ Нагасаки, гдѣ С. С. Лесовскій передалъ командованіе эскадрой барону О. Р. Штакельбергу и поручилъ ему идти въ Иокогаму для представительства по случаю нашего аліанса съ японцами.

Мы знали, что стоянка въ Нагасаки не будетъ продолжительна, и потому не теряли время, чтобы продолжить наше знакомство съ

городомъ. Въ одинъ прекрасный день насъ привезли къ подножію громадной лѣстницы большого храма Сува. Прежде чѣмъ подняться по лѣстницѣ, надо войти въ священныя ворота—тори, видъ которыхъ имѣетъ всегда одну и ту же строго опредѣленную форму, а именно: ставятся два столба наклонно другъ къ другу и связываются между собою на верху двумя поперечными перекладинами, при чемъ верхнія обыкновенно съ изогнутыми концами.

Между перекладинами оставляется просвѣтъ извѣстнаго размѣра, въ середину котораго вставляется стоячій брусъ для связи перекладины. Тори составляютъ непремѣнную принадлежность всякаго храма и даже самой незначительной часовни.

Пройдя ворота, мы стали подниматься по лѣстницѣ, составляющей очень древнее и солидное сооруженіе въ Нагасаки, она сложена изъ правильныхъ громадныхъ брусевъ съ такимъ же бордюромъ по бокамъ. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы построено много разныхъ домиковъ съ садами, часовень, лавочекъ, попадаютъ и кладбища. Поднимаясь все выше, мы ожидали увидѣть храмъ, но напрасно—его закрываетъ отъ глазъ густая зелень вѣковыхъ деревьевъ. На верхней площадкѣ отъ лѣстницы идутъ каменные перила съ деревянной галлереей надъ ними, прямо стоятъ главные ворота, за которыми на широкомъ дворѣ красуется древняя бронзовая статуя священнаго бѣлаго коня почти въ натуральную величину. Преданіе гласитъ, что на бѣломъ конѣ были привезены въ Кіотъ законы Будды. Около коня помѣщаются два каменныхъ фонаря и громадная бронзовая ваза, очень старинной, прекрасной чеканной работы.

Дворъ окруженъ галлерееми, въ нихъ висятъ дощечки съ именами жертвователей на храмъ, дощечки какъ бы замѣняютъ книгу со спискомъ вносящихъ деньги на храмъ или на поминанье. Кромѣ дощечекъ висятъ картины, изображающія мореходныя японскія шхуны.

Передъ отправленіемъ въ дальнее плаваніе, судохозяинъ приходитъ молиться о благополучномъ плаваніи и вѣроятно, чтобы богиня Бентенъ не перепутала, приноситъ изображеніе своего судна.

Обходя галереи, мы чуть не пропустили интересное мѣсто, гдѣ исцѣляется зубная боль. Здѣсь виситъ щитъ съ написанными на немъ молитвами, сверху которыхъ приклеены маленькіе, картонные барабаны, обтянутые бумагой. Чтобы получить исцѣленіе, надо купить у бонзы свертокъ съ молитвой, оторвать кусокъ бумаги отъ свертка и жевать его, трижды читая въ то же время молитвы, написанныя на щитѣ. Когда жвачка готова, надо плюнуть

ею въ барабанъ, кто попадегъ и прорветъ бумагу, у того зубная боль пройдетъ. Мы никого не замѣтили, кто бы занимался исцѣленіемъ своихъ зубовъ такимъ радикальнымъ средствомъ и терялъ время на это пріятное занятіе.

Главный храмъ представляетъ изъ себя деревянный навѣсъ изъ кедровыхъ балоковъ, съ трехъ сторонъ забранный глухими щитами, тогда какъ передній фасъ закрывается только въ дурную погоду или въ другихъ случаяхъ. Храмъ стоитъ на каменномъ фундаментѣ, и ко входу ведетъ каменная лѣстница.

Внутренность храма отличается безукоризненной чистотой и простотой; главная часть храма заключается въ алтарь—это небольшое возвышеніе въ нѣсколько ступеней, на площадкѣ котораго поставлено историческое зеркало богини Изанами. Зеркало металлическое, круглое съ ручкой, вставляемой въ деревянный постаментъ. Надъ алтаремъ протянута веревка съ подвѣшенными на ней, особо сложными, бумажками съ семью загибами въ честь семи геніевъ покровителей Японіи.

Стѣны храма отлично выструганы, а полъ покрытъ очень хорошей цыновкой. Характеръ постройки храмовъ и обычай ставить зеркало основаны на цѣломъ рядѣ легендъ, переходящихъ изъ рода въ родъ.

Дальнѣйшій порядокъ осмотра для насъ состоялъ въ прогулкѣ по общественному саду, лежащему на одной изъ площадокъ горы ниже храма. Дорожки сада вьются между цвѣточными клумбами и подъ сѣнью большихъ, хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, между которыми мы замѣтили перечные и камфарныя.

На лужайкахъ встрѣчаются чайные домики, устроены стрѣльбища для стрѣльбы изъ лука, а съ дорожки по краю сада открывается чудный видъ на всю длину бухты и далѣе до Такасимы.

Рѣшивъ осмотрѣть и другіе храмы въ Нагасаки, мы поѣхали въ противоположную часть города, гдѣ находится храмъ Дайонджи, принадлежащій буддійскому вѣроисповѣданію. Черезъ тори вошли въ ограду двора, на которомъ стоятъ часовенки съ изображеніями Будды, тутъ же бонза продаетъ амулеты.

Дворъ украшенъ массивными фонарями, древними бронзовыми курильницами и парой корейскихъ львовъ, стоящихъ на пьедесталахъ. Въ одномъ концѣ двора стоитъ павильонъ, украшенный рѣзбой, въ немъ подъ крышей виситъ цилиндрическій мѣдный колоколъ, въ который бьютъ горизонтально подвѣшаннымъ бревномъ.

Храмъ построенъ изъ дерева и по образцу другихъ стоитъ на каменномъ фундаментѣ; внутри храмъ раздѣляется рядами лаки-

рованныхъ, украшенныхъ рѣзбой колоннъ на три части. Изъ нихъ средняя самая большая, въ ней помѣщается алтарь, передъ которымъ поставлено „колесо закона“—барабанъ со свертками, на которомъ написаны законы,—достаточно повернуть за ручку барабана, и всѣ законы будутъ прочитаны, т. е. выполнено требованіе религіи ежедневно читать всѣ законы. Съ потолка храма повсюду спускаются симметрично и красиво подвѣшенные разнообразные фонари отъ самыхъ простыхъ до самыхъ затѣйливыхъ съ ажурной рѣзбой. Надъ главнымъ алтаремъ въ глубинѣ особаго кіота помѣщена позолоченная статуя Будды, больше человѣческаго роста съ алмазомъ, вѣланнымъ въ лобъ статуи.

Изъ главнаго алтаря можно пройти корридормъ въ особый придѣлъ, посвященный памяти усопшихъ.

Въ немъ устроены полки, на которыхъ поставлены небольшіе кіоты со статуэтками святыхъ, около каждаго кіота лежитъ доска съ именами усопшихъ.

Надо упомянуть еще о садикѣ около храма, въ немъ устроены миниатюрный прудъ съ проточной водой, масса разнообразныхъ рыбъ играютъ на поверхности воды, грѣясь на солнцѣ или уходя въ тѣнь окружающихъ деревьевъ. Здѣсь устроены маленькіе гроты, перекинуты мостики и посажены деревья разныхъ сортовъ, вырощенныя особымъ образомъ. Это деревья карлики, которымъ придаютъ желаемую форму и фигуру, не знаю какимъ образомъ японцы достигаютъ подобныхъ результатовъ, но выходитъ крайне оригинально и въ своемъ родѣ красиво. Подобнаго рода садики устроены какъ бы для куколъ, мы встрѣчали ихъ въ разныхъ мѣстахъ Японіи, но увидѣли первый разъ въ деревнѣ Иноса, около Нагасаки.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Тахидзеро, мѣстечко, лежащее на берегу моря съ другой стороны острова, въ трехъ часахъ ѣзды на джинерикшахъ отъ Нагасаки. Дорога идетъ въ гору, проходитъ ущелье и спускается къ морю, т. е. дорога дѣлаетъ перевалъ черезъ горный кряжъ, при этомъ проходитъ все время въ зелени и даетъ возможность любоваться прелестными пейзажами, особенно на возвышенныхъ мѣстахъ, откуда кругозоръ шире.

Мѣстечко Тахидзеро довольно большое, жители занимаются торговлей рыбой. Гостиницъ нѣтъ, пришлось закусить слегка въ частномъ домѣ.

Обратный путь совершили при лунномъ свѣтѣ, въ блѣдномъ освѣщеніи все приняло другой видъ—и причудливое очертаніе горъ, и домики, и окружающая зелень.

24-го ноября Екатерининъ день, вспоминая своихъ именинницъ,

мы пошли обѣдать въ японскій отель, выбрали лучшій изъ рекомендованныхъ, а именно въ Мума-мячи, принадлежащій Джьютеи.

Съ самаго подъѣзда начались изводящія церемоніи и поклоны, заставили снять обувь, чтобы по холодному лакированному полу и лѣстницамъ пройти внутрь дома, гдѣ въ одной изъ комнатъ рас-^иположились на циновкахъ, покрывающихъ весь полъ.

Усѣлись по приглашенію „дозо о каке ку да сай“, имъ пригласить-то легко, а каково-то намъ было устроиться; сначала храбро усѣлись по-японски, поджавъ ноги, но скоро ноги затекли, пришлось лечь—руки затекли, опять мѣнять позу, въ концѣ концовъ кое-какъ приспособились.

Первымъ дѣломъ угощали жидкимъ чаемъ безъ сахара въ маленькихъ чашкахъ, чтобы согрѣться внутри, для наружнаго согрѣванія принесли „хибачъ“—ящикъ съ горячей золой и углями. Затѣмъ поставили передъ каждымъ игрушечный столикъ съ первой партіей чашекъ, въ которыхъ оказалось два сорта супа, квашенная рѣдька, грибы съ вареньемъ, маринованные въ укусуъ молодые ростки бамбука, варенные бобы, яичница съ соленой соей и мелкимъ сахаромъ, апельсиновый мусъ и сладкое рисовое тѣсто, всю эту прелесть запивали подогрѣтой рисовой водкой (саки).

Вторая партія была какъ-будто лучше и даже попались вкусныя вещи, какъ напримѣръ сырая рыба Тай съ хрѣномъ и соей, она напоминаетъ вкусомъ нашъ балыкъ изъ бѣлорыбицы. Недурна отварная рыба, зелень, хуже варенныя устрицы, каракатицы, морская капуста и еще какія-то неизвѣстныя вещи. Этимъ не кончилось угощеніе, дали еще жареную курицу, изжаренную на растительномъ маслѣ и какимъ-то варварскимъ образомъ приготовленную (блюдо носить названіе „скіаги“), котлеты изъ птичекъ и сладкое блюдо въ родѣ бланманже, только не вкусное. Кто пробовалъ всего, тотъ насытился, а разборчивые остались голодны и напустились на сытыхъ:

— „И охота было приходить сюда, чтобы ѣсть всякую дрянъ“.

— „Напрасно, были вкусныя вещи“.

— „Ужъ не сырая ли рыба съ вареньемъ“.

— „А чѣмъ худо, меньше бы разбирали, больше бы были сыты“.

Разговоръ сталъ осложняться, и потому для прекращенія его партіи раздѣлились, сытые пошли гулять, а голодные поѣхали въ другой отель съ европейскимъ столомъ.

29 ноября на крейсеръ перебрались лица, прикомандированныя къ нашему адмиралу на время его командованія эскадрой, и потому насъ, жившихъ въ каютахъ въ каютъ-кампаніи, преспокойно выселили въ матросскій лазаретъ въ жилую палубу.

Распоряженіе, конечно, выполнили молча, но съ большимъ внутреннимъ неудовольствіемъ на штабныхъ чиновъ, пользующихся всюду привилегіями. Пришлось бѣлье сложить въ корзину, поставить ее подъ койку, платье развѣсить на гвоздики и т. далѣе, это еще ничего, но спать среди матросовъ было очень душно.

30 ноября въ семь часовъ утра ушли въ Йокогаму. Передъ уходомъ командиръ позвалъ меня въ каюту и сказалъ:

— „За болѣзнью старшаго артиллерійскаго офицера, остающагося въ Нагасаки, вы примите его обязанности, имѣйте въ виду, что скоро будетъ боевая стрѣльба“.

— „Есть“ и поворотъ изъ каюты.

Монологъ небольшой, а сколько заботъ и работъ онъ прибавилъ, зато явилась прибавка содержанія, а главное чувство удовлетворенія, что выборъ палъ на меня.

Въ ночь на 4 декабря „Африка“ отдала якорь на Йокогамскомъ рейдѣ, освѣщенномъ яркимъ заревомъ громаднаго пожара.

Вотъ мы, наконецъ, добрались до центральнаго мѣста Японіи недалеко отъ столицы Восходящаго Солнца, которую давно стремились посѣтить.

Первое, что бросилось въ глаза, это другой типъ шлюпокъ (фуне), здѣсь онѣ безъ рубокъ, большихъ размѣровъ и съ нѣсколькими гребцами, измѣненіе типа зависитъ отъ условій рейда, который отличается бурнымъ характеромъ. Вѣтеръ разводитъ большую волну, и не всегда фуне можетъ выгresti съ берега на судно. Впослѣдствіи въ Йокогамѣ построили молль, ограждающій рейдъ отъ волны.

Утромъ, разсматривая берега залива и Йокогаму, мы не пришли въ восторгъ отъ красоты мѣстности, только безусловно красива гора Фудзи-яма, потухшій вулканъ въ 12.500 ф. высотой. Фудзи-яма видна здѣсь отовсюду и во всякихъ видахъ красива и грандіозна. По берегу залива въ городѣ идетъ набережная (Бундъ), облицованная гранитомъ, съ нѣсколькими пристанями для шлюпокъ и пароходовъ. Вдоль набережной стоятъ двухъ-этажные бѣлые домики съ палисадниками и высокими флагштоками; тутъ же начинается европейская часть Йокогамы, вполне благоустроенная, съ прекраснымъ шоссе и зданіями городской ратуши, англійскимъ клубомъ, таможней, конторами и тюрьмой.

Изъ церквей мы замѣтили англиканскую съ высокой крышей и католическій костелъ.

Йокогама расположена на сѣверо-востокъ и европейской частью съ прилегающей къ японской доходить до городка Канагава по берегу бухты. Другая сторона Йокогамы оканчивается на холмистомъ

кряжъ Сенги-Яма или какъ называютъ англичане „Блефъ“, здѣсь построены, среди густой зелени, дачи европейцевъ и госпитали.

Главная улица Йокогамы, параллельная набережной,—Мейнъ-стритъ, ее продолженіемъ по японской части города служитъ Хончо-дори. Границей между этими улицами служитъ широкой проѣздъ, идущій отъ портовой пристани и упирающійся въ городской общественный садъ. По лѣвую сторону проѣзда или Портовой улицы, стоитъ рядъ консульскихъ домовъ, а по правую казенныя еданія. Хончо-дори оканчивается мостомъ черезъ обводный каналъ, за которымъ находится скверъ и вокзалъ желѣзной дороги. Хончо-дори широкая улица съ фонарями и водосточными каналами. По ней встрѣчается много магазиновъ фарфоровыхъ, лаковыхъ и шелковыхъ издѣлій.

Мы скоро опредѣлились на нѣкоторыхъ магазинахъ и впослѣдствіи всегда ихъ посѣщали.

Тамайя—магазинъ отличныхъ лаковыхъ издѣлій, особенно знаменитъ матово-золоченымъ лакомъ съ миниатюрной живописью.

Шобей—завлекаетъ шелкомъ и вышивками, а отъ Мусачіо уйти трудно, такая у него масса разнообразныхъ предметовъ роскоши и японскаго искусства: придя въ магазинъ, можно думать, что пришелъ на выставку. Тутъ все есть: вазы, курильницы, чаши и старый сатцумскій фарфоръ, издѣлія изъ котораго отличаются изящной формой съ тонкими украшеніями.

Менѣе важный магазинъ шелковыхъ издѣлій, но также хорошо знакомый русскимъ — это магазинъ Танаб - есанъ, его сестры (Окинъ и Танабе - санъ) содержали въ то время чайный домъ на верху горы Сенги-яма, охотно посѣщавшійся моряками всѣхъ націй. Въ чайный домъ можно проѣхать по горѣ, шоссею или подняться по 101 ступенькѣ отъ подножья горы, почему и чайный домъ этотъ получилъ названіе „101 ступеньки“.

На другой день прихода начались официальные визиты: к.-адм. О. Р. Штапельбергъ съ командиромъ крейсера и чинами штаба сдѣлалъ визитъ нашему посланнику въ Токио К. В. Струве и его супругѣ, 5 декабря посланникъ отдалъ визитъ адмиралу въ Йокогамѣ на крейсерѣ „Африка“, гдѣ былъ встрѣченъ по уставу. 6-го декабря наше начальство ѣздило съ визитами въ Токио къ министру иностранныхъ дѣлъ Иноуэ, морскому министру вице-адмиралу Еномото, военному министру генераль-лейтенанту Ямагата и начальнику главнаго штаба генераль-лейтенанту Ояма.

Насъ не брали съ собой дѣлать визиты, и потому мы сами отправились по желѣзной дорогѣ изучать Токио. Дорога построена

въ два пути, вагоны I и II классовъ различаются только обивкой, вокзалъ достаточно обширный, устроенъ по образцу европейскихъ.

Отъ Йокогамы до первой станціи Канагавы тянутся непрерывно деревянные дома и лавки. Въ Канагава мѣстность уже холмистая поѣздъ проходить по городу.

Слѣдующая станція Тсুরুми—справа большое селеніе, слѣва лѣсистый кряжъ и вдали селеніе.

Третья станція Кавасаки, здѣсь равнина расширяется, повсюду рисовыя поля, усаженные массой журавлей и совершенно бѣлыхъ рисовыхъ птицъ „иби“.

За Кавасаки поѣздъ проходитъ черезъ рѣку Лого по деревянному мосту и останавливается у станціи Омари, около которой разводять грушевыя и вишневые деревья исключительно для цвѣтовъ.

Послѣдняя станція передъ Токио—Синагава, здѣсь поѣздъ идетъ по равнинѣ, покрытой домиками и фабриками, далѣе входитъ въ глубокую выемку въ горѣ. Синагава стоитъ у самого моря.

Приближаясь къ Токио, надо проѣзжать мимо Сибайскихъ холмовъ, затѣмъ вдоль канала, по набережной котораго стоятъ японскія дачи съ садиками, чрезъ предмѣстье Шиба и, наконецъ, поѣздъ подходитъ къ станціи въ Токио.

Съ вокзала мы отправились поодинокѣ въ колясочкахъ, запряженныхъ тройкой лихихъ двуногихъ коней, быстро мчавшихся по городу, расположеніе котораго мы изучали по картѣ. Западная половина города Токио занимаетъ громадную площадь, какъ намъ говорили, въ 63 кв. версты, окаймленную съ сѣвера и востока широкою дугою большою рѣки. Вездѣ мѣстность изрѣзана проточными каналами и разбита прямыми улицами на правильные кварталы.

Восточная часть города, лежащая на лѣвомъ берегу рѣки Сумидагава, значительно меньше западной, эта рѣка составляетъ правый рукавъ рѣки Тоды и также впадаетъ въ Токийскій заливъ. Обѣ части города раздѣлены на 15 округовъ и соединяются между собою шестью мостами (баши): Оскіа, Адаума, Юмайя, Риооку, Син-о-каси и Йетай.

Главная улица называется Гинза.

Первый нашъ визитъ былъ въ русскую духовную миссію, построенную въ сѣверной части округа Сото-Сиро въ мѣстности Суруга-дай.

Домъ двухъэтажный, каменный, стоитъ на горѣ, по склонамъ которой ютятся японскіе деревянные домики. Церковь небольшая, простая, но вполнѣ приличная, свѣтлая и очень чистая ¹⁾.

¹⁾ Въ настоящее время построенъ каменный соборъ.

Мы попали на литургію, которую совершалъ молодой іеромонахъ съ діакономъ-японцемъ, пѣли дѣти изъ школы. Чрезвычайно пріятно видѣть благочиніе въ церкви, мужчины и женщины стоятъ на разныхъ сторонахъ, никто не опаздываетъ, не разговариваютъ и не оборачиваются. Проповѣдь сказать вышелъ самъ епископъ Николай, при чемъ японцы сѣли на полъ, живой струей лилась японская рѣчь высокочтимаго пастыря и видимо, что слушатели не проронили ни одного слова изъ его проповѣди. Японцы не привыкли къ продолжительному стоянію на ногахъ, и потому они садятся на полъ во время проповѣди епископа.

Намъ предложили посѣтить и другія церкви, ихъ всѣхъ четыре: при миссіи, при посольствѣ, въ кварталѣ Сибя и Ницдумъ, но мы за неимѣніемъ времени рѣшили только осмотрѣть учрежденія при духовной миссіи, а именно:

- 1) школу благовѣстниковъ для взрослыхъ, въ ней проходятъ богословскія науки на японскомъ языкѣ,
- 2) семинарію для мальчиковъ,
- 3) женское училище.

Передъ отъѣздомъ посѣтили епископа Николая, принявшаго насъ самымъ сердечнымъ образомъ.

Изъ Миссіи проѣхали въ знаменитый паркъ Уэно, передъ которымъ расположена на площади постоянная ярмарка разныхъ предметовъ. Миновавъ ее, вѣхали въ прелестную аллею громадныхъ кленовъ и остановились у небольшого конусообразнаго холма, который со стороны дороги скрытъ высокими кустарниками и деревьями. На вершинѣ холма поставлена бронзовая статуя Дай-Буддса, т. е. великаго Будды, у подножья стоитъ пара каменныхъ канделябровъ и два водоема со святой водой. Нѣсколько въ сторонѣ на камнѣ поставлено бронзовое изваяніе Кванно-сама (небеснаго духа посредника между небомъ и землею). Недалеко отъ холма при входѣ съ кленовой аллеи въ великолѣпную рощу, находится гранитное тори, начинающее путь въ священную рощу и далѣе къ храму.

Дорога выложена гранитными плитами и обставлена двойнымъ рядомъ каменныхъ фонарей. Особый эффектъ этого пути состоитъ въ небольшомъ изломѣ его линіи, вслѣдствіе чего храма сначала не видно—онъ открывается неожиданно. Немного въ сторонѣ высится между деревьями красная пагода съ галереями въ каждомъ этажѣ.

Храмъ носитъ названіе Тоо-сіюгу, главная его достопримѣчательность состоитъ въ гробницѣ сіюгуновъ. Правый придѣлъ храма посвященъ Кондоміо-джину, покровителю Токио, въ предѣлѣ висятъ мечъ и сѣкира этого джина (духа).

Изъ храма поѣхали по парку, который расположенъ въ холмистой мѣстности и, благодаря богатой растительности, тѣнистъ и мѣстами особенно живописенъ.

Чрезвычайно хорошъ видъ на озеро „Сино-базуно-ике“ съ прелестнымъ островомъ, на которомъ построенъ храмъ богини Бентенъ.

На каменныхъ террасахъ и площадкахъ парка устроены кумирни, чайные домики и одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, въ которомъ мы плотно позавтракали, порядочно проголодавшись съ утра.

Послѣ завтрака поѣхали въ Асакса-Окураматъ, часть города соседняя съ Уэно, посѣтить храмъ Кинриу-санъ. Джинерикши довозятъ только до начала длиннаго прохода, вымощеннаго плитой, по обѣ стороны прохода стоятъ прилавки, на которыхъ продаютъ цвѣты, дѣтскія игрушки, вѣера, фрукты, воздушные змѣи и др. предметы. Между лотками движется толпа народа, образуя теченіе съ одной стороны отъ входа до храма, этимъ теченіемъ мы дошли до деревянныхъ, раскрашенныхъ воротъ съ двумя статуями небесныхъ стражей. Статуи сдѣланы изъ дерева, частію покрашены и вставлены въ ниши воротъ.

Мощеная улица продолжается за воротами до храма, около котораго продаютъ священныя книги, статуэткі, свѣчи и др. священные предметы.

Внутри ограды главный путь развѣтвляется въ обѣ стороны на поперечные тротуары, которые дѣлятъ дворъ и великолѣпную рощу на участки со множествомъ часовенъ и келій.

Около храма слѣва стоитъ пятиэтажная пагода, а съ другой стороны—ворота, похожія на только-что пройденныя.

Главный храмъ Кинриу-санъ неизбѣжно построенъ изъ дерева и покрытъ двухъ ярусной крышей.

Внутри храмъ раздѣленъ рядами колоннъ на три части; алтарь отдѣленъ рѣшеткой, за которой стоятъ ящики для сбора пожертвованій. Въ нишѣ за желтой рѣшеткой поставленъ позолоченный идолъ Каннонъ-сама.

Изъ храма мы поспѣшили на поѣздъ для возвращенія въ Іокогаму, гдѣ обѣдали въ англійскомъ клубѣ съ нашимъ консуломъ А. А. Пеликанъ.

До 20 декабря обмѣнъ визитовъ не прекращался—много пріѣзжало японскихъ властей, консуловъ и другихъ лицъ.

Изъ пріемовъ надо отмѣтить: завтракъ у адмирала нашему посланнику Кириллу Васильевичу Струве и супругѣ его Маріи Николаевнѣ, которые посѣтили и другія наши суда — фрегатъ „Князь Пожарскій“ и клиперъ „Крейсеръ“.

20 декабря—новый годъ у иностранцевъ, пришлось объѣхать всѣ стоящія на рейдѣ суда, а ихъ собралось порядочно, тутъ были англичане, американцы, итальянцы, нѣмцы, французы и японцы. Офицеры ѣздили на двѣ смѣны, дѣло въ томъ, что обыкновенно заставляютъ пить бокаль шампанскаго на каждомъ суднѣ, а ихъ больше 20, естественно, одна смѣна не можетъ выдержать радушныхъ пріемовъ.

Наканунѣ японскаго Новаго года мы поѣхали смотрѣть приготовленія къ празднествамъ на берегу. Всѣ дома, храмы и тори были уже украшены флагами, гирляндами изъ соломы съ цвѣтными бумажками, такія же гирлянды растянуты на бамбукахъ вдоль тротуаровъ. Передъ входомъ въ домъ стояли разукрашенные елки и висѣли гирлянды изъ листьевъ. На улицахъ мы встрѣчали много женщинъ, несущихъ цвѣтушія деревья въ горшкахъ, а публику съ вѣтками „дерево счастья“ въ родѣ нашей вербы. Въ домахъ передъ божницей въ этотъ день ставятъ рисовые хлѣбы въ родѣ просфоръ, плоды и саки.

Главная забота каждого японца привести свой домъ внутри въ полную чистоту, иначе заберется злой духъ, который непременно приходитъ въ тотъ домъ, въ которомъ осталась нечистота. Около полуночи по совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, въ каждомъ домѣ садятся ужинать и въ 12 часовъ поздравляютъ другъ друга съ Новымъ годомъ и началомъ трехъ началъ (года, мѣсяца и дня).

Въ Новый годъ японцы рано встаютъ, берутъ горячую ванну или моются въ общей банѣ, надѣваютъ лучшее платье и идутъ въ храмъ, исповѣдуя грѣхи другъ другу. Въ храмѣ получаютъ амулеты для прибавки къ двери своего дома и затѣмъ дѣлаютъ визиты.

Какъ наканунѣ, такъ и въ Новый годъ существуетъ много различныхъ обычаевъ и церемоній, точно всѣми выполняемыхъ, но намъ, конечно, не удалось ихъ видѣть—надо долго жить чтобы хорошо ознакомиться съ обычаями страны.

22 декабря у насъ былъ обѣдъ французскимъ офицерамъ.

24-го японскій императоръ дѣлалъ обѣдъ высшимъ чинамъ и посланникамъ.

25-го пріѣхалъ на крейсеръ епископъ Николай. Днемъ для развлечения команды былъ приглашенъ фокусникъ, а вечеромъ послѣ обѣда въ каютъ-кампаніи, на который были приглашены адмиралъ и командиръ, зажгли елку для команды на верхней палубѣ, раздавали подарки и устроили спектакль. День окончился офицерской елкой въ каютъ-кампаніи, общее настроеніе не способствовало веселію, и потому всѣ скоро разошлись по каютамъ.

26 декабря всѣ суда на рейдѣ расцвѣтились флагами по случаю прихода на итальянскомъ суднѣ принца Генуэзскаго (брата итальянскаго короля). Его флагу салютовали всѣ суда и береговая батарея въ Канагавѣ. Въ полдень прибылъ на рейдъ японскій императоръ (Микадо) отдать визитъ принцу и принять у него завтракъ.

27-го назначили парадъ японскихъ войскъ въ Токио. Въ 8 утра командиры и офицеры всѣхъ эскадръ въ полной формѣ отправились по желѣзной дорогѣ въ столицу. Мы проѣхали прямо къ К. В. Струве и вмѣстѣ съ нимъ отправились на плацъ, гдѣ были разбиты двѣ палатки, одна для Микадо и его гостя, другая для дипломатическаго корпуса и офицеровъ всѣхъ націй. Вторая палатка представляла красивую, пеструю картину разнообразныхъ морскихъ и сухопутныхъ формъ.

Въ десять часовъ показались двѣ парадныя кареты, окруженные конвоемъ уланъ. Въ первой сидѣлъ Микадо, во второй Генуэзскій принцъ; впереди императорской кареты скакалъ уланъ со штандартомъ Его Величества.

Принцъ Арисугава скомандовалъ „на краулъ“, музыка заиграла японскій гимнъ, а Микадо не торопясь вышелъ изъ кареты и, не обращая ни на кого вниманія, вошелъ въ свою палатку, гдѣ сейчасъ же начались представленія дипломатическихъ чиновъ и гостей. По окончаніи этой церемоніи подвели маленькую лошадку подъ зеленой попоной съ вышитыми на ней золотыми астрами. Микадо сѣлъ на лошадку и вмѣстѣ съ принцемъ Генуэзскимъ отправился въ объѣздъ въ предшествіи своего штандарта и въ сопровожденіи военной свиты.

Войска стояли въ три фаса, имѣя на правомъ флангѣ единственный хоръ музыки. Музыканты были одѣты въ красныя шаровары, голубыя гусарки и красная кэпи съ бѣлыми султанами. Объѣздъ произвелъ на насъ странное впечатлѣніе: Микадо не здоровался съ войсками, и тѣ стояли безмолвно, эта непривычная тишина и поражала насъ. Послѣ объѣзда начался церемоніальный маршъ. Сперва прошла военная школа, затѣмъ пѣхота, кавалерія и артиллерія, всего очень мало, войска проходили вяло и неумѣло.

По окончаніи прохожденія войска построились по-прежнему въ три фаса, взяли на краулъ, музыка сыграла гимнъ, выслушавъ который, Микадо слѣзъ съ коня, сѣлъ въ карету и одновременно съ принцемъ Генуэзскимъ въ томъ же порядкѣ уѣхалъ съ плаца. За ними всѣ разѣхались по домамъ, такъ прошелъ этотъ мало интересный парадъ.

Въ этотъ же день вечеромъ адмиралъ давалъ обѣдъ въ честь принца Генуэзскаго, на обѣдъ были приглашены командиры воен-

ныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, вице-адмиралъ Кавамура и морской министръ Еномото.

30 декабря принцъ Генуэзскій сдѣлалъ прощальный визитъ нашему адмиралу на крейсерѣ „Африка“. Вечеромъ офицеры обѣдали у посланника въ Токио, за обѣдомъ присутствовалъ знаменитый путешественникъ по Африкѣ Бекеръ съ супругой, раздѣлившей съ нимъ трудности путешествія; онъ едва отвѣчалъ на разспросы, но за то обладалъ прекраснымъ аппетитомъ. Мы приглашали его къ себѣ совершить путешествіе вокругъ „всей Африки“, но онъ почему-то не пріѣхалъ.

В. Рудневъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Окладной, контрибуціонный, листъ Наполеона въ Митавѣ въ 1812 году.

Для обезпеченія лѣваго фланга французской арміи въ 1812 г. былъ выдвинутъ корпусъ Макдональда. Отъ этого корпуса въ Курляндію направленъ былъ прусскій отрядъ генерала Граверта, который 8-го іюля занялъ Митаву.

„Главное управленіе Курляндіи раздѣлили между собой наполеоновскіе губернаторы де Шамбодуэнъ и Монтиньи, но вся исполнительная часть находилась въ рукахъ мѣстной администраціи, оказавшей французамъ полное содѣйствіе и всецѣло проникнувшейся интересами новаго правительства. Всѣ указы отъ имени „Императора французовъ“ печатались на нѣмецкомъ языкѣ, въ типографіи губернскаго правленія и дѣятельно распространялись по уѣздамъ.

Указы эти касались сбора военной контрибуціи и новаго устройства герцогства Курляндскаго, въ которомъ всѣ русскія присутственныя мѣста упразднялись и замѣнялись другими, дѣйствовавшими отъ имени Императора Французовъ“¹⁾.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется подлинный, съ конвертомъ, окладной, контрибуціонный листъ отъ 7-го декабря 1812 года о взысканіи 1000 франковъ съ купца Шмидта.

Этотъ интересный документъ воспроизводится въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ, при слѣдующемъ переводѣ:

¹⁾ Курляндскія «дѣйства» въ 1812 году. Историко-политическій очеркъ. С.-Петербургъ. 1908.

B e f e h l

Seiner Majestät, Napoleons,

Kaisers der Franzosen, Königs von Italien, Beschützers des
Rheinbundes, Vermittlers des Schweizerbündnisses

ic. ic. ic.,

aus

der Landesregierung des Herzogthums Kurland und Semgallen,

an

*Herrn Kaufmann Schmidt zu der
Klein-Flak.*

N° 1222 Auf den Grund einer von dem Herrn Generalgouverneur dieser Provinz ge-
nehmigten Supplementliste derjenigen Individuen, welche nach dem Beschlusse
der Garantenkommittee gleichfalls einen Vorschußbeitrag zur Deckung des Kon-
tributionsrückstandes von achtmalshundertrausend Franken leisten sollen, wird
Lw. Geyndel hiemit aufgegeben, bey Vermeidung der
angeordneten Zwangsmittel die Summe von *1000*. Franken in zwey
Terminen, nämlich die eine Hälfte in drey Tagen und die andere Hälfte in sechs
Tagen nach Empfang dieses Befehls, als einen zur Deckung des Kontributions-
rückstandes bestimmten Vorschuß, der aus den noch einzutreibenden Rückständen
erstattet werden wird, unfehlbar bey ihrer Ortsobrigkeit zu erlegen.

Mitau, den 7ten December 1812.

Wilhelm v. Rüdiger,
Regierungsrath.

Friedrich Fircks,
Regierungsrath.

Wilhelm v. Holten,
Regierungsassessor.

Harder,
requirirter Secretair.

У К А З Ъ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НАПОЛЕОНА,

Императора французовъ. Короля Италіи, протектора
Рейнскаго Союза, медиатора Швейцарскаго Союза
и проч., и проч. и проч.

Отъ управленія герцогства Курляндскаго и
Семигальскаго,

купцу Шмидту у Малыхъ воротъ.

№ 1222. На основаніи утвержденнаго г. генераль-губернаторомъ означенной провинціи дополнительнаго списка лицъ, кои, согласно постановленію поручительственнаго комитета обязаны внести свою долю для покрытія наложенной на жителей контрибуціи, въ размѣрѣ 800,000 и во избѣжаніе примѣненія принудительныхъ мѣръ, Вамъ, м. г. предлагается внести безотлагательно подлежащимъ властямъ 1,000 франковъ, въ два срока, а именно, первую половину въ теченіи трехъ дней, а вторую въ теченіи шести дней со дня полученія настоящаго указа, въ пополненіе числящейся за Вами недоимки.

Митава. 7 декабря 1812 года.

Вильгельмъ ф. Рюдигеръ. Фридрихъ Фирксъ. Вильгельмъ ф. Голтѣй.
Совѣтникъ Правленія. Совѣтникъ Правленія. Ассесоръ.

Гардеръ.

Секретарь по взыванію реквизицій.

Н—чъ.

Поправка: Въ „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣятеля“, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ, на стр. 243 вмѣсто „третій видъ церковныхъ обрядовъ“ слѣдуетъ читать „третій видъ торжественныхъ семейныхъ событій—бракосочетаніе“ и т. д.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

Годъ изданія сорокъ четвертый.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будеть выходить въ 1909 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ либо партій и кружковъ,

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанс., симбирс., самарс. и сарат. и изъ каспійс. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирс. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид. соб. д.), всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва Мясницк. д. Сытова). Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—3 руб. 75 коп.,
3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель

В. И. СКЛАБИНСКИЙ.

1909 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1909 г.
на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

РОДНАЯ РѢЧЬ

Въ 1909 году гг. подписчики получаютъ:

 всего за ПЯТЬ рублей

безъ всякой доплаты за пересылку слѣдующія изданія:

50 №№ литературнаго иллюстрированного журнала, около 500 изящно выполненныхъ рисунковъ и портретовъ и 1600 ст. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, статьи историческаго и научнаго содержанія, смѣсь, оригинальные рисунки и портреты.

50 №№ политической и общественной газеты, въ которой печатаются передовыя статьи по вопросамъ политической и общественной жизни, хроника, фельетоны, корреспонденціи, иностранныя новости, тиражи, каррикатуры и шаржи на политическія и общественныя темы

Художественнымъ отдѣломъ журнала заведуетъ извѣстный художникъ П. Ивановъ.

24 КНИГИ: ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
2500 стр. извѣстнаго русскаго писателя

Б. М. МАРКЕВИЧА.

Цѣна этимъ сочиненіямъ въ отдѣльной продажѣ 25 руб.

1) Четверть вѣка назадъ, бол. романъ въ 2-хъ част. 2) Переломъ, ром. 3) Забытый вопросъ, ром. 4) Бездна, правдивая исторія. 5) Марьяна изъ алаго рога, совр. быль. 6) Лѣсникъ, разск. 7) Княжна Тата, раз. 8) Бѣлокурая красавица, быль. 9) Свободная душа, психол. этюдъ. 10) Утро карьериста, разск. 11) Мелкіе рассказы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на журналъ съ приложеніями газетъ, 24 кн. полнаго собранія сочиненій Б. М. Маркевича съ пересылкой во все города и мѣстности Россіи на годъ

5 руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 мая—1 р. и къ августу 1 р.

Съ наложеннымъ платежемъ и въ кредитъ журналъ не высылается. Марки въ уплату не принимаются.

Подписку просимъ адресовать на имя редактора-издателя А. А. ПЕТРОВИЧА.

Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер. домъ № 4.

**13-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ**

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1909 г.**

**13-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ**

на единственное въ Россіи литературное ежемѣсячное
художественное изящно-иллюстрированное изданіе

Новый журналъ Литературы, Искусства и Науки (Ф. И. Булгакова).

Программа: 1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи. — 2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками. — 3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно научныя. — 4) Статьи по вопросамъ: литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ. — 5) Историческіе мемуары. — 6) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей. — 7) Критика, хроника и обзоръ. — 8) Иностранное обозрѣніе. — 9) Новости. — 10) Приложенія.

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ того фонда мировой культуры, ея идей и стремленія, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ 1909 г. съ отдѣльной номераціей страницъ, кромѣ нѣсколькихъ выдающихся, еще слѣдующія произведенія, а именно:

Изъ произведеній классической литературы впервые на русскомъ языкѣ

Сатириконтъ Петронія.

Патриція при Неронѣ.

Изъ произведен. историческ. литературы

Мемуары
Императрицы **Екатерины II.**

Изъ произведеній новѣйшей литературы
повѣсть

„Эленины младенцы“.

Знаменитаго американскаго беллетриста
Джона Габертоня.

Впервые въ литературѣ: Полное собраніе
афоризмовъ **Чехова.**
Антоня Павловича

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 Января 1909 г. получаютъ съ первымъ же номеромъ журнала совершенно безплатно одинъ томъ новаго роскошнаго художественнаго изданія:

Премія

Наши Художники

(живописцы, скульпторы, монетчицы, граверы и медальеры).

Биографіи, портреты художниковъ и снимки съ ихъ произведеній.

Премія

№ 1-й журнала и премію „Наши Художники“ гг. подписчики получаютъ 1-го Января.

Подписная цѣна безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 руб.

За границу 9 руб. Разсрочка допускается въ 2 и 3 срока.

Для гг. служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ и управляющихъ.

Подписка принимается въ редакціи «Новаго Журнала Литературы, Искусства и Науки» — С.-Петербургъ, Гороховая, 27, кв. 20, и въ всѣхъ книжныхъ магазинахъ, а также въ книжныхъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40); въ Москвѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Саратовѣ и Одессѣ — въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», безъ доставки 5 р. 50 к. Иногородные подписчики въ разсрочку благоволятъ адресовать въ редакцію «Новаго Журнала Литературы, Искусства и Науки» Гороховая ул., д. 27.

Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ 1 р. безъ премій.

Редакція. Спб., Гороховая 27.

2—3

Редакторъ В. Н. Дмитріевъ.

Открыта подписка на 1909 годъ на три журнала
ИЗДАНІЕ АЛЕКСѢЯ АЛЬМЕДИНГЕНА

„РОДНИКЪ“

28-й г. изд. подъ одной редакціей. Журналъ для семьи и школы. 12 книгъ, отъ 12 до 15 печ. лист. каждая. Съ 1909 года весь матеріалъ въ «Родникѣ» будетъ расположенъ по новому способу, благодаря которому пользованіе книжками журнала будетъ чрезвычайно удобно для семьи и особенно для школы.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой **ПЯТЬ** рублей.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“

33-й г. изд. Самый дешевый и распространенный педагогическій журналъ въ Россіи. 12 №№ въ годъ. Вопросы семейнаго воспитанія. Родительскіе кружки. Хроника дѣтской жизни. Библіографія.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой **ОДИНЪ** рубль.

„СОЛНЫШКО“

5-й г. изд. Журналъ для дѣтей младшаго возр. и для городскихъ и сельскихъ школъ. 12 книжекъ со многими рис. **ПРИЛОЖЕНІЕ**—40 картинъ съ текстомъ, для составленія альбомовъ. Каждая книжечка вполне закончена и представляетъ собою цѣльную маленькую хрестоматію со многими ориг. рисунками.

Пробные номера „Солнышка“ высылаются за двѣ 7-ми коп. марки.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой **ОДИНЪ** рубль.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ. Таврическая ул., д. 19 (во дворѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва. Петровскія линіи, у. Н. Печковской.

Подробная программа высылается по требованію бесплатно.

Въ память **XXXV**-ти лѣтія
 „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“
 всѣмъ годовымъ подписчикамъ на 1909 г. выданы будутъ бесплатно

I.

== ЖЕТОНЫ ==

Изъ темно-красной бронзы, художественно исполнены по особому заказу извѣстной фабрикой Д. И. ОСИПОВА въ С.-Петербургѣ.

II.

== КНИГА ==

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

для дѣтей.

Избранныя произведенія подъ редак. Нестора КОТЛЯРЕВСКАГО изд. И. ГЛАЗУНОВА въ Спб.

Книга отпечатана четкимъ шрифтомъ на роскошной большого формата бумагѣ (298 стр.) съ тремя художественно исполненными портретами автора, репродукція съ гравюръ на стали.

Содержаніе книги: отъ редактора, введение, «Русскій языкъ», «Хоръ и Калинычъ», «Льговъ», «Бѣжинъ лугъ», «Касьянъ съ Красивой Мечи», «Бирюкъ», «Пѣвцы», «Живыя мощи», «Стучить», «Смерть», «Лѣсъ и стѣнь», «Муму», «Поѣздка въ Полѣсье», «Собака», «Пунинь и Бабуринь», «О соловьяхъ», «Пегасъ», «Пожаръ на морѣ», «Перепелка», «Разговоръ на большой дорогѣ», «Деревня», «Няцій», «Маша», «Воробей», «Милостыня», «Ши», «Христосъ».

Выдача жетоновъ и книги гг. подписчикамъ будетъ производиться съ 7-го января 1909 г. ежедневно въ конторѣ «Одесскаго Листка» съ 9 до 12 час. утра и съ 5 до 6 час. вечера по предъявленіи подписныхъ квитанцій. Гг. иногородніе подписчики желающіе получить премію по почтѣ, благоволятъ сообщать о томъ конторѣ, приложивъ почт. марокъ на 33 к. въ возмѣщеніе стоимости расходовъ по пересылкѣ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ литературная, политическая и коммерческая газета

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

съ иллюстрированными приложеніями дважды въ недѣлю
 а также со многими рисунками въ текстѣ газеты.

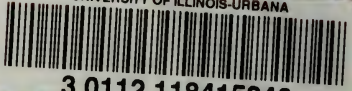
Каждый номеръ «Одесскаго Листка» вмѣщаетъ всѣ отдѣлы большихъ европейскихъ газетъ. Въ столицахъ крупнѣйшихъ государствъ, въ городахъ и мѣстечкахъ южнаго района Россіи редакция имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ, которые ежедневно по телеграфу даютъ газетѣ подробнѣйшіе отчеты обо всѣхъ выдающихся событіяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ. Въ городѣ съ доставкой на домъ: 10 р. въ годъ, 6 руб. полгода, 3 р. 50 к. три мѣсяца и 1 р. 20 к. въ мѣсяцъ. На города съ ежедневной высылкой по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣс.

КОНТОРА ВЪ ОДЕССѢ въ домѣ редактора-издателя „ОДЕССКАГО ЛИСТКА“ В. В. НАВРОЦКАГО.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

3 0112 118415246